

Б. М. Бим-Бад

Психология и педагогика: просто о сложном

---

1. Тайная жизнь сердца

Краткая характеристика двух стихий, господствующих в душе

“Вырастание” есть трудное и опасное путешествие нового жильца земли из страны дикого природного Я в цивилизованную страну людей, где Я живет среди человечества. Это странствование по жизни отдельного человека удивительно напоминает историю возрастания и мужания всех людей в целом, только оно ускоренное, сжатое, но никак не менее противоречивое и напряженное. Стихия дикости, необузданности, жадности, ревности, эгоизма и недостижимой позже поэзии идет от инстинктивного самосохранения и неуправляемых импульсов. Нежность и враждебность вместе испытывают и проявляют дети к родителям, учителям, всем, от кого они зависят и кто им что-либо запрещает. Мелани Кляйн, британский психоаналитик, отмечала одновременность противоположных чувств ребенка к своим родителям (воспитателям). Злясь и раздражаясь, ребенок желает нанести вред тем, кого любит. И одновременно он опасается вреда, которого желает для объектов своей любви. Отсюда — многообразные внутренние конфликты ребенка. Судьбу противоречивых чувств ребенка в жизни взрослого человека Кляйн проследила в книге о детях первого года жизни “Зависть и благодарность” (1957).

Глубоко продумал эти процессы французский философ и писатель Жорж Батай: условия первоначальной жизни похожи на первобытные. Это условия спонтанных желаний, не лишенные своеобразной поэзии. Общество противопоставляет свободной игре наивность, что подкрепляется доводом, основанным на корысти. Оно построено так, чтобы выгода была бы как можно более длительной. Общество перестало бы существовать, если бы продолжали властвовать непосредственные движения души, связывающие детей отношениями сообщничества. Социальные условности заставили бы юных дикарей расстаться с наивной идеей самовластности, и они должны были бы подчиниться разумным правилам взрослых, составленным так, что в выгоде остается социум.

Но если дети, по счастью, могут забыть о мире взрослых на некоторое время, они все равно будут отданы, в конце концов, этому миру.

Отсюда — бунт отверженного, изгнанного из своего же царства и горящего неодолимым желанием вернуть себе утраченное существо. Ребенок, не на жизнь, а на смерть борясь против мира добра, культуры, самоограничения, — мира взрослых, становится на сторону зла. Ребенок готов к каре и даже иногда жаждет ее, кару, за свои недостойные мечты о своеволии, но заставить его не мечтать невозможно. Растущий человек должен будет принять эти границы разума, признать необходимость расчета и выгоды. Но, подходя к таким границам и к пониманию этой необходимости, он не раз вздохнет о своем утерянном рае. «О, моя утраченная свежесть / Буйство глаз и половодье чувств». И в другом месте у того же Сергея Есенина мы находим: «И теперь вот, когда простыла / Этих дней кипятковая вязь...».

«Кипятковая вязь» может и вырваться наружу, взбунтоваться, выплеснуться при землетрясении, как вулканическая лава. Не удивляйтесь и не сетуйте — это естественно. Это ненадолго. Мы знаем: время быстро проходит.

Просто на минуту молча склоните голову перед ребенком: ведь ему придется стать разумным!

Путь к царству детства, порывы которого наивны и невинны, обнаруживается подчас как одержимость безотчетным счастьем бытия. Но одновременно в тоске по царству необузданного, необъезженного, если угодно, детства таится и опасность зла, разрушения, жестокости. Это неоспоримо показал удивительно глубокий писатель Уильям Голдинг в романе «Повелитель мух» (1954): хорошо воспитанные подростки в экстремальной ситуации капитулируют перед бесконтрольной иррациональностью, трагическим злом оголтелого эгоизма.

Более поздняя стихия альтруизма, сиречь добра. Выдающийся наш генетик Владимир Павлович Эфроимсон показал, что потенции к совершению добра, к справедливости, к подвигам, к самоотвержению, которые постоянно раскрываются в человеке, имеют свои основания также и в его наследственной природе, куда вложены они действием особых биологических факторов, игравших существенную роль в механизмах естественного отбора, в процессе эволюции наших предков. (Родословная альтруизма: этика с позиций эволюционной генетики человека).

Натуралист Евгений Маре, три года живший среди павианов в Африке, однажды подсмотрел, как леопард залег около тропы, по которой торопилось к спасительным пещерам запоздавшее стадо павианов - самцы, самки, малыши, словом, верная добыча. От стада отделились два самца, потихоньку взобрались на скалу над леопардом и разом прыгнули вниз. Один вцепился в горло леопарду, другой в спину. Задней лапой леопард вспорол брюхо первому и передними лапами переломил кости второму. Но за какие-то доли секунды до смерти клыки первого павиана сомкнулись на яремной вене леопарда, и на тот свет отправилась вся тройка. Конечно, оба павиана не могли не ощущать смертельную опасность. Но стадо они спасли.

"Естественно, что... среди очень многих человекоподобных видов, с которыми человек находился в борьбе за жизнь, выжил тот вид, в котором было сильнее развито чувство взаимной поддержки, тот, где чувство общественного самосохранения брало верх над чувством самосохранения личного, которое могло иногда влиять в ущерб роду или племени" (П. А. Кропоткин. Этика, 1922).

Племя, лишённое этических инстинктов, имело, может быть, столь же мало шансов оставить взрослое потомство, как племя одноногих, однуруких или одноглазых. Природа безжалостно истребляла те общины, в которых недостаточно охранялись беспомощные дети, в которых недостаточно о них заботились, — продолжает Эфроимсон.

“Свойственное человеку стремление совершать благородные, самоотверженные поступки не является лишь следствием добронравного воспитания. Оно в значительной мере порождено естественной эволюцией, направлявшейся по руслу развития умственных способностей, удлинению срока беспомощности детей и сопряженной с этим чрезвычайной интенсификацией отбора на альтруистические эмоции.

Закон естественного отбора, самый могущественный из законов природы, породил и закрепил не уничтожение слабых, больных, а в условиях, в которых создавалось человечество, породил и закрепил инстинкты и эмоции величайшей нравственной силы.

Для пробуждения, реализации этих общечеловеческих эмоций, конечно, требуется воспитание, пример”. (Владимир Эфроимсон. Родословная альтруизма: этика с позиций эволюционной генетики человека).

О том, как важна доброжелательная и радостная атмосфера окружающей детей жизни, свидетельствует тот бесспорный факт, что улыбка у ребенка становится возможной только под воздействием улыбки окружающих людей. Если вокруг ребенка никто не улыбается, и он не научится улыбаться.

Противоречивость моральных устремлений человека. Да, человек в своем развитии повторяет историю человечества. Его забота о себе постепенно принимает более воспитанные формы. Но дается ему это отнюдь не автоматически. Даже туалетное воспитание требует от него отказа от легкости и удобств бескультурья: “Хорошо быть кисою / Хорошо собакою — / Где хочу, пописаю, / Где хочу, покакаю...” Жизнь среди людей принуждает ребенка на каждом шагу ограничивать себя: приходится постоянно учитывать, что вокруг тебя люди, которые не потерпят тебя, если ты соришь, если ты им неприятен, мешаешь и т. д. Искусство быть приемлемым довольно сильно борется в растущем человеке с желанием обойтись без социальных навыков. Обе стихии — асоциального, дикого эгоизма и социального, культурного, альтруистичного, разумного начала — сталкиваются в каждом человеке и определяют собой борьбу мотивов в его душе.

Человек может быть очень альтруистичным, открытым другим людям, добрым, приносящим благо, служа при этом своим интересам. Просто потому, что его интересы или, в наших терминах, его наслаждение и выгода как раз в том и заключаются, чтобы быть добрым. И он просто не может иначе.

Что такое добро? Прежде всего то, что обеспечивает возможность цивилизации, преобладание культуры, совершенствования человеческого общежития. Это — эмпатия, сострадание, забота не о себе, а о роде и виде, о ближних.

Но служение добру как исключительной и сознательной цели жизни отрицается и зрелым человеком. Оно, как показал отечественный философ Лев Шестов, неестественно, фальшиво и в конце концов обязательно приводит к реакции даже самого лучшего человека. (Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше, 1900). “Здоров протест против исключительного требования добра, чтобы вопреки всему бесконечному разнообразию действительной жизни люди признавали его началом и концом всего”, — писал Шестов.

Весьма осмысленно нежелание Гомера и Шекспира воздавать людям за добро и зло, ибо ответственность за человеческую жизнь разумно искать не только внутри нас, но и вне нас.

А что творится вне нас? Люди делают добро часто лишь для того, чтобы обрести возможность безнаказанно творить зло. Добродетели теряются в своекорыстии, как реки в море. Наше раскаяние — это обычно не столько сожаление о зле, которое совершили мы, сколько боязнь зла, которую могут причинить нам в ответ (Франсуа де Лярошфуко. Максимы, 1665).

Триста лет спустя Виктор Петрович Астафьев запечатлевает хаос, рвачество, волчьи законы, убогое прозябание, унаследованные современностью: «И все злей, все неистовей, все вороватей делаются российские люди» («Так хочется жить», 1995).

Но преодоление зла верой и творчеством возможно. Николай Александрович Бердяев (1874-1948) очень убедителен, утверждая, что страданию, рабству, злу противостоит в мире другое начало — творчество. Творя, человек вбирает этот мир в себя, включает его в свою внутреннюю жизнь, открытую для свободы и духа. Только добро в душе человека позволяет укреплять те нравственные принципы, которые способствуют установлению и развитию гражданского общества и более справедливого политического устройства.

Вот почему так велика желательность такого поведения, когда человек уклоняется от зла и от общения с дурными людьми, но при этом не позволяет себе не видеть в этих людях и добрых задатков, и каких-то хороших качеств, не позволяет себе

презрительного возвышения себя над миром.

Здесь главное – искусство дарения, отдачи. Когда мы счастливы тем, что нам есть о ком заботиться, – в этом смысл жизни, созидательной жизни, творящей добро. Уж лучше вовсе не делать добра, чем делать добро из торгашеского расчета: мол, я делаю тебе добро в надежде на то, что получу добро от тебя.

Хороший метод укрепления человека в добром - беседы на житейские и теоретические темы. Пример дает Иммануил Кант:

“Учитель. Если бы ты обладал всем возможным в мире счастьем, ты бы держал его для себя или поделился бы со своими ближними?

Ученик. Я бы поделился им, чтобы сделать и других счастливыми и довольными.

Учитель. Это показывает, что у тебя довольно доброе сердце; но покажи, правилен ли также и твой рассудок. Станешь ли ты давать лентяю мягкие подушки, чтобы он проводил жизнь в сладостном ничегонеделании, или обеспечивать пьяницу вином, придавать лжецу приятный облик и манеры, чтобы он тем легче мог провести других, или же насильнику — храбрость и силу, дабы одолевать его жертв? Ведь все это средства, которых желает каждый, чтобы быть счастливым на свой лад.

Ученик. Нет, этого я не стану делать.

Учитель. Значит, если бы у тебя и было все счастье и к тому же самая добрая воля, ты все-таки не должен был бы без рассуждения награждать этим счастьем каждого, кто протягивает к нему руку, а должен был сначала исследовать, насколько каждый достоин счастья.”

Вот еще возможные темы для раздумий и обсуждений:

1. Поощрять слабости нельзя, попустительствовать глупости нельзя, укоренять ошибки нельзя. Обязательно злу необходимо противостоять, но не силой, а доброжелательным разъяснением, и ни в коем случае не стоит клеймить, обличать, гневно осуждать. Мы все – все! - слишком мало можем знать для того, чтобы выносить приговор. И при этом мы просто обязаны сопротивляться злу.
2. Не бойтесь быть добрыми и не ждите благодарности за свои благодеяния.

О природе и сущности воспитания

*

Воспитание людей - наука и искусство настолько многосложные, что овладение ими требует многих лет напряженных усилий. Совсем не меньших, чем подготовка хирургов или дирижеров. Родителей у нас науке воспитания вообще не обучают и в искусстве его не стажируют. Учителя же в основном постигают те премудрости, основы которых готовятся преподавать в школе, а сведения о воспитании, которые они получают, как правило, недостаточные.

Между тем ни один человек не может своим умом и опытом превзойти достижения и завоевания тысячелетий, давших человечеству ценой многих ошибок, горьких потерь, равно как и накоплением многообразных блестящих благотворных результатов. Ибо «искусство долго, а жизнь коротка», как говорили древние, и наука необходима потому, что она «сокращает нам опыты быстротекущей жизни» (Александр Сергеевич Пушкин).

Что же делать, чтобы в ходе воспитания люди ответственные и доброжелательные не брели бы наугад - не действовали методом проб и ошибок? Или не пытались бы просто вспомнить то, как их самих воспитывали? Или не всегда верили бы случайным советам, как иногда верят новомодным диетам?

Думаю, что их вниманию можно предложить некую систему простых идей о природе и сущности воспитания, то неизменное ядро любой и всякой теории и практики воспитания, действенность коих надежно проверена и перепроверена не только с помощью исследовательских рассуждений и научных экспериментов, но и благодаря широкому успешному опыту.

Ясно представляя себе первоначальную сущность воспитания, каждый думающий и чувствующий человек в силах выстроить свою собственную методику, которая не отклонялась бы сколько-нибудь опасно от природы этого мудреного процесса.

*

Давайте начнем с родного языка. В русском языке воспитывать - поить и кормить, пока новый житель Земли не обретет самостоятельности. Владимир Иванович Даль конкретизирует: воспитывать - вскармливать, взращивать, одевать до возраста. «Вспоили, вскормили и в люди благословили, а живите сами», - говорит отец, благословляя дочь. «Что вспоено, что вскормлено, то и выросло (о воспитании)».

Вспоить, вскормить мало. «Не тот отец, что вспоил, вскормил, а тот отец, что уму-разуму научил. Не тот отец-мать, кто родил, а кто добру научил».

Поэтому воспитывать - это еще и заботиться о нравственных потребностях малолетнего; научать, наставлять, обучать всему, что нужно для жизни.

Воспитанный человек - выросший в правилах приличия и обычаях; образованный, обогащенный сведениями. «Дай Бог вспоить, вскормить, на коня посадить, а если дочь, за пряслицу посадить».

В русском словоупотреблении зафиксирована главная особенность воспитания: его цель - стать ненужным, ибо оно устремлено к самостоятельности человека. Воспитание заключено именно в том, чтобы укреплять малолетнего в «самостоянии» - сначала в прямом, а затем и в переносном смысле. Конечная цель воспитания - превратиться в самовоспитание личности, и это ответ на глубинные и важнейшие потребности и интересы воспитанника.

По природе своей малолетний то ждет помощи и руководства со стороны близких и сверстников, то предпочитает действие самостоятельное.

Стало быть, главное в воспитании как помощи в возрастании, взрослении человека заключено в том, чтобы улавливать моменты «самости» («Я сам...») и всё ослаблять и ослаблять содействие зрелого человека в выполнении различных действий начинающим человеком. Таким образом, воспитание состоит в постепенном ослаблении воспитания и одновременно - в постоянном возрастании трудностей, которые приходится преодолевать закаливающимся в жизни малышам.

От преждевременной и потому опасной самостоятельности воспитатель ограждает подопечного, а к полезной - даже подталкивает. Как ограждает и как способствует? Одобрением и его отсутствием, поощрением и его лишением.

Стало быть, главнейшими средствами воспитания выступают не запрет и не наказание, а одобрение и поощрение в паре с их противоположностью. Репрессивная педагогика порождает героизацию нарушителя норм - осмелившегося преступить нормы, нарушение коих запрещено под страхом наказания, - как преодолевшего страх. Романтизация бунта - неизбежное следствие запретов, гарантом соблюдения которых выступает страх.

Родители, виновные в оскорбительном и негуманном обращении с детьми, обычно сами жестоко наказывались в детстве и страдали от дефицита любви к себе.

Для наказываемого, страдающего, как правило, от чувства неполноценности, невыполненное требование - это не вызов и не возможность проявить свои способности, а угроза унижения.

Ребенок, уверенный в доброжелательности, спокойствии и искренности воспитателя, не нуждается ни в дрессировке ремнем, ни в угрозах, нотациях, праведном гневе. Ему достаточно тихого «молодец». Или же - сдержанного молчания. Одобрение и неодобрение воспитателя чаще всего проявляется в спокойной форме: «правильно - неправильно».

*

С содержательной точки зрения воспитание есть деятельность воспитателей и

воспитанников по ознакомлению с нормами, по усвоению норм и подчинению им.

Воспитание полностью находится в пространстве культурных норм даже в тех случаях, когда выходит за их рамки, - например, при неправильном воспитании, ошибках или проступках детей. В этих ситуациях возвращение к норме, более полное ее усвоение происходит в соответствии с тем или иным стандартом, который разделяет или которого придерживается воспитатель.

Мир законосообразен и только таким и может быть понят. Стало быть, и ориентирование в мире соотносится с его нормами. Нормы суть отражение закономерностей мира и потому закономерны сами. Так, обычаи - это совокупность норм поведения, сложившихся в обществе в результате их традиционного применения. Признанный обязательным порядок, узаконенные установления типичны для юридических норм, норм литературного языка, правил уличного движения и т. п. Игры, спорт абсолютно невозможны без правил. Человек без политических и нравственных норм есть человек без чести. Он «должен быть готов на всякую мерзость, подлог, обман, грабеж, убийство и предательство. Ему разрешается быть предателем даже своих соумышленников и товарищей. Это ужасная теснина между умопомешательством и мошенничеством» (Михаил Никифорович Катков, знаменитый литератор XIX века).

Ближайшим и непосредственным образом норма проявляет себя в нормальности. Этот факт зафиксирован в обыденном языке: «У меня нормальная температура», «Нормальная обстановка», «Как себя чувствуете? - Нормально!».

Нормальный - читай: благополучный, естественный, привычный, не странный, правильный. Уравновешенный. Не чрезмерный. Не деланный, не уродливый, не безобразный. (Сравните: «уродливое воспитание», «уродливый вкус».) А также - не ущербный, достаточный (о характере, психике, мироощущении). Гармоничный, согласованный, стройный в сочетании звуков, красок, душевных сил, интересов. Слаженный. Без проблем, без крайностей, правильный, справедливый. Неподдельный, непритворный, открытый.

Но нельзя забывать, что существуют и нормальные колебания. Например, колебания настроения, чувств, отношений, поведения. Один и тот же ребенок может быть и жертвой избиений дома или в школе, и тираном, и хулиганом. Воспитуемый легко переходит от одной роли к другой.

Личные нормы должны проистекать из понимания человеком сути вещей и дел, то есть из понятий. У человека волевое отношение к себе и к жизни может определяться понятиями как общими и постоянными принципами действия. Человек может подчинять свои желания идее, может из многих предстоящих действий выбирать то, которое соответствует принятому или решенному принципу деятельности. Способность к такому выбору и принципиальному решению есть бесспорный психологический факт.

Но есть и вредное соблюдение должного - бездумное и негибкое упрямство. Нормы не должны становиться догмами, принимаемыми за истину, неизменную при всех обстоятельствах.

Нарушение некоторых норм - вина. Чувство вины играет важную роль в индивидуальной и общественной жизни. На всем существовании человека и жизни общества лежит печать той или иной трактовки вины и ее последствий. Вот почему так полезно поощрять растущего человека к воспитанию в себе здоровой совести и стремления к искуплению вины.

Природа воспитания такова, что предотвращение серьезных отклонений от нормы, поддержание и упрочение полученных результатов пронизывает собой все воспитательные взаимодействия. Именно в целях профилактики, а не только исправления действий воспитанников осуществляется педагогическое вмешательство в их жизнь. Задачей воспитания, в частности, является

предупреждение преступного образа мыслей и опасных деяний.

В воспитании усвоить - значит сделать норму свойственной, привычной для себя. Воспитательно прочное знание принципов (а не одних фактов), и упражнение в применении этих принципов к решению жизненных задач.

Неусвоение нормы воспитумым проявляется в ошибках. Сократ ясно показал, что никто не ошибается преднамеренно. Человеку свойственно ошибаться.

Исправляя ошибки, наставник приводит воспитуемого в соответствие с нормами. И здесь профилактика эффективнее терапии: лучше предупреждать ошибки, чем исправлять уже совершенные.

Если младенца никто никогда, даже в шутку, не ударил, не сделал даже вида, что бьет, ему в голову не придет «идея битья». Если же он хоть раз столкнулся с какими бы то ни было шлепками, он непременно «даст сдачи» и будет убежден, что это в порядке вещей.

*

Соседка моя, почти неграмотная бабушка, воспитала достойных, умных, настоящих работяг, отличных семьянинов-сыновей. И они, в свою очередь, оказывают на своих детей самое благотворное влияние, которое дает им чувство собственного достоинства, профессию, развивает ум, уважительное отношение к окружающим.

Наследственность и расположение звезд здесь ни при чем. Человек рождается и долго остается пластичным, гибким, воспитумым, и этого достаточно, чтобы стать и пребывать нормальным.

Моя соседка сама, видно, была воспитана в атмосфере внимательного доброжелательства, готовности помочь друг другу, требовательности к себе. И, подготовленная народной традицией, она, похоже, переоткрыла для себя простую вечную природу воспитания.

"Если хочешь быть счастливым, будь им"

Как вырастают беспомощные люди?

Вынесенный в заголовок тезис есть "плод раздумья" (№ 80) Козьмы Пруткова. В этом, казалось бы, шуточном парадоксе предвосхищено несколько открытий современной психологической науки.

Открытие выученной беспомощности. Почти полвека назад было экспериментально установлено (Мartiном Селигманом), что беспомощности довольно легко научиться. Человек довольно быстро приобретает неуверенность в своих силах.

Беспомощность вызывают не сами по себе неприятные события, а неконтролируемость этих событий. Существо становится беспомощным, если оно привыкает к тому, что от его активных действий ничего не зависит, что неприятности происходят сами по себе и на их возникновение влиять никак нельзя.

Если человеку постоянно говорить: "ты глуп", "у тебя нет способностей к тому-то и тому-то", то он поверит, сложит крылышки, найдет кучу удовольствий в ничегонеделании, станет профессиональным неудачником и расслабленным во всех отношениях человеком.

Беспомощность влияет и на активность иммунной системы человека, на способность организма противостоять болезням, а значит – и на долголетие. Если человека сталкивать по преимуществу с неразрешимыми задачами, то у него наступает торможение моторной активности, ослабляется мотивация к деятельности, теряется способность к научению, появляются телесные расстройства. Человек оказывается не в состоянии справиться с задачами, которые

в других условиях решил бы играючи.

Выученная беспомощность, возникнув в одной сфере жизнедеятельности, переносится на другие – происходит отказ от попыток решения задач, которые могут быть решены на основе внутренних ресурсов. Часто возникают депрессии. В психодиагностике неоднократно фиксировался феномен последующего снижения тестовых достижений в тех случаях, когда испытуемому сообщался ложный результат – ниже его реального уровня и ниже уровня его притязаний.

Такова же психология социальной и экономической беспомощности людей без поддержки власти. Люди ищут знаков внимания от власти, рассчитывают на ее ресурсы, они не готовы морально и экономически работать как партнеры власти.

Таковы и болезни внушения (ятрогении), когда авторитетный в глазах больного врач неосторожным высказыванием лишает пациента уверенности в выздоровлении.

Пораженный выученной беспомощностью человек считает себя самым несчастным на свете. Беспомощность легко входит в химическое сродство с потребительством. Начинается "уход в болезнь неудачничества" – когда несравненно легче ничего не делать, чем предпринимать усилия. Воля постепенно атрофируется.

Наукой открыты этапы деградации личности. На первом – формирование "пешки", ощущения своей полной зависимости от других сил. На втором – создание дефицита благ, в результате ведущими становятся первичные потребности в пище и выживаемости. На третьем – возникновение чувства вины, ярости и стыда. На четвертом – сохранение "священных основ": человек запрещает себе даже задумываться об основополагающих посылах своей идеологии; картина мира упрощается: сложные проблемы спрессовываются до коротких, очень простых, легко запоминающихся неизменных формул.

Те же явления наблюдаются и в школьной практике. Когда ученика убеждают в его неспособности решать задачи, может серьезно нарушиться процесс решения задачи. Ориентированные же на достижение успеха дети реагировали на неудачу в первую очередь размышлением о том, как рациональнее организовать процесс решения задачи.

Открытие преимуществ и благ умного оптимизма. Что представляет собой альтернатива беспомощности, какое качество делает людей более устойчивыми к неблагоприятным событиям? Мартин Селигман, тот самый психолог, который открыл феномен выученной беспомощности, позже назовет это качество оптимизмом.

Именно приобретенный в успешной борьбе с трудностями оптимизм служит причиной того, что временные непреодолимые трудности не снижают мотивации к активным действиям, точнее – снижают ее в меньшей степени, чем это происходит у пессимистичных персон, более склонных к формированию выученной беспомощности. По убеждению Селигмана, суть оптимизма состоит в особом способе атрибуции – особом стиле объяснения причин неудач или успехов: оптимист приписывает неудачу случайному неблагоприятному стечению обстоятельств, объясняет своей ошибкой, которую можно исправить.

Степень влияния оптимизма на личную, профессиональную деятельность людей и даже на жизнь целых стран – весьма ощутима.

Оптимизм был известен испокон веков, но в 90-е годы XX века оптимизм осмыслили как оптимальную жизненную стратегию.

Выделяются три основных компонента разумного оптимизма:

1) субъективное ощущение счастья (позитивные эмоции – наслаждение, удовлетворение жизнью, чувство близости, конструктивные мысли о себе и своем будущем – оптимизм, уверенность в себе, наполненность энергией, "жизненной

силой");

2) высшие индивидуально-психологические человеческие качества (мудрость, любовь, духовность, честность, смелость, доброта, творчество, чувство реальности, поиски смысла, прощение и сочувствие, юмор, щедрость, альтруизм, эмпатия и т. д. (можно сказать, что позитивная психология занимается тем, что в истории гуманитарного знания называлось "добродетелями"));

3) позитивные социальные институты (демократия, здоровая семья, свободные средства массовой информации, здоровая среда на рабочем месте, здоровые локальные социальные сообщества).

Человеческое счастье не является результатом "работы генов" или "работы судьбы" – человек может жить счастливо, используя присущие ему и составляющие его качественную специфику сильные качества. Только поняв и адекватно используя их, можно действительно помочь человеку достичь удовлетворения жизнью, реализовать все возможности, которые нам дарит судьба, больше сделать в частной жизни (например, для своей семьи), в своей профессиональной деятельности, для общества (локального сообщества и человечества в целом). Высшие человеческие качества составляют также необходимый ресурс для преодоления негативных психических состояний (например, депрессии).

Как помочь человеку обрести и сохранить в себе жизненную силу и волю к будущему?

Когда я учился в седьмом классе, я признался нашей математичке, что считаю себя от природы бездарным вообще, и в математике – в особенности. "Не спешите с обобщениями", – был ответ Эльфриды Моисеевны Абезгауз, одного из самых любимых нами педагогов. – "В девятом классе будете решать даже самые трудные задачи".

Ей нельзя было не верить, а вера творит чудеса. Когда в начале десятого класса я на доске воспроизвел формулу бинома Ньютона, то получил от девочки со второй парты записку в стихах. Там были слова "В твоих глазах ума светило, ты очень милый, милый, милый". Вот что делает успех в математике, обеспеченный верой авторитетного учителя в твои способности. А спустя еще десять лет мне довелось серьезно заниматься теорией вероятностей и математической статистикой.

Помогите человеку поверить, что на самом деле у него все только начинается. Обучать надобно заработанным успехом, за который необходимо честно похвалить. Одобрение трудно заработанного результата должно следовать как можно скорее, желательно – немедленно по свершении подвига.

Учить надобно на высшем доступном уровне трудностей, как неоспоримо доказал Леонид Владимирович Занков.

Пожалуйста, только с юмором, только без сарказма. И только без крайностей: захваливание опасно, недохваленность губительна.

Поощрение должно быть только конкретным. Не спешите с обобщениями. Обобщения так же опасны в воспитании, как и в браке. Забудьте слова "вот всегда ты так". Неправда! – не всегда. Нельзя обобщать ни хорошего, ни дурного. И порицание тоже обязано быть конкретным.

Есть еще один очень важный аспект проблемы. Поисковая активность успешнее стимулируется задачами, не имеющими однозначного решения, а не задачами, ответ на которые полностью предопределен исходными условиями. Чем более "открыта" задача, чем ближе она к творческой и чем дальше от однозначной формальной логики, тем важнее для ее решения поисковая активность. В статье "Позитивная психология" (Энциклопедия "Кругосвет") Александр Шапиро справедливо утверждает, что выученную беспомощность гораздо легче предупредить, чем лечить: родители должны обеспечить и показать ребенку возможности контроля над внешней средой, должны предоставлять ему синхронную

и разнообразную обратную связь – разную в ответ на разные его действия.

"В форме простых правил я попробую сформулировать основные принципы поведения, которое помогает другим избежать беспомощности, своего рода рекомендации по ее профилактике. Эти принципы уже многократно опробованы участниками тренингов для родителей и абсолютно безопасны в применении.

Повредить ребенку они не могут, хотя, вероятно, и будут означать изменение вашего привычного автоматизированного, а потому и самого легкого, способа взаимодействия с другим человеком.

Итак, правила по профилактике выученной беспомощности:

(1) Последствия должны быть. Если жизнь стала однообразна и скучна, то зачем же она нам такая? Познакомьтесь сами и познакомьте партнера с разными сторонами реальности, покажите ему, что именно он (она) может жить и по-другому. Предоставьте возможность другому самому найти нужные ему последствия. Не только окружающая среда, но и вы сами создаете последствия. Постарайтесь чаще бывать с ребенком, мужем, женой, сотрудниками – самим собой и своей речью восполнить дефицит последствий.

(2) Последствия должны быть разнообразными. В ответ на разное поведение ваших сотрудников, вашего ребенка или супруга, вы теперь ведете себя разным способом. Вы злитесь, если он что-то сделал неправильно, радуетесь, если поступки партнера вам приятны, и – вы проявляете свою радость или злость, все многообразие ваших чувств, стараясь указывать точно, с каким именно поведением эти чувства связаны. Не ограничивайтесь обнародованием взысканий, пусть даже – и разнообразных взысканий. Дополните "перечень штрафов" "перечнем поощрений". Старайтесь уравновесить баланс хороших и плохих действий балансом хороших и плохих последствий.

(3) Промежуток времени между поведением и последствиями должен быть минимальным. Не оттягивайте с реакцией, реагируйте тотчас же и разнообразно. Особенно это важно в случае экстремального поведения, необычно хорошего или необычно плохого.

(4) Случайные реакции лучше постоянных. Действительно, глупо выглядят попытки постоянно сопровождать любое поведение партнера своими реакциями. Это и не нужно. Множество специально организованных исследований показали, что несистематические и случайные последствия лучше действуют, чем постоянные. Спустя некоторое время ваш партнер сам научится видеть последствия – без вашей помощи. Помогайте ему в это время от времени. И ваш партнер, ребенок, ваши сотрудники приобретут веру в себя, инициативу и оптимизм."

Призвание, то есть счастье

"Люди слишком беспечны, они не любят обдумывать как следует свои цели и, даже зная их, серьезно к ним стремиться. Они вроде людей, которые имеют понятие о том, что можно и должно построить башню, а для фундамента расходуют не больше кирпича и труда, чем сколько требуется для возведения хижины. Воистину, без серьезного отношения ничто в мире не достижимо, и среди тех, кого мы называем образованными людьми, мы в сущности мало найдем серьезности; я бы сказал, что они берутся за работу и дела, за искусство и даже развлечения с каким-то чувством времяпрепровождения; они живут, точно просматривают пачку газет, лишь бы их сбрызнуть с плеч. Мне всегда при этом вспоминается тот молодой человек, иностранец, в Риме, который вечером в компании с самодовольным видом рассказывал, что в этот день он сбыл с плеч шесть храмов и две галереи. Человек хочет разное узнать и изучить, и именно то, что меньше всего его касается, не замечая, что голода не утолишь, глотая воздух. Знакомясь с человеком, я первым делом спрашиваю, чем он занимается и как, в какой последовательности. И ответ на

этот вопрос определяет мой интерес к нему на всю жизнь" (И.В. Гете).

Защитить юность - значит подвести ее к овладению серьезным делом. Рождаясь, человек обнаруживает себя среди уже готового, сложившегося мира с его структурой профессий, занятости, видов труда. Некоторые новые специальности и квалификации появляются уже при жизни данного человека. Так, программирование для компьютеров как карьера, как призвание было вызвано к жизни уже после моего появления на свет. Между тем я встречал молодых людей, нашедших в совершенно новом, не знакомом человечеством прежде, виде деятельности свое истинное призвание, то есть защищенность от множества бед, а большое счастье. Может ли быть, чтобы человек рождался с "готовым" профессиональным назначением? Чтобы звезда его ремесла взшла на небосклон еще до того, как человечество создало его будущее призвание?

Призвание - разновидность такой сильной любви, что труд-терпение не доставляет страданий, превращаясь в труд-наслаждение, такой любви к деятельности, что все получается. И уважаемым нами знатокам нравится! Любовь эта отвечает философии человека, его идеалам, особенно - представлениям о красоте. В чем увидит человек красоту, то и делать будет, - очень трудно здесь не согласиться с Ф. М. Достоевским. Любое призвание дает человеку удовольствие и от процесса, и от результата труда (не меньшее, а иногда и большее, чем от вознаграждения за него), призвание есть нацеленность на завершение дела - "доведение всего до конца". С определенной точки зрения призвание - это ремесло, доведенное до уровня искусства. Нон плюс ультра: чтобы никто в целой округе не сравнился. Для достижений этой цели необходимы и мастерство, и теория.

"Сущность дела в том, чтобы думать и делать, делать и думать, - это сумма всяческой мудрости, от века признаваемая, от века практикуемая, но не всяким сознаваемая. И то и другое, подобно вдыханию и выдыханию, должно непрерывно сменяться в жизни; подобно вопросу и ответу, одно без другого не должно иметь места; тот, кто поставит себе за правило проверять дело мыслью, а мысль делом, - правило, которое гений человеческого рассудка нашептывает на ушко каждому новорожденному, - тот не может ошибаться, а если он и ошибается, то скоро снова нападет на правильный путь" (И.В. Гёте).

Призвание и профессия движутся друг к другу. Успех (а стало быть, и судьба человека) зависит от выработки мастерства. Интенции сложившиеся важны, разумеется, но их недостаточно, вдохновение приходит в работе, а не перед работой, - говаривал П.И. Чайковский.

Призвание должно не угадывать, а воспитывать.

Человек в силах выбирать свою судьбу, осуществлять и выдерживать ее. Необходимо учить разбираться в "механизмах" своего положения и характера, не оставляя для себя ничего неясного.

Благодаря этому наши дети сумеют отличить то, чего нельзя изменить, от того, на что они в силах повлиять. Главное же, они будут думать и действовать, влиять на все рычаги той части механизма, которая поддается воздействию, - прорабатывать материал своей судьбы. Они научатся осуществлять одновременно два вида работы: во-первых, ВЫБИРАТЬ себя и, во-вторых, СЕБЯ выбирать.

Призванием на всю жизнь может стать только такое дело, которое человек досконально узнал, которым овладел; лишь тогда дело овладевает человеком. Достижение уровня мастерства, искусства - вот что такое призвание человека, чем бы он ни занимался.

"Призванный" - это не кто иной, как профессионал, преодолевающий сопротивление материала, с которым он работает, постигший его тайны. И высокий профессионализм не ограничивает человека, не делает его однобоким, если

человек забывает себя в своем деле, как бы сливаясь с ним.

Общее и специальное образование, то есть целостность личности и ее профессионализм, взаимно предполагают друг друга. В своей специализированной односторонности человек должен пройти через уровни ученичества (дилетантства), механической (как бы ремесленной) квалифицированности и только потом достигнуть уровня мастерства, творческого совершенства. Но эта односторонность есть следствие и условие целостности, когда мы говорим о сколько-нибудь квалифицированном – и тем более высококвалифицированном – труде.

Совершенства в специальной деятельности не достичь без общей образованности, то есть без развитых общих способностей, но и чтобы остаться целостной личностью, абсолютно необходимо довольно полно развить свои специальные способности.

Никакая профессионализация, о ценности которой могла бы идти речь, невозможна без уравновешенного развития общих способностей в их целостности и единстве. Одно из сильнейших стремлений человека - забыться, уйти или хотя бы отдохнуть от напряжения жизненных противоречий.

Защищенность человека в нашем сегодняшнем мире зависит от того, в чем именно он найдет отдохновения от забот - в труде полезном, в труде разрушительном или только в игре.

Призвание - достойнейшее человека средство забыть себя и найти себя, потеряться в том самом, что возвращает человеку его человеческую сущность, - в любимом деле. Virtuозность в при звании, даваемая "потом и опытом", к какому бы делу ни бросила нас упрямая судьба, достижима, когда мы не боимся работы, о чем О. Мандельштам написал так:

"Я скажу это начерно - шепотом.

Потому что еще не пора:

Достигается потом и опытом

Безотчетного неба игра."

Призвание вырабатывается в детстве под влиянием важных для ребенка взрослых, в отрочестве и ранней юности - самосознанием и трудом, постижения мира и себя в нем, совершенствованием. А на протяжении всей оставшейся жизни - оттачиванием мастерства и открытием маленьких и большие секретов, хитростей, тайн успешного дела. Здесь главное - трудоспособность, генеральная человеческая способность, как ее называет Н. Лейтес.

Ясно тогда, что "всяк своего счастья кузнец", как говаривал Я. Коменский. Ежели тебя этому научили, - добавили бы мы теперь. Надобно учить искусству приносить радость и пользу окружающим людям; науке рационального труда; удовольствию от труда; укреплению и развитию личных руководящих начал - самоуправлению.

"Когтистый зверь, скребущий сердце..."

*И покуда на свете на белом,
где никто не безгрешен, никто,
в ком-то слышится: «Что я наделал?»,
можно сделать с землей кое-что.*

Евгений Евтушенко

Воспитатели частенько взывают к совести своих подопечных. Бессовестность осуждают. Нередко удрученно, а то и гневно констатируют: "У тебя ни стыда, ни совести...". Стыдом пугают: "Как ты можешь? Тебя совесть замучит!"

Между тем психология суда над собой сегодняшним и над своим прошлым (а совесть и есть самосознание, восседающее на судейском кресле в нашем сердце, как определил ее Иммануил Кант) весьма сложна и в полной мере недоступна маленькому ребенку. А вот с подростками и юношами полезно обсуждать вопросы житейской мудрости, связанные с повадками этого мучителя. Чем хороша совестливость, почему она ценится среди людей? Потому ли только, что незапятнанная совесть облегчает и сон, и бодрствование? Кого и за что мучит совесть, как она это делает?

Главное же – ясный ответ на вопрос, зачем человека отягощает совесть. В чем смысл ее бдительности, ее голоса, укоров, предупреждений, терзаний. Почему никто не безгрешен? В чем здесь дело? Человек иногда совершает неожиданные для себя поступки и произносит неожиданные им самим слова. Нам кажется, что уж мы-то хорошо знаем себя. Но нет - не до конца. Человеку свойственно и ошибаться. Он мог совершить ошибку: "Как я ошибся, как наказан!"

Каждому есть, чем совеститься. Но не все это делают.

Есть ли люди совсем без совести? Нет, таких людей не бывает, не может быть. Человек приобретает в "лице" совести судью самого себя вместе с самосознанием. Когда говорят: у этого человека нет совести, то этим хотят сказать, что он не обращает внимания на ее суждение. Отсюда и спокойствие совести у столь многих (по их мнению, добросовестных) людей, когда они удачно избежали дурных последствий каких-то поступков, при совершении которых они не спрашивали у нравственного закона совета, во всяком случае он не имел решающего голоса, – убедительно показал Иммануил Кант.

С Кантом согласен и поэт (в наибольшей степени ярко и впечатляюще о совести говорят именно поэты):

– *Ведь у тех, кто у кривды на страже,
Кто давно потерял свою честь,
Если нету и совести даже –
Муки совести вроде бы есть.* (Евгений Евтушенко).

Братья-разбойники у Пушкина "Забыли робость и печали, / А совесть отогнали прочь." Но перед смертью совесть роптала, она жгла их, пока не испепелила. Совесть до поры до времени молчит у тех, кто привык считать себя всегда и во всем правым. Но наступает момент, когда человек иронически начинает относиться к себе прежнему. Так, Анна Ахматова с горечью вспоминает, как струился "поток доказательств / Несравненной моей правоты".

Когда люди не чувствуют себя виновными в таких проступках, которыми, как они считают, отягощены другие, они не стараются разузнать, не заслуга ли это одной лишь счастливой случайности. А не совершили бы они в равной мере нечто порочное, если бы они оказались в обстоятельствах места и времени, вводящих в искушение?

Например, я никогда не получил ни единой взятки. Но мне, правда, никто еще не предложил ни единой взятки. Вот если бы я отказался от взятки в сто миллионов... Эта нечестность – самому себе пускать пыль в глаза – мешает утверждению в нас подлинно морального образа мыслей, превращает нас в лицемеров и служит одурачиванию других.

Долг здесь лишь следующее: культивировать свою совесть, все больше прислушиваться к голосу внутреннего судьи и использовать для этого все средства. (Иммануил Кант).

Сваливать вину на других! Постараться свалить вину на кого-нибудь другого или на внешние обстоятельства, которые находятся вне нашего контроля, – проще простого, и к этому привыкают еще в раннем детстве: "Это не я чашку разбил, а

Чебурашка". У взрослых на такой случай есть сглаз, нечистая сила, лукавый, домовый, правительство, международная политика...

А можно свалить наши неблагоприятные деяния на генетику, на предков. Среди всех способов самоосвобождения от ответственности подобного рода самый неприличный – когда морально злое представляют себе как переходящее к нам по наследству от прародителей, справедливо замечал Кант.

Помните "Обыкновенное чудо", где король вопил: "Нечего улыбаться! Я человек начитанный, совестливый. Другой свалил бы вину за свои подлости на товарищей, на начальство, на соседей, на жену. А я валю на предков, как на покойников. Им все равно, а мне полегче." (Евгений Шварц).

Это приносит несказанный вред раскрытию нашего глубинного подлинного Я. Перестав оправдывать себя, мы можем увидеть себя в истинном свете без прикрас. Самооправдания мешают нам управлять своей судьбой.

Обретение способности честно и беспристрастно, без всяких уверток признаваться себе в своих ошибках, – это важная веха на пути к подлинному Я. Мы начинаем признавать ответственность за свои ошибочные слова или роковые поступки. Благодаря этим усилиям человек обретает подлинную смелость и духовное мужество. (Гарри Бенджамин).

"Работа" совести часто протекает во время воспоминаний.

Мы не можем не вспоминать своей жизни. "Когда порой воспоминанье / Грызет мне сердце в тишине, / И отдаленное страданье / Как тень опять бежит ко мне..." (Александр Пушкин), человек, мучимый угрызениями совести, желал бы ликвидировать прошлое... Но это невозможно... Помнить о своем грехе – единственное воздаяние тому, кому уже нельзя воздать иначе.

"ВОСПОМИНАНИЕ.

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснятся тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю."

Лирический герой Пушкина испытывает здесь жгучую сердечную муку, мысленно оглядывая картины прошлого, воскрешаемые его памятью. Муки раскаяния, излияние совестливого сознания. Но исправить прошлого нельзя! Освободиться так или иначе от своей вины, сделать бывшее как бы не бывшим – значит перестать быть самим собой, отказаться от своей личности. Переживание своих падений и проступков уже вошло в состав души как она теперь есть и создало ее неповторимую судьбу. (Рената Гальцева).

"Исправлять прошлое" – значит отрицать свою внутреннюю свободу. Свободный человек только в таком случае может упрекать себя в совершении известного поступка, если предполагает, что от него зависело и не совершать его. Стыд свойственен только человеку. Мне стыдно, значит я человек.

Насколько страшен голос совести? Вложенный в уста Бориса Годунова ответ Пушкина звучит так: голос чистой совести примиряет с жизнью, какой бы трудной она ни оказалась. А греховная совесть чудовищно тяжка.

– Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветой –
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось;
Тогда - беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах.....
И рад бежать, да некуда.... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Скупой рыцарь, безжалостный ростовщик, скупщик краденого, еще горше жалуется на совесть и дает ей весьма точные определения и характеристики:

– Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Заимодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают...

Пройти через горнило, чтобы выйти навстречу будущему с ясным взглядом на себя. Одного только сожаления о невозвратимом и угрызений совести по поводу необратимого недостаточно. Сами по себе они выражают бессилие человека и отчаяние перед лицом временности.

Надобно раскаяние, обращенное к будущему. Оно свидетельствует о том, что, руководствуясь нравственными принципами, человек распоряжается своим временем и преобразует свою жизнь по собственному разумению. (Владимир Янкелевич).

Не прощения ищет он, ибо прощение часто невозможно. Он ищет правды о себе. Поняв, что он ошибался, он не станет счастливее, но станет впредь умнее. Возникает спасительное реалистическое недоверие к себе и страх самого себя (оба хороши в умеренных размерах).

Как не дурак тот, кто понимает, что иногда он и глуп, так и не безнадежен человек, понимающий, что он может быть неправым.

Рефлексия, самосознание необходимы, какую бы боль они ни несли с собой.

Необходимо предстать перед судом памяти. Необходима исповедь перед самим собой, где присутствуют все беды и неурядицы своей жизни, ошибки и промахи, где покаяние переплетается с проклятием, плач – с иронией... Покаяние – без надежды на прощение. Проклятие – без гнева. (Павел Фокин).

Цель – не остановиться в развитии, не уснуть, развиваться к лучшему, совершенствоваться в лучшем.

"Наиболее изобилующий жизнью тип – это человек, открытый своим вниманием к текущей реальности, заранее готовый принять действительность, какова она есть, увлеченный искатель истины, который не цепляется за первоначально избранные координатные оси, понимая их относительность, и до конца, до последнего момента, не останавливается на тех положениях, на которых, казалось бы, с экономической стороны можно было бы уже успокоиться, а идет все дальше и дальше, назойливо учитывая недооцененные детали, с готовностью ради этих деталей, может быть,

радикально изменить свой первоначальный путь. Вот опять доминанта, хотелось бы сказать — доминанта юности, в которой еще нет ничего подвергнувшегося склерозу и омертвлению, а жизнь широка и целиком открыта к тому, что впереди." (Алексей Ухтомский).

Без самолюбования (ах, какой же я правильный, какой молодец, что вижу, что я не молодец), а умно и честно.

Выбор – бремя сильных

Выбирать или не выбирать? Встречал я людей, кои не желают тратить на разрешение бытийных загадок ни времени, ни сил. "Мы живем, чтобы жить. И жить, не омрачая череду наших дней трудными размышлениями. Будем жить, как живется, как все живут, как получится... Пока живется". Не тратить приятно длящегося твоего существования ни на что, выходящее за круг усилий по его поддержанию!

Известный психотерапевт Михаил Папуш: "Из тех, кто учится играть на фортепиано, лишь немногие хотят научиться играть хорошо. Гораздо больше тех, кто, по тем или иным причинам, хочет "хоть как-нибудь". Это не только про фортепиано. Это про жизнь. Или жизнь проще игры на фортепиано? Есть немало людей, разнообразие жизненного репертуара которых сводится к чередованию "Чижика-пыжика" и "Собачьего вальса", оставляя "Танец маленьких лебедей" в области недостижимой мечты о "высоком". Многие ли хотят хорошо жить, – если отличать желание хорошо жить от желания, чтобы хорошо жилось?"

Но наряду с такими "существователями" есть и люди, напряженно ищущие истину. Как педагогу, мне довелось встретить молодых людей, жаждущих ясного и четкого ответа на вопросы о высших ценностях жизни. О ценностях, позволяющих отличить добро ото зла и выбрать лучшее и достойнейшее. Доблестное.

Мы не можем не выбирать. В самой сердцевине культуры лежит установление различий между знанием, ошибкой и заблуждением, между истиной и ложью. Не выбирать нельзя – обманут, погубят.

Отказ от выбора – это тоже выбор. Если все же выбираем выбирать, – то выбираем сознательно и ответственно. Здесь важно отделить то, что возможно изменить, от того, что выше наших сил.

Если я плыву по течению, но не готов к любой траектории своего дрейфа, то мне грозит ситуация буриданова осла. Логик и философ Жан Буридан показал, что разумный человек предпочитает делать то, что считает здоровым. Воля с необходимостью устремляется к тому, что разум принимает за благо. Если разум из двух благ одно признает низшим, а другое высшим, то воля, при одинаковых условиях, устремляется к высшему. Если же разум признает блага равноценными, то воля оказывается в безвыходном положении и совсем не может действовать.

Знаменитый Буриданов осел умирает от голода, находясь между двумя совершенно одинаковыми охапками сена.

Самостоятельный выбор и ответственность. Только выбирая себя, мы можем осознанно подойти к осмысленности своей жизни. Но это трудно, потому что, как показал философ Сёрен Киркегор, "Выбрать себя самого значит воистину и сознательно взять на себя ответственность за всякое свое дело и слово". Как показывают эксперименты современных психологов, группа делает более решительные выборы, чем выбор любого члена группы, опрашиваемого по отдельности. Причина этого в том, что принятие решений всегда основано на принятии некой ответственности.

Высказывая мнение от себя, человек взвешивает следствия, принимает на себя ответственность. А когда принимает решение группа, происходит рассредоточение, растекание ответственности.

Вот почему, если на улице вам стало плохо, вам нужна помощь, а вокруг, не

останавливаясь, идут люди, то нельзя звать на помощь "вообще", ни к кому не обращаясь. Выберите любого человека, смотрите на него и обращайтесь лично к нему, и вероятность того, что к вам придут на помощь, возрастает в разы (психолог Дмитрий Алексеевич Леонтьев).

Никто не возражал бы против свободы выбора, если бы не ответственность. Страх ошибиться – страх ответственности за решение.

Личную ответственность можно стимулировать, пробуждать или, наоборот, усыплять. Ждите от человека лучшего, и ему будет легче преодолевать трудности. Как образование и воспитание позволяет преодолевать страх перед свободой личного выбора?

Чтобы понять себя, приходится изучать себя, наблюдая за собой как бы со стороны.

В этом самонаблюдении лучшее подспорье – знакомство с сущностью и типами ошибок.

Ошибка – неотъемлемый атрибут действия и бездействия. Ошибка есть фундаментальный факт бытия, его познания и деяний. Эффективность действий зависит от способности человека находить и исправлять ошибки. Обучение и воспитание во многом предстает как профилактика и исправление ошибок.

Сократ ясно показал, что никто не ошибается преднамеренно. Никто не говорит себе: "Вот возьму сейчас – и как ошибусь!"

Человеку свойственно ошибаться. Ряд обманов чувств не зависит от воли человека. Так, карандаш, опущенный в стакан воды, всегда будет казаться переломленным из-за специфического "поведения" световых лучей.

В случае недостаточного освещения легко принять пень за притаившегося зверя.

Существует еще один класс иллюзий, вызванных неправильной интерпретацией информации самим воспринимающим. Так, водитель, который видит свои собственные фары, отраженные в витрине магазина, может испытать иллюзию движущегося навстречу ему другого автомобиля, хотя он знает, что там нет дороги. Человек, считающий, что он сейчас испытывает учащенное сердцебиение, может ошибаться. Но не существует ничего, что было бы в силах обнаружить для него его ошибку. Даже измерения частоты пульса.

Но чтобы делать правильные выборы, мало не бояться ошибок, надобно еще и научиться избегать их. И здесь лучшим подспорьем служат знания о том, когда и каким образом люди обманываются в своих суждениях, оценках и выборе между вероятностями. Вот почему так действительно важно обеспечить доступ молодым людям к сводам человеческой мудрости, в частности, к трактатам об искусстве правильно мыслить. Жаль, что умной логике не учат в школе...

Судите сами. Вот перед нами бессмертный труд Антуана Арно и Пьера Николя "Искусство мыслить" в прекрасном русском переводе. Почитайте вслух своим взрослеющим детям небольшие отрывки из него, не пожалеете.

"От ошибок зависят наши поступки. Полезно рассмотреть в общих чертах, что приводит людей к ложным суждениям, которые они выносят в самых различных вопросах, и особенно в том, что касается нравственности и всего прочего, имеющего большое значение для повседневной жизни и служащего обычным предметом их бесед. Таковы, прежде всего, ошибки, вызванные самолюбием, личным интересом и страстью.

Так, например, ложны суждения о вещах не по тому, каковы они сами по себе, а по тому, каковы они по отношению к нам: истинность и полезность на самом деле не одно и то же. Личная заинтересованность может, самое большее, побудить нас более внимательно рассмотреть доводы, которые, возможно, помогут нам выявить истинность того, что мы хотели бы считать истинным. Но убедить нас должна только истина самих вещей, не зависящая от наших желаний. Мы должны верить лишь в то,

что истинно и что не зависит от места, в котором мы живем, ни от нашей профессии, ни от нашей приязни или неприязни.

Могут быть глубоко ошибочными умозаключения типа: "Мне он нравится, следовательно, это самый ученый человек на свете" или "Я его ненавижу, следовательно, это человек ничтожный". Заблуждения подобного рода можно назвать иллюзиями сердца. Они состоят в том, что мы переносим наши чувства на предметы этих чувств, заключая, что они суть то, чем мы хотим их видеть. Но в действительности наши желания и отношения ничего не меняют в бытии, если оно не зависит от нас.

Умный человек знает, как легко ошибиться. Поэтому он заботится о подтверждении своих мыслей и прислушивается к доводам других. Неразумный же человек, напротив, исходит из весьма простого принципа, а именно что ему одному известна истина. Из этого ему нетрудно заключить, что все, кто не разделяет его мнений, ошибаются.

Заблуждение подобного человека проистекает из того, что разум и его личный авторитет для него неразделимы. Он считает верхоглядями всех тех, кто расходится с ним во мнениях. Он не принимает в соображение, что если другие не разделяют его суждений, то ведь и он не разделяет мнений других. Не должно предполагать свою правоту только потому, что другие люди уверены в нашей неправоте.

Разумные люди знают, что человеку простительно ошибаться и что они останутся сведущими в других вопросах, даже если они не будут знать о новых открытиях.

Глупцы же отвергают те или иные мнения на основании следующего забавного умозаключения: "Если бы это было так, то я не был бы сведущим человеком; но я сведущий человек; следовательно, это не так". Это главная причина, заставляющая людей долгое время отвергать некоторые весьма полезные средства и совершенно неоспоримые опыты, потому что у тех, кто о них узнавал, возникала мысль, что, стало быть, они до сих пор заблуждались.

Люди умные и рассудительные, обсуждая какой-либо спорный вопрос, должны воздерживаться от суждений, пока не подтвердят правоту дела, которое они защищают. И значит, они никогда не станут обвинять своих противников в упрямстве, безрассудстве, отсутствии здравого смысла, пока это не будет ими доказано. Ведь и другие, со своей стороны, скажут о них то же самое, и спор зайдет в тупик. Они удовольствуются тем, что будут защищать истину подобающим ей оружием, которым не сумеет воспользоваться лжь: это оружие — ясные и основательные доводы.

Человек, желающий минимизировать свои ошибки, всегда старается не возражать и не защищаться, потому что он боится заблуждения и считает, что не так стыдно признавать свои ошибки, как заблуждаться.

Одним из главных источников ошибочных умозаключений является поспешное суждение, посредством которой из какого-то частного опыта выводят общие положения. Людям требуется не более трех-четырех примеров, чтобы извлечь из них максимум или общее место, которыми они в дальнейшем пользуются как началами, чтобы выносить суждения о чем угодно.

Например, есть множество болезней, скрытых от самых искусных врачей, и лекарства часто не помогают — умы, склонные к крайностям, заключают отсюда, что врачебное искусство совершенно бесполезно и что это ремесло шарлатанов. Есть легкомысленные и распутные женщины — для ревнивцев этого достаточно, чтобы беспричинно подозревать даже самых добропорядочных из них, а бесстыдные писатели из-за этого порочат всех женщин вообще. Часто можно встретить людей, скрывающих большие пороки под маской благочестия, — умницы заключают отсюда, что всякое благочестие не более как притворство."

Итак, чтобы происходил спасительный выбор самостоятельного человека между

благом и уклонением от него, нужно научить его не бояться выбирать, думать и пробовать, делать и наблюдать за результатами.

Скажите своим детям: "Раз уж нам довелось жить, сделаем жизнь достойной. А достойна жизнь ответственная. Не бойтесь выбирать, не страшитесь самостоятельной мысли!"

"Послушай! ври, да знай же меру..."

Правдивость у детей и взрослых

Ребенок долго и подчас мучительно учится правдивости и лживости. Доверчивости и недоверчивости.

Ребенок перенимает это у взрослых и сверстников, у всего окружающего его мира. Как бывает. Помню, во время войны (мне не могло быть больше трех-четырёх лет от роду) к нам домой заявила комиссия, проверявшая, пользуются ли жильцы электроплитками (что было в то время запрещено, разрешались только керосинки).

Родители заявили, что у нас нет электроплитки, а я извлек из-под шкафа тепленькую еще плитку и гордо предъявил комиссии.

Так я узнал, что правда бывает предательством, а правдолюб – доносчиком. Назойливое стремление говорить правду, оказывается, не всегда уместно.

Моя жена вспоминала, как в первом своем детстве ее родители устроили ей страшный нагоняй за то, что она якобы накрасила губы. На самом же деле она не делала этого, и ее губы казались окрашенными потому, что она посасывала (притом неосознанно) хвостик линяющей, как выяснилось позже, ленты. Она не могла объяснить, почему у нее губы в краске, если она не красила губы. Ей пригрозили жестокой поркой и вынудили солгать – "сознаться" в поступке, которого не было. Так она узнала, что такое самооговор невинного человека.

"Ни при каких обстоятельствах нельзя добиваться от детей признаний с помощью наказаний; единственное целесообразное наказание за ложь — временное лишение уважения", — справедливо напоминает нам Иммануил Кант.

Увы, многие дети получают горькие и опасные уроки. Помните, Печорин рассказывал: "Да, такова была моя участь с самого детства. Все читали на моем лице признаки дурных чувств, которых не было; но их предполагали – и они рождались. Я был скромн – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен... Я говорил правду – мне не верили: я начал обманывать... Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, – тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины...".

Воспитателям лучше бы лишний раз ошибиться в поисках виновника каких-нибудь проказ, чем преследовать неповинного и тем самым поощрять ловкачей и обманщиков.

Читаем об этом у Александра Куприна: "В школьные годы Семенюта всегда был козлицем отпущения за целый класс. Бывало, во время урока нажует какой-нибудь сорванец большой лист бумаги, сделает из него лепешку и ловким броском шлепнет ею в величественную лысину француза. А Семенюту как раз в этот момент угораздит отогнать муху со лба. И красный от гнева француз кричит:

– О! Земнут, скверный мальчишка! Au mur! К стены! ...

И так было постоянно. Разбивали ли рогатками стекла в квартире инспектора, производили ли набег на соседние огороды, – всегда в критический момент молодые разбойники успевали разбежаться и скрыться, а скромный, тихий Семенюта, не принимавший никакого участия в проделке, оказывался роковым образом непременно поблизости к месту преступления. И опять его тащили на расправу,

опять ритмические возгласы:

– У–бо–ище!.. Ар–ха–ро–вец!.. Ос–то–лоп!..".

Воспитывать детей – значит воспитывать себя. Психолог Полина Гавердовская подсказывает, как можно не лгать детям. "Самая распространенная ситуация, в которой родители прибегают к лукавству, это момент отказа ребенку в желаемом... Если вы не можете «добыть» желанное сокровище, честно объясните почему, постаравшись как можно сильнее эмоционально приблизиться к ребенку. Не игнорируйте малыша ни прямо, ни косвенно, отнеситесь с уважением к его чувствам. Именно принимая всерьез его желания, вы учитесь чадо принимать всерьез ваш отказ и ваши объяснения, ведь они не менее вески.

Почти в любой семье есть свои хронически болезненные точки, свои тайны, свои «скелеты в шкафу». Дети не должны оказывать поддержку родителям, защищать и утешать их. Все должно быть ровно наоборот. Лучше сказать: «Да, мы поссорились с папой, и я очень расстроена» или «Да, мы с бабушкой слишком разные, чтобы понимать друг друга. Для нас обеих будет лучше, если мы будем видеться как можно реже». Никакого криминала в подобных словах нет. Ребенок еще не раз в жизни столкнется с тем, что любимые ссорятся, и что некоторые люди вообще несовместимы между собой. Гораздо хуже, если дитя растет в обстановке лицемерия.

Как рождаются дети, вопрос, требующий правдивости без подробностей. Ровно столько информации, сколько ребенок может сейчас усвоить. Например, в возрасте 3–4 лет: «Из живота у мамы». Пяти–шестилетний естествоиспытатель, задающийся подобным вопросом, уже вполне готов услышать нечто не только о физической близости мужчины и женщины, но и – впервые поговорить с вами о том, что же такое любовь.

Трехлетние дети уже вполне серьезно спрашивают родных: «Когда люди умирают?», «Что происходит с людьми после смерти?», «А ты, мамочка, умрешь?» или: «А я – тоже?». Ребенка сильнее всего пугает не правдивый ответ на вопрос, как бы печально он ни звучал, а неизвестность и родительское замешательство. Вместо уверенности в вечной счастливой жизни дитя погружается в смутный необъяснимый страх перед чем-то столь ужасным, чего боятся даже всемогущие взрослые. В случае, если вы попытаетесь с веселым видом обмануть ребенка – вы попались.

Довольно скоро настанет день, когда вам не только придется рассказать малышу, что земная жизнь конечна, но и признаться, что вы солгали."

Мы можем требовать от наших воспитанников только того, что мы требуем от себя. Нельзя говорить о вреде курения, держа сигарету в зубах.

Психологи Ольга Огай и Светлана Белова: "Звонит телефон, папа кричит из соседней комнаты: «Меня нет!». Мама подходит к телефону и говорит, что мужа нет дома. Ребенок слышит это и делает вывод, что обманывать можно.

Или бабушка в присутствии внучки очень мило разговаривает с соседкой, а когда та уходит, охает: «Какая она все-таки сварливая и глупая!». Внучка решит, что лицемерие – это норма поведения."

Два подхода ко лжи во спасение. Николай Бердяев снисходителен к человеку: "Есть тип лжи из сострадания, который может быть спасением жизни другого человека. Правдивость не означает формализма и педантизма. Нравственный акт человека всегда творчески-индивидуальный и совершается для конкретного случая жизни, единичного и неповторимого."

А суровый Кант неумолим: " Допустима ли ложь во спасение? Нет! Нельзя помыслить себе решительно ни одного случая, когда была бы оправдана ложь. В противном случае дети любое обстоятельство станут расценивать как то именно, при котором позволительна ложь во спасение.

Необходимо сформировать основу характера — правдивость. Она и фундамент, и

важнейшее содержание характера. Лживый человек — совершенно бесхарактерен, если у него и есть что-либо хорошее, то оно проистекает только из его темперамента."

Даже фантазии ребенка, имеющие оттенок хвастовства, Кант рекомендует не поощрять. «Мамочка, когда я был маленький, мы пошли с няней гулять. И на меня напал большой волк, который пошел за Красной Шапочкой. И он меня укусил, прямо вот сюда, и у меня пошла кровь, и я заплакал. А потом я взял вот эту палку и его прогнал».

Кант замечает: "Многие дети проявляют склонность ко лжи, чрезвычайно часто являющейся, по всей вероятности, следствием их живой фантазии. В обязанности отца входит позаботиться, чтобы ребенок от этого отвык, ибо матери, как правило, придают этому только самое несерьезное значение или вовсе никакого, а иногда находят в этом лестное для себя доказательство многообещающих возможностей и способностей своих детей. Вот в этом случае уместно пристыдить ребенка, он это поймет."

Конечно, если поощрять безудержное фантазирование, то ребенок всегда будет врать со страшной силой. Ну, может, не врать, а фантазировать. Но зато всегда и на любые темы. "Я иногда такого напридумываю, что даже сама верю, и получаю от своих фантазий огромное удовольствие... Это почти как у Дали — "воспоминания о том, чего не было", которыми я охотно делюсь с другими", — пишет в блоге одна дама.

И все-таки я думаю, что Бердяев реалистичен, когда допускает возможность исключений из суровых требований правдивости, хотя бы исключений в форме умолчания. Иногда соглашаешься с Расулом Гамзатовым: "Жестоко раненому говорить / О том, что рана у него смертельна".

В спасительной лжи не возникает нужды, если взрослые и дети — истинные друзья и любящие, и они совершенно искренни друг с другом.

Детская ложь требует со стороны взрослых самого серьезного изучения ее причин. Вот случай. Мальчик учится играть на пианино. Ему надоедают скучные этюды и он сочиняет свою пьеску. Родители спрашивают, что он играет.

"Учительница задала эту вещь". Ложь открывается, и учительница просит сыграть ей новое сочинение. Ребенок упрямится и врет, что ноты потерялись. Разыгрывается жуткий скандал.

Взрослым следовало бы не ломать детское упрямство, которое им казалось злостным, а попытаться понять причины упорной лжи. Они могли бы выяснить в ходе доверительного разговора, что ребенок не считает свое сочинение достойным демонстрации учительнице, что он стесняется его, боится опозориться. Кроме того, дети бурно протестуют против бесцеремонного вторжения в их внутренний мир. У растущего человека есть уголок сердца, где живут ему самому неясные чувства и побуждения. Не стоит взрослым пытаться жестко контролировать каждое движение его души. Опасно требовать от малышей, чтобы они раскрывали мотивы всех своих поступков.

Наконец, не всегда воспитатели умеют быть достаточно тактичными, чтобы помочь ребенку спасти лицо в трудной для него ситуации.

Какими людьми вырастают дети в зависимости от своего воспитания? Вот характерные признания добровольцев (взято из различных форумов в Рунете).

"Сама вру часто и даже знаю, где и когда провралась. Когда мне задают какой-нибудь вопрос, на который я не хочу отвечать, я почему-то не могу ответить вопросом "А зачем тебе это нужно знать?" и начинаю врать, врать, врать... Когда я искренна, никто не верит мне, а вру — так все слушают с раскрытыми ртами... Почему-то никто даже не пытается поймать на вранье другого. Когда мне врут не очень значимые для меня люди, я отношусь к этому спокойно, а когда — женщины,

вообще как к должному. Обычно я вру про мою личную жизнь, чаще всего когда не хочу выставить себя в дурацком положении. Или когда некоторым не следует знать некоторые вещи.

Иногда не хочу врать, но я так не доверяю людям...".

Ответ: "Вы будете смеяться... Лично я практически не вру... вообще... В тех редких случаях только, когда ложь необходима, как "святая"... И когда мне врут – самое страшное оскорбление... (Лучше правду – по любому...). ... Человек, который врет, думает, что он самый умный..."

Мне с детства внушили, что врать ОЧЕНЬ плохо (просто смертный грех!). И я всегда говорила правду, даже во вред себе. Необходимость соврать создавала в душе такой дискомфорт, что я предпочитала сказать все, как есть."

Чужое вранье я чувствую каким-то шестым чувством. Но ничего не говорю врущему. Если врет, значит есть причины, значит ему так надо. Зачем выяснять отношения?"

Еще один участник дискуссий о лживости: "А я и не умею – все на лбу написано, выглядишь по-дурачки, лучше не напрягаться. Врут обычно там, где не надеются на понимание."

“Прошу прощения...”

Вина и прощение. “Прости!”, “Простите”... Куда как часто звучит эта просьба в общении людей: в ответ ли на чье-то недовольство; в начале обращения с вопросом; в формуле, смягчающей несогласие; при раскаянии и даже при последнем прощании... А уж педагогическая практика насыщена бесчисленными значениями и смыслами, заключенными в слове “прости”, их коннотациями и обертонами.

Русское простить (производное от слова “простой” – пустой) подчеркивает значение освобождения (опростать от вины, от греха, от кары, от взыскания). Простить – отпустить кому-то провинность, примириться сердцем, не питая вражды за обиду, переложить гнев на милость; миловать.

Этимология слов “простить”, “извинить” в английском, французском, немецком языках указывает на отказ от желания наказать, обвинить, уличить, на дарение прошенному свободы от обязательств, на полноту этого дарения. “Пардон”, например, происходит от латинских слов “пар” – полностью + “доннаре” – дарить.

Но извинению предшествует вина, провинность. И прощают, как правило, за вину, которая могла бы быть наказанной.

— Виноват! Простите, я – случайно. Я не хотел.

Действительность насыщена провинностями с их последствиями. Житейский опыт и психологические исследования убеждают нас в том, что прощение – сложное явление и даже внутренне противоречивый процесс.

Да, мы способны возвыситься до благодарности к нашим врагам, к ненавидящим и преследующим нас, поскольку они не дают нам остановиться в развитии. Как оводы, они гонят и, принося страдание, заставляют двигаться вперед.

Мы высоко ценим великодушие, незлопамятность, широту и благородство тех, кто волен казнить, но прощает даже подчас и большую вину. Такие чувства мы испытываем к жестоко пострадавшей от неправд Анджело Изабеле и мудрому правителю Дуку в “Анджело” А. С. Пушкина:

“Изабела

Душой о грешнике, как ангел, пожалела
И пред властителем колена преклоня,
"Помилуй, государь, – сказала. – За меня
Не осуждай его. Он (сколько мне известно,
И как я думаю) жил праведно и честно,

Покаместь на меня очей не устремил.

Прости же ты его!"

И Дук его простил."

Но нередко мы боимся потворствовать хитрому и бессовестному. Как говорит народ, злодея помиловать – доброго человека покарать. "Вора помиловать - доброго погубить". – О ханже: "Господи, прости, в чужую клеть пусти: пособи нагрести да и вынести!"; "Прости меня, моя мила, что ты меня била!", – говорит муж жене. (В. Даль).

Простить – еще не значит проститься с болью обиды.

Как будто душа о желанном просила,

И сделали ей незаслуженно больно.

И сердце простило, но сердце застыло,

И плачет, и плачет, и плачет неволью. (К. Бальмонт).

И прощение никогда не сможет снять с виновного саму нравственную вину.

(Николай Гартман).

В воспитании. Категории вины и прощения неотъемлемы от воспитания как следования нормам, как коррекции отклонений от них.

Это пожизненный процесс, притом двусторонний. Непрерывно подпитываемый извне и интериоризованный (самовоспитание, чувство вины, муки совести, стремление к искуплению, самоправедность и т. д.), он присутствует в каждодневности семейной жизни, детского сада и классной комнаты.

Всякий ребенок знает, что в коллективе есть неписанное право, иерархия проступков. Опираясь на это интуитивное знание, замечательный воспитатель Януш Корчак выработал "кодекс" – писанное право, в основу которого положил всем понятные по своим целям нормы поведения. Корчак изобрел ребячий "суд", работающий на базе этого кодекса.

Благодаря правовому и гласному регулированию жизни своего коллектива детское сообщество защищает себя от своего же произвола, от "права сильного", то есть от бесправия.

"Кодекс" детских законов ясно показывает каждому, что вредно, нежелательно и нетерпимо для сообщества, а что служит одним из действенных средств предупреждения проступков.

Школьное "судопроизводство" — прекрасная школа рефлексии, осмысления ребенком мотивов, скрытых от него самого пружин его поведения.

Поскольку все дети оказываются в роли судьи, они начинают понимать и прощать, учатся гуманности. Изживается ябедничество — жутковатый прообраз доносительства.

"Кодекс" не предусматривает санкций за проступки, а только показывает печальные для самого "преступника" следствия из его ошибки, следствия подчас для него неожиданные, но, увы, неизбежные.

Кодекс и судопроизводство. Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить в надежде, что он исправится. Если кто-нибудь совершил проступок потому, что не знал, теперь он уже знает. Если он совершил проступок нечаянно, он станет осмотрительнее. Если он совершил проступок потому, что ему трудно привыкнуть поступать по-другому, он постарается привыкнуть. Если он совершил проступок потому, что его уговорили ребята, он больше уже не станет их слушать.

Но воспитатель обязан защищать тихих ребят, обязан защищать добросовестных и трудолюбивых, обязан заботиться, чтобы был порядок, потому что от беспорядка больше всего страдают добрые, тихие и добросовестные люди.

Воспитатель — не сама справедливость, но он стремится к справедливости; воспитатель — это еще не сама истина, но он жаждет истины.

Воспитатель может ошибаться. Он может прощать поступки, которые и ему

самому случалось совершать, и называть плохим то, что и ему самому доводилось делать.

Воспитатель может простить, а может и сказать, что кто-нибудь поступил неправильно, плохо, очень плохо.

Главное следствие прощенного проступка — нарушитель обязуется стараться больше так не делать.

Осуждение как прощение. Воспитатель не говорит, что провинившийся — плохой, не объявляет ему порицания, не сердится на него. Но, прощая его, воспитатель фиксирует его поведение как нежелательное, неодобряемое.

«Ты поступил неправильно. Ничего не поделаешь. С каждым может случиться. Больше так не делай».

«Ты поступил плохо». Требую, чтобы это больше не повторялось.

Большая провинность — «Ты поступил очень плохо» или «Ты поступаешь очень плохо». Это последняя попытка, последнее желание избавить тебя от стыда, последнее предостережение. Далее следует осуждение.

В статье пятисотой говорится: «Кто совершил такой поступок, кому до такой степени нет дела до наших просьб и требований, тот или не уважает себя, или не думает о нас. Поэтому и мы его больше не можем щадить».

Кроме того, что несет за собой статья шестисотая, по статье семисотой о содержании приговора оповещают друзей.

Статья восьмисотая как бы говорит: «Суд не помогает. Может быть, наказания, какие раньше применялись в воспитательных учреждениях, и помогли бы, но у нас таких наказаний нет.

Даем виновному неделю на размышление. За эту неделю ни он не может подавать на кого-нибудь в суд, ни на него никто не будет подавать в суд. Посмотрим, исправится ли он и надолго ли».

Статья девятисотая гласит: «Мы потеряли надежду, что он может исправиться сам, без посторонней помощи». Приговор этот как бы говорит: «Мы ему не верим». Или: «Мы его боимся». И наконец: «Мы не хотим иметь с ним никакого дела».

Другими словами, по статье девятисотой виновный исключается из семьи. Однако он может и остаться, если кто-нибудь возьмет на поруки. И, уже исключенный, может вернуться, если найдет себе опекуна. Опекун отвечает перед судом за все его провинности. Опекуном может быть воспитатель или кто-нибудь из ребят.

Статья тысячная гласит: «Исключаем». Но каждому исключенному предоставляется право по истечении трех месяцев ходатайствовать об обратном принятии в коллектив.

Главное в воспитании — тщательно разобраться в обстоятельствах проступка, который может оказаться при ближайшем рассмотрении вовсе и не проступком, а примером мужества, энергии, справедливости, честности, благородного порыва, искренности, душевной доброты.

По результатам расследования воспитатель может выразить сожаление о происшедшем, а не обвинять воспитанника. «Ты имел право так поступить (сказать)». «Ты не сделал ничего плохого». «Ты не мог поступить по-другому». «Виноват случай». «Я прошу тебя простить обидчика».

Суд выражает уверенность, что ничего подобного не повторится, и поэтому не рассматривает дела. Суд отказывается от рассмотрения дела, предвидя, что эти проступки скоро сами по себе прекратятся. Суд откладывает рассмотрение дела на одну неделю. Суд принял к сведению сообщение о проступке.

«Тебя надо простить потому, что ты мог не знать или не понимать, что ты делаешь. Теперь знаешь и понимаешь».

Ты сделал это не нарочно, по неосторожности, по ошибке, по рассеянности.

Прощаем, потому что А не имел намерения оскорблять Б, потому что это была

шутка (глупая шутка).

Прощаем, потому что он сделал это (сказал) в гневе, он ведь вспыльчивый, он исправится.

Прощаем, потому что он это сделал из упрямства, он исправится.

Прощаем, потому что он это сделал из ложного самолюбия, он исправится.

Прощаем, потому что он легко ссорится, он исправится.

Прощаем, потому что он это сделал из страха, он будет храбрее.

Прощаем, потому что он слабый.

Прощаем, он поступил так потому, что к нему приставали.

Прощаем, потому что он поступил так, не подумав.

Прощаем, потому что виновный наказан и раскаивается.

Прощаем, потому что А жалеет, что он так поступил.

Суд пробует вынести оправдательный приговор.

Суд прощает, принимая во внимание, что А этого так страшно хотелось, что у него не было сил удержаться.

Прощаем, потому что считаем, что все его портили чрезмерной доброжелательностью и поблажками. Суд предостерегает А, что перед законом все равны.

Прощаем, принимая во внимание горячие просьбы товарища (брата, сестры).

Прощаем, потому что один из судей этого упорно добивался.

Прощаем, потому что А не хочет сказать того, что могло бы ему служить в оправдание.

ДОПОЛНЕНИЯ К ПРИГОВОРУ. Суд выражает удивление, что А не сообщил об этом сам. Суд просит совет позволить ему не приводить приговора в исполнение. Суд выражает надежду, что А вырастет хорошим человеком. (Януш Корчак).

Главный результат такого воспитания — предельно раннее пробуждение достоинства, человеческого и, если угодно, гражданского; и посильный вклад в профилактику бездуховности, расправы, зверства. Дети, подростки, юноши на практике усваивают реальное содержание понятия справедливости — презумпцию невиновности, право на защиту, долг самозащиты, великодушные силы и исправительную силу помилования.

Беззлобность сердца, безгрозию души...

Опасность и беда. Не политические потрясения, не переход власти ко всё новым и новым правящим и господствующим группам, не сопутствующие революциям крайности и хаос нужны нашим растущим детям. Им необходима уверенность в прочности, надежности жизни. Они нуждаются в хорошем образовании, рабочих местах и приличном жилье. В достойных зарплатах. В любви и мире. В душевном богатстве.

И менее всего потребна подросткам и юношам вовлеченность в какое бы то ни было насилие.

Между тем правые и неправые, левые и центральные, правящие и еще не правящие, единые и не совсем единые, другие и чуть-чуть другие, согласные и несогласные - всё новые политические деятели склоняют нашу молодежь к опасной и несозидательной активности.

Детей и внуков наших прельщают разрешением отбирать материальные блага. А не зарабатывать. Грабить, а не творить. Получать всё, что хочешь, насилием, хитростью, «спихнув начальника». Если ты хочешь в жизни чего-то достичь, то надо устранить слабое звено. Убери конкурентов, иди по головам.

Под маской «справедливости» наших детей соблазняют идти на воровство, на баррикады, поощряют к жестокости, эгоизму, оболванивают, обманывают, «выстраивают» и посылают на погибель.

Активная рекрутская деятельность политических организаций способствует формированию в среде нашей молодёжи национальной и религиозной нетерпимости.

Им «дарят» упрощенное мировоззрение, сужают кругозор до нескольких точек, внедряют упрямый фанатизм, внушают разрушительный мотив и поощряют к ненависти вплоть до смертоубийства.

Объективные причины. Отсутствие в стране условий, стимулов и культурных навыков для равного участия граждан в свободной социальной конкуренции на рынке труда и таланта ведет к разочарованию существенной части людей в эффективности законных способов обретения социальных благ (материального достатка, престижного статуса, необходимых медицинских и реабилитационных услуг, уважения со стороны тех, кого уважаешь сам), к массовой криминализации, росту социального недовольства.

Молодежь остро чувствует коррумпированность власти в ее высших эшелонах и структурах. Укореняется устойчиво негативное отношение к институтам государственной власти, убежденность в невозможности изменить ход политических событий.

Государство пытается направлять молодежные движения, как правило, в рамках политики, не предусматривающей альтернативы и не одобряющей инициативу. А так как доступ в политику затруднен, то для молодого поколения становится актуальной индивидуальная самореализация.

Недоверие к государству побуждает молодежь в силу природного максимализма реализовать свои амбиции через политические организации, в их числе и нелегальные.

В основе роста экстремистского и противоправного поведения в молодежной среде лежит низкий уровень культуры, дефицит правильных жизненных ориентиров, недостаток внимания к молодежи со стороны государства, стадный инстинкт, стремление к экстремальным ситуациям.

Проявления агрессивности и ксенофобных настроений части молодежи связаны как с деформациями ценностных ориентаций и установок, так и с отсутствием чувства безопасности в социальной среде.

Демонстрация интолерантности к так называемым олигархам имеет под собой ту же основу: «Просто олигархи в нашей стране наворовали денег, которые принадлежат нам».

Субъективные причины. Давно и хорошо известно, какими возрастными особенностями молодости пользуются политические группировки при этом. Для молодежного возраста характерными является эмоциональная возбудимость, неумение сдерживаться, отсутствие навыков в разрешении даже несложных конфликтных ситуаций.

Подростковому периоду в развитии человека свойственно стремление к независимости, чувство взрослости и особый нигилизм. Демонстрируя самостоятельность, отрицая все, что пытаются передать ему взрослые, подросток хочет доказать себе и окружающим свою готовность решать социальные проблемы. Но в обществе отсутствуют социальные институты, позволяющие подростку удовлетворить его потребность в социальной активности. Кружки, прежде интересовавшие подростка, теперь кажутся ему «детскими», не соответствующими его «взрослому статусу». Многие спортивные секции оказываются за пределами экономических возможностей его семьи.

А в политических организациях разного толка подростку предоставляется возможность проявить свою взрослость, предлагаются пути «эффективного», быстрого и кардинального решения своих экономических и общесоциальных проблем.

Большую роль играют также личностные факторы. Такие, как деформация системы ценностей, преобладание досуговых ориентаций над социально полезными, нездоровая среда общения, отсутствие жизненных планов.

Дмитрий Иванович Писарев тонко заметил, что самые ярые фанатики - дети и юноши. Это его наблюдение требует серьезного осмысления. Стремление растущего человека к самосохранению не проявляется автоматически. Оно как бы вызревает, да и то при совершенно определенном сочетании обстоятельств, внешних и внутренних факторов.

«Мальчику жизни не жалко, гибель ему нипочем», - уверяет нас поэт. Молодая жизнь далеко не всегда знает цену жизни. Человеку, невысоко ценящему свою жизнь, весьма трудно с благоговением относиться к чужой жизни, к жизни как таковой.

Кроме того, именно у подростков и юношей «напряжение противоречий жизни» (Э. В. Ильенков) достигает максимального накала. Молодая душа нетерпелива: она жаждет и требует разрешения вековых проблем бытия немедленно – «здесь и теперь». Смысл своей жизни вступающему в нее человеку легче всего усмотреть в борьбе, разумеется, за самые высокие идеалы, в чем бы они ни заключались. Постепенно весь мир сужается для такого человека до границ этих идеалов. Отсюда - фанатическая им приверженность.

Умопомрачительная сложность мира, тяжесть его познания настолько угнетают человека «на заре туманной юности», что он втайне от себя ищет предлога для гибели, и чем «благороднее» этот предлог, тем с большим фанатизмом испытывается судьба. Наконец, есть молодые, иступленно боящиеся смерти, а пуще того - старости. Из страха перед ними они бегут навстречу гибели.

В основе фанатизма лежит подсознательный страх и жизни, и смерти. Отсюда - жажда смерти как избавления от труда жить и одновременно как залога бессмертия. В тесной связи с этим фундаментальным феноменом человеческой природы находится более или менее сублимированный коктейль из некрофилии и садизма. Навредить себе и за счет этого почувствовать себя особенным - это очень тяжелый комплекс.

Молодой человек самоутверждается за счет воображаемого или актуального «могущества» - власти над жизнью и смертью других людей, власти, которую он присваивает, разумеется, насильственным путем.

Но ни один человек на свете никогда не мог и не сможет предаваться тайным порочным стремлениям без самооправданий. Без того, чтобы, как формулировал это Достоевский, не успокоить своей совестью. Поэтому молодость хватается за любую внешне красивую идею, оправдывающую фанатичное стремление к своей гибели и к разрушению мира. Конечно же, ради самых «великих» целей.

Вот почему не дать подросткам и юношам шанса правильно определиться в этом огромном и таком противоречивом мире - значит подвергнуть его опасности дальнейшего варварского разрушения.

Если педагогика желает помочь выжить человеку и миру, то ей предстоит научить молодые поколения правильному смыслу жизни.

Неправильный смысл жизни дарит молодежи нигилизм. Это - теория разрушения мира с предполагаемой целью его последующего усовершенствования. Легче и скорее всего она формируется у недоученных молодых людей, спешащих найти, кому бы и чему поклониться.

Мощной разрушительной силой обладает и цинизм.

Не менее опасна самоуверенность в области мысли - именно она постоянно подпитывает фанатизм. Растущему человеку необходимо научиться здоровому недоверию себе, не переходящему в крайность, и здесь самое главное - овладение научным методом. Человек бунтующий - всегда человек некритически,

нерефлекторно, беспроверочно самоуверенный.

Семья и школа многое в силах изменить к лучшему. Воспитатели и учителя существенно способствуют спасению молодежи от крайностей и опасностей политики.

Здесь совершенно необходима профилактика. Дело в том, что, как только личность оказывается в тисках кружка «наших» (слово из «Бесов»), так сила этой группы и его организационная психология начинают все больше подавлять личность. Тогда вмешательство практически бесполезно: поздно. Отказ от «ценностей» общности означал бы для ее члена потерю смысла жизни.

Прежде всего в детях надобно поощрять неприятие насилия в любой его форме. И подавать пример мирного разрешения конфликтов. Пример беззлобного сердца. Пример безгрозя души.

Важно отказаться от пренебрежения к человеку. Отказаться от бытовой ксенофобии.

Так, насмешка над чужим языком на том единственном основании, что он чужой, а не твой родной, и есть яркий пример бытовой ксенофобии.

Уровень низовой ксенофобии («во – нерусский», «все эти понаехали», «человеческого языка не понимают» и т. п.) жизненно обязательно свести до нулевой отметки.

В основу культуры личности следует положить идею благотворного разнообразия, множественности. Именно эта идея стимулирует этническую и культурную самоидентификацию.

Развить в растущем человеке сознательный самоконтроль - значит дать ему силу избегать поступков предосудительных и наказуемых, сохранять хорошее самочувствие, самоуважение и радостное ощущение эмоциональной свободы, независимости от чужой ненависти.

Вековечная мудрость. Псалом Давида (Псалтирь, 36):

«Не завидуй делающим беззаконие, делай добро; живи на земле и храни истину. Перестань гневаться и оставь ярость. Не ревнуй до того, чтобы делать зло, ибо делающие зло истребятся. Еще немного, и не станет нечестивого; посмотришь на его место, и нет его. А кроткие наследуют землю и наслаются множеством мира. Малое у праведника - лучше богатства многих нечестивых. Отойди от зла, и сотвори благо».

Благородство и сила духа

Победитель благородный с побежденным будет ровен,
С ним заносчив только низкий, с ним жесток один дикарь.
Будь в раскате бранных кликов ясновзрен, хладнокровен,
И тогда тебе скажу я, что в тебе мудрец — и царь.

Константин Бальмонт

Житейские, бытовые наблюдения показывают, а научная психология подтверждает, что наиболее опасные, агрессивные, разрушительные люди – люди "комплексующие". Слабаки. Именно они, постоянно нуждаясь в компенсации своей недостаточности, плетут интриги, строят козни, исподтишка наносят удары. Это они, мстительные и жестокие, многократно усиливают "вечное горе всех" (Аветик Исаакян) на земле.

Большая сила, напротив, великодушна. Я знал сверхсилача, который за всю свою долгую богатырскую жизнь никого не тронул пальцем, чтобы ненароком не убить. Впрочем, по доброте душевной он и не желал никому зла.

Душевная сила и благородство идут рука об руку, и это объясняет, почему в наше

время благородство стало снова востребованным, ценным и настолько широко практикуемым, что подчас превращается чуть ли не в массовую профессию.

Благородство ныне в чести. Например, в армиях спасения, где умный риск и истинное благородство неотделимы. Ремесло спасения естественным образом фильтрует людей по их душевным качествам. В результате долго в спасателях задерживаются только сильные люди, способные защитить слабого, попавшего в беду.

Так, желающим попасть на работу в Центроспас недостаточно иметь за плечами безукоризненное военное или спортивное прошлое и владеть необходимым набором специальностей. "Добро" медкомиссии еще не является залогом успеха. Почти тысяча правильно выбранных ответов психологического тестирования тоже не гарантирует кандидату места в штате элитного подразделения. Новичку необходимо доказать будущим коллегам в процессе стажировки, что на него в любой ситуации можно положиться, что он проявляет доброту и терпимость, необходимые в их ежедневных миссиях.

Единоборства. Очередной чемпионат мира по Кекусинкан каратэ-до состоялся в сентябре 2005 года в Москве. Корреспондент газеты "труд" спросил президента Международной Федерации этого вида единоборств, многократного чемпиона мира Хацуо Рояма, выполнявшего на турнире функции главного судьи.

— Господин Рояма, с чего начинался ваш путь в этот мужественный вид спорта?

— С испуга. Я рос слабым, безвольным, но очень любопытным мальчиком.

Однажды на моих глазах здоровенного предводителя молодежной шайки сбил с ног и «отключил» одним ударом худенький парнишка, как я потом узнал — опытный каратист. Это меня так впечатлило, что я записался в секцию. Сейчас стилем Кекусинкан занимаются 12 миллионов спортсменов.

И еще господин Рояма сказал:

— Мы жестко требуем соблюдения многих правил. Например, запрещаем поединки разных по силе соперников. И уж тем более — агрессивное поведение по отношению к окружающим. Скажу больше. В Японии широкое распространение получила практика передачи особо агрессивных подростков, с которыми не смогли справиться ни полиция, ни профессиональные психологи, в школу Кекусинкан. Здесь эффективность воспитания оказалась выше. Чем объяснить такой парадокс? У нас максимально контактный стиль. Начинающий спортсмен быстро понимает, каково причинять боль другим, и как это плохо, когда причиняют боль тебе. Он приучается представлять себя на месте потенциальной жертвы и перестает быть угрозой обществу.

— Мне часто доводилось наблюдать, как русские, тренируясь в Японии, гармонично вливались в коллектив бойцов, успешно осваивали высоты рукопашного искусства и проникались рыцарским духом.

— Сильный человек должен быть предельно вежлив в любом состоянии и с любым собеседником.

Проявления благородства. Символом высоты духа общепризнаны, например, образы скульптора Эмиля Антуана Бурделя (1861 — 1929): голова «Аполлона», отмеченная мужественной энергией и воплощенная в строгих, четких формах; памятник генералу Альвеару для Буэнос-Айреса, вероятно, одним из самых благородных и возвышенных произведений монументальной скульптуры XX столетия. На высоком постаменте помещена конная статуя генерала, по углам постамента четыре аллегории: Сила, Победа, Свобода, Красноречие. Портрет «Анатоль Франс» кисти Бурделя — также олицетворение высокой, благородной мысли (искусствовед В. В. Стародубова).

Другой пример современного понимания благородства — кинематографические образы Жана Габена (1904 — 1976), людей из народа, сильных, цельных,

молчаливых в силу своего благородства и верности идеалам.

Общественное признание. Благородство не нуждается в благодарности, в частности, в наградах. Но люди не хотят сдерживать своей признательности, и в последние годы у нас учреждены общественные награды – ордена для истинно праведных героев: орден "Ответственность и благородство", орден "Добродетель-Благородство-Мудрость", орден "Слава Нации" и многие другие.

Цель проекта «Благородство» – популяризация людей, совершающих благородные поступки, живущих по принципам порядочности, сострадания, равнодушия. Премией «За Благородство» в недавнее время были награждены студентка, ухаживающая за «отказными» детьми в Доме ребенка, хирург-кардиолог, проводящий уникальные операции, слепой человек, спасший детей, оказавшихся на льдине, юная девушка и ее будущая свекровь, благодаря которым брошенный на свалке младенец обрел любящую семью, директор пансионата для детей-инвалидов... Люди, изо дня в день делающие какое-то негромкое дело, суть которого можно выразить одним словом – благородное.

Недавно в Кронштадте состоялись торжественные мероприятия, посвященные возрождению Морского Собрании. Историю Морского Собрании творили адмирал С. К. Грейг, И. П. Бунин, великий князь генерал-адмирал Константин Николаевич, И. К. Григорович и многие другие. Благородство души было их характерной чертой. Благородство, в основе которого лежала любовь к Родине. Сегодня перед членами Морского собрания помимо прежних задач стоит еще одна важнейшая – воспитание нового духовного характера – исполненного благородства. (О. Спешилова. Газета "Котлин". 2007, № 1).

Воспитание. Еще в V веке до н. э. В Китае Конфуций разработал учение воспитания добродетели. Чтобы справляться со своими обязанностями, человек должен обладать благородной душой, полной лучшими людскими совершенствами. Но почему же, даже обладая добродетельными качествами, человек совершает не только безнравственные, но и бесчеловечные поступки? На подобный вопрос Конфуций ответил: «Все люди близки друг другу по своей природе, а расходятся между собой в ходе воспитания. Человек может утрачивать благородные качества под влиянием дурного общения. Поэтому, чтобы все члены общества выполняли свои гражданские обязанности и человеческие нормы, необходимо воспитывать человека в духе добродетели».

Ему вторит Платон, сравнивая человеческую душу с колесницей, в которую запряжены белый и черный кони (благородное и низменное начало в человеке). Конями управляет возничий – разум. Когда возничему удастся смирить низменное начало, душа может подняться до божественных высот подлинного бытия («Федр»).

Платон прав. Родителям и учителям следует ставить превыше всего хороший характер ребенка, а не его способности, но не забывать при этом о тренировке ума.

До сих пор актуальны и мысли Аристотеля: добродетели разума и чувств не врождены, они приобретаются в ходе размышлений, жизненного опыта и воспитания. При этом Аристотель важное место отводит самовоспитанию, в ходе которого человек формирует благородное чувство «золотой середины» в своих поступках. Так, выделяя мужество как характерную черту добродетели, он раскрывает ее посредством других крайних позиций: трусости и безрассудства. Тем самым мужество выступает «золотой серединой». Щедрость занимает среднее положение между расточительностью и скупостью. Великодушию противостоят тщеславие и малодушие. Скромность находится между бесстыдством, наглостью и робостью, застенчивостью. Добродетельные поступки бескорыстны и прекрасны в своих проявлениях, и высоко ценятся людьми. (См.: В. А. Васильев. Воспитание добродетели).

Особенно результативно сила разума и хороший характер одновременно

развиваются в восточных традициях. Воспитание дэ (всеобщей первоизданной добродетели, морали) в ходе занятий цигун (системой закалывания и совершенствования психики и тела), учитывает оба значения этого понятия. Во-первых, имеется в виду нравственное поведение в повседневной жизни, а именно: избавление от субъективизма и эгоизма, воспитание благородства. А во-вторых, подразумевается необходимость следования естественному порядку вещей, восприятия жизни как природного явления, что гарантирует ее нормальное течение.

Выработка волевых качеств и закалка характера являются важным инструментом для поддержания «мысли и духа» в состоянии покоя. В повседневной жизни, учебе и работе надо сдерживать свои чувства. Общение с людьми должно быть дружеским, основанным на проявлениях сдержанности и миролюбия, великодушия и готовности творить добро. Научиться управлять своими чувствами тоже является составной частью процесса воспитания дэ.

Плюс: широта натуры и оптимизм. В любых условиях поддерживается чувство радости. В «Су взнь» говорится: «Радость - это хорошее расположение духа и целеустремленность, направленные ко всеобщей пользе». Если в повседневной жизни неприятности не дают вам покоя, достаточно улыбнуться, и в сердце вспыхнет радость, а все печали развеются как дым.

Воспитание культуры, избавление от дурных манер и наклонностей нацелено против надменности, высокомерия, своеволия, злобы, зависти, чувства собственной неполноценности, недисциплинированности, излишней подозрительности, вероломства, лицемерия, двуличия, коварства, подлости и корысти. Только избавившись от дурных манер и наклонностей, очистив собственную душу, изгнав из нее все плохое, можно рассчитывать на быстрый прогресс и достижение совершенства в мастерстве. Никому из людей недалеких, корыстолюбивых, жестоких, хитрых и скрытных в силу душевной ущербности никогда еще не удавалось добиться сколь-нибудь значительных успехов, а если и удавалось, то торжество их длилось недолго. В конце концов все кончалось плачевно как для них самих, так и для окружающих.

Благородный человек погибнет в окружении конкуренции и злобы? — Нет! Именно он и победит. Поскольку благородство зиждется на силе духа.

Чтобы побеждать в жизни, побеждать красиво и долговечно, прочно, основательно, надобно иметь высокую душу. Хороший характер. Самое надежное в смиренном нашем мире — это благородство духа. Не по рождению, не по крови, а по уму и чести.

Страх полезный и страх вредный

С академиком Российской Академии образования Борисом Михайловичем Бим-Бадом беседует журналист Ольга Мариничева.

- О чем бы мы с вами в последнее время ни беседовали, Ольга Владиславовна, я снова и снова возвращаюсь к тому, что волнует меня неустанно: к проблеме утраты. В его человековедческом и, в конечном счете, педагогическом смысле. Мысленно уподобляюсь Шерлоку Холмсу с его дедуктивным методом: пытаюсь представить себе, например, что привело к теракту всех его участников - и организаторов, и исполнителей. Без чего не могло случиться злодеяние. Что предшествовало ему.

- И при этом вас больше интересует личностно-психологический уровень, а не социально-политический?

- Да, хотя это перемешано. Вот американцы пытаются отграничить психологический аспект от социального и социально-психологического. И совершенно напрасно. Одно отделить от другого нельзя. Верно, что социальная группа давит на индивида, от членства в группе действительно многое зависит. Но

группа-то строится в соответствии с индивидуальностями составляющих ее людей, с их личными особенностями.

- Я говорю о социально-политическом смысле проблемы.

- Но политик - тоже человек, я исхожу из этой «смелой гипотезы». И его надо изучать под тем же углом зрения: без чего, без каких движений человеческой души невозможно это явление - терроризм.

Как действуют террористы? Прежде всего, они устрашают. Устрашают кровью. Кровью людей безвинных, непричастных, случайных. Особенно важно, что случайных. Чтобы все знали: спастись нельзя.

Во-вторых, все должны знать, от кого именно нельзя спастись. Угроза внезапной гибели каждого обязана исходить от определенной группы или лица.

Персонализация убийц им необходима потому, что устрашение - не самоцель. Устрашение обязано привести террористов к власти, влиянию, деньгам, господству. Они не могут добиться своих конечных корыстных целей (а корысть, как известно, ненасытна и растет пропорционально размеру добычи) без средств массовой информации. Они пользуются тем, что телевидение, радио и газеты не могут не оповещать мир о содеянном. Беря на себя ответственность за теракты, они используют прессу, чтобы заявить о себе как о могущественных вершителях судеб, судьях и палачах в одном лице.

Но сначала - страх.

- Само слово «террор» происходит от латинского слова «страх» - terror. Страх, ужас, трепет суть самые сильно резонирующие струны в любом существе, и в человеке тоже.

- Да, самые-самые. Именно поэтому нам сегодня так нужно присмотреться к природе, разновидностям и внутренней структуре страха. Понять, что страх - не просто одна из эмоций, не просто психическое состояние, но архетип - древнейший первообраз мира в психике человека.

Уже в утробе младенец пугается громких звуков, услышав которые, он начинает «паниковать» - сучить ножками и ручками в животе у мамы.

Столь фундаментальное свойство всего живого не могло быть заложено лишь «во зло». Биологически и психологически страх бывает и полезным, и вредным. Как и боль. Они сигнализируют нам об опасности, они ограничивают опасную для нас активность, - боль от соприкосновения с чем-то слишком горячим или страх высоты, например. Есть масса полезных видов страха.

- То есть человек бесстрашный - это лишь метафора?

- Бесстрашие в нормальном, полезном смысле - это разумная доля преодоления человеком естественного страха. Безрассудство (бесстрашие, замешанное на самоуверенности) есть некая патология, опасная для жизни. Хороший пловец, не переоценивающий человеческих сил, не заплывет слишком далеко, разумно боясь утонуть. Бесстрашный же пловец, как правило, погибает.

Мы восхищаемся канатоходцами под куполом цирка, но здравый смысл требует серьезно их подстраховать. И нормальная доза страха не мешает проявлению мужества. А мужество очень желательно: ведь от человека требуется и толика бесстрашия - для преодоления трудностей и собственных же слабостей, например, для того, как это делают новаторы, чтобы нарушать некоторые каноны...

- Или как того требует ряд профессий - спасателей, пожарных...

- И на войне от людей ожидается способность преодолевать страх гибели...Что же все это значит для практики воспитания? Необходимость подчиниться закону золотой середины. Слишком много бесстрашия - плохо; слишком мало - граничит с трусостью. А смелость необходима и для мышления.

- «Мужество сознания», как называл это качество наш с вами любимый философ Эвальд Васильевич Ильенков.

- Или «Осмеливайся мыслить!» - лозунг Иммануила Канта. Чтобы мыслить, требуется выдерживать напряжение, предпринимать усилия, надобно не бояться показаться смешным...

Итак, спасительна только золотая середина. Прислушиваться к страху, который предупреждает о наступлении реальной опасности; избегать бездумья, взвешивать «за» и «против» - все эти качества дает подготовка, тренировка, воспитание. В критической ситуации, в миг тяжелой угрозы человеку некогда взвешивать эти «за» и «против», некогда рассуждать; здесь спонтанно проявляется то, к чему человек уже пришел. Он должен быть подготовлен к опасности. И воспитание как упражнение в жизни, по определению Ивана Федоровича Козлова, включает в себя подведение растущей личности к моменту опасности.

- У педагога Юрия Устинова, создавшего свою систему воспитания в условиях гор и лесов, есть показательное высказывание о современных детях, выросших в обстановке комфорта: «У них убийственно снижено чувство естественной опасности». То есть беда как раз в том, что у них нет спасительной реакции на риск заблудиться в лесу, сорваться с горы, замерзнуть без тепла... С подобными опасностями они просто не встречаются в размеренной своей жизни, потому и отсутствует у них навык предупреждения кризисной ситуации. В опыте скаутизма мудро заложена тренировка этого сложного искусства правильно бояться.

- Да! Добавлю, что некоторые дети от природы наделены очень сильной степенью пугливости, а другие обделены ею. Воспитанию предстоит в первом случае, когда страха перед серьезной опасностью чересчур много, учить действовать, преодолевая избыток волнений. А там, где мало страха перед серьезной угрозой, - осторожно его внедрять, упражняя в осторожности, предусмотрительности, внимании, серьезности, ответственности.

Во всех случаях воспитателю рекомендуется внедрять в сознание ребенка понятие долга перед собой и отношение к человеческой жизни как к высшей, предельной и абсолютной ценности.

Наряду с паническим страхом, дефицит уважения к жизни человека, пренебрежение к ней - это один из мощнейших рычагов терроризма. Современный терроризм исповедует, на полную катушку использует и практикует презрение к людям, человеконенавистничество, национализм.

Итак, страх неизбежен, в известной дозе страх полезен. Страх может быть спасителем или губителем в зависимости от своего содержания, качества и количества.

- Как же педагогически грамотно относиться к страху?

- Первым делом ответим себе на вопрос, чего боится воспитуемый. («Скажи мне, чего ты боишься, и я скажу, кто ты».) Если он боится порока и стыда, боится огорчить дорогого человека, то он на правильном пути. А вот ежели он «хи-хи-хи да ха-ха-ха, не боится, мол, греха», то перед нами потенциальный, или даже, может, и актуальный преступник.

Злодей гордится своим бесстрашием перед грехом, способностью не испытывать или преодолевать порог совести: он гордится своей бессовестностью.

Вслед за диагнозом идет собственно воспитание или, когда нужно, перевоспитание.

Благое воспитание не станет внушать страх перед наказанием за грех, а будет внедрять в сознание отвращение к греху как таковому. Согрешить страшно не потому, что это запрещено под страхом возмездия, а потому, что грех противен замыслу Творения, природе вещей, смыслу бытия. Бояться надобно его противоестественности, безобразия, мерзости, отвратительности. Нужен страх стать выпадающим, как вывихнутый сустав, из вселенского организма, стать чуждым и враждебным мирозданию.

- Но ведь вся авторитарная педагогика, и поныне процветающая во многих школах и семьях, как сквозным стержнем пронизана именно угрозой наказаний.

- Бояться наказаний опасно чрезвычайно. Потому что всегда возникает мысль, что наказания можно бы и избежать. И что, если бы наказания не было, то тогда, пожалуй, грех - вовсе и не грех. Идея наказания не спасает. Есть такие данные, полученные юристами: главные мотивы отказа от злого умысла (о них говорят до 80 процентов опрошенных в большой выборке) - совесть и отвращение к преступлению. Нерешительность и страх наказания удерживает от исполнения преступного умысла лишь около двух процентов людей.

В невозможности принять преступление как таковое - вне зависимости от того, наказываемся оно или нет, - заключена сущность воспитанности. В брезгливости ко злу. В стремлении к здоровой норме.

Итак, в содержании и качестве страхов мы отбираем благие, праведные, спасительные и отсеиваем страхи низменные и отвратительные. Некоторые грешники боятся показаться милосердными. Стоит запасть в их душу мысли о том, что в благородстве проявляется слабость, как они начинают вытравлять из нее (души) даже намек на добропорядочность. И боятся, как бы их не заподозрили в дефиците жестокости.

Я знаю людей, которые смертельно боятся Божьего гнева. А ведь на самом деле люди не в силах смоделировать логики нашего Судии. И вынужденное страхом хорошее поведение всегда искусственно, ценно же поведение добровольное, радостно добровольное.

Всегда предпочтителен страх перед нанесением вреда, а не желание угодить принужденной добротой.

Две задачи равно стоят перед нами, воспитателями, - профилактика бесстрашия перед грехом и профилактика трусости добродетели, трусости мыслить, действовать и готовиться к встрече с опасностью.

Кому нужен образ врага? - Почти всем... - Почему?

Сейчас скажу, почему. Но прежде договоримся о понятиях. Есть реальный враг — ненавистник, пакостник и захватчик, и его образ тоже существует в сознании жертв.

О реальном образе действительного врага мы сейчас не говорим — это особая важная тема. Ограничимся рассмотрением придуманного образа несуществующего врага. Фантома. Заметим только, что фантомные боли тоже бывают весьма ощутимыми: ногу ампутировали, а отсутствующая нога жутко ноет.

Итак, выражение "образ врага" значит в контексте настоящей дискуссии нечто иллюзорное, фантастическое — мираж или специально изобретенный ментальный конструкт, имеющий к действительности самое отдаленное отношение. Типичный образ врага — тот самый черт (бес, Враг), которого ни один трезвый человек никогда не созерцал, но почти всегда готов свалить на него свою вину. Ну как же? Бес попутал...

В подобном козлике отпущения нуждается даже малый ребенок. "Это не я разбил вазу — меня бумбараш толкнул". И целые толпы: нет на нас греха, их все унес с собой в пустыню козел. Разве не видели?

Первым делом образ врага рождается чувством (комплексом) вины. Чтобы оправдаться, обелиться, очиститься, придуманного врага шибко ненавидят. Особенно злобно, если новоиспеченный "враг" — ближний: сосед, жена, муж... Об этом хорошо сказал Георг Зиммель: "Тайное ощущение собственной вины мы весьма предусмотрительно прикрываем ненавистью, которая облегчает приписывание всей вины другому".

Образ таинственного могущественного врага нужен также для оправдания наших неудач, потерь, упущенной возможности, слабости, болезни и много иного. Увы,

человек слаб.

Образ врага подпитывается СТРАХОМ. Слишком часто человеку боязно, беспокойно и горько. Его оскорбляют. Сердце готов заселить холод. И наступает время, когда больше нет у него опоры и не хватает сил. Образ врага уменьшает психическое напряжение у огромного числа людей. Они как будто находят в нем поддержку перед угрозой сомнений и одиночества, разочарования, соблазна. И люди укрепляются в своей ненависти к придуманному врагу каждый раз, когда сталкиваются с клеветой, притворством, жадностью, завистью, гордыней, опасностью случайной гибели... Демоны невежества терзают человечество, идолы толпы угрожают тиранией, дьявол страстей разрушает культурные завоевания тысячелетий. Дикость и хищничество царят вокруг человека. Он хватается за соломинку фантомов, вооружается щитом ненависти и держит наготове ватное копые, коим в своем воображении поражает врага. "Изыди, bestия!"

А те, кто воистину виновны, грешны, беззаконны и бессовестны, тем более нуждаются в образе врага — чтобы не только перед собой оправдаться, но и перед Богом и людьми. Все эти палачи и исполнители кровожадных приказов, прячущиеся за спину всемогущего начальства, убийцы, распространители половых болезней, пьяные водители... Им надобно кричать "Держи вора" и при этом быстро смываться.

Не всякий человек поддается коллективному полубессознательному образу врага. Встречаются люди, испытывающие органическое отвращение к самообману и обману, нечувствительные к пропаганде. Мужественные люди.

Теперь из психологии переместимся в политэкономия. То есть в область торговли оружием. Если Вы, читатель, не производитель и не продавец вооружений, Вам не понять, как велика цена измышленного врага, ежели под рукой нет, как это чаще всего и случается, врага действительного. Грандиозные состояния наживаются так: ветром дезинформации развеивается огонек раздоров, и разжигается вражда между племенами, и всем им продается вооружение.

Приемы стравливания людей практически не изменяются с ходом времени. Образ потенциального или актуального врага создается сизмальства. Взаимные ревизии учебников истории для массовых школ в большинстве так называемых цивилизованных стран мира, проводимые примерно раз в двадцать лет независимыми экспертами-интеллектуалами, обнаруживают, что натравливать друг на друга начинают в школе, внедряя в незащитное сознание молодежи ненависть к "чужим". Это, как правило, соседи.

Сокровища, сделанные из крови и плоти еще совсем детей и обманутых, одурманенных и обезумевших в злобе взрослых, частично используются для нищенских подачек школе, которая, как ей кажется, просвещает, а на деле готовит на погибель тех, по числу коих будут вскоре проданы и закуплены автоматы и минометы. Матери производят на свет будущее "пушечное мясо", учителя готовят его к употреблению. Зачем? Чтобы обогатились сверхвысокопоставленные преступники, профессиональные людоеды, несущие страшные мучения сотням тысяч и миллионам людей.

Почему люди допускают это? Только потому, что вместо образования спасительного, развивающего способности, людям подсовывают образование, укореняющее умственную слабость и безумие. Так что политэкономия здесь не обходится без психологии.

Классическое исследование Гордона Олпорта о психологических корнях этноцентризма и расовых предрассудков (1946 год) показало, что влияние школы (особенно на детей в возрасте от 12 до 16 лет) не менее сильно, чем влияние родителей. Морис Мерло-Понти тоже неоспорим, утверждая, что расовые и этнические предрассудки зарождаются и укрепляются в ребенке, у которого еще нет рефлектирующего мышления, а есть только непосредственные чувственные связи с

миром.

Дать детям самосознание и адекватную картину мира - задача хорошей школы. Чем выше образованность человека, тем меньше его потребность в "козлах отпущения", в ненависти и презрении к людям.

Есть способность "понимать, слышать друг друга", без которой "едва ли не хуже были мы диких зверей", как говаривал Михаил Васильевич Ломоносов. Понимать проблемы друг друга значит много больше, чем понимать неродные языки. Здесь надобна культура - благоговение перед жизнью как таковой; светлый разум; оптимистическое мирозерцание; интерес к вечным проблемам бытия; дух "Клятвы Гиппократата"; умонастроение типа "Никогда не посылай узнавать, по ком звонит колокол: ведь он звонит по тебе".

Без всего этого школа не сможет врачевать наши раны и защищать детей от тех, кому выгодна ненависть, недоцивилизованность и образ врага. Но мало хорошей школы. Необходимо еще внимание общества к трудностям людей и реальное предоставление им шансов подняться, выбиться из круга беспросветной нужды.

Абсолютно обязательно непрерывное и повсеместное разъяснение каждой из возрастных категорий призрачности и бесполезности ненависти, гнева, враждебности.

О некоторых мотивах преступлений

Заметка о книге "Weatherburn, Donald James. Delinquent-prone communities / and Bronwyn Lind. Cambridge, UK; New York, N.Y., USA: Cambridge University Press, 2001. x, 211 p."

Один из фундаментальных вопросов социологии и криминологии -- связь, соотношение между неблагополучием, экономическим и общественным, и преступностью.

Сопоставление доказательств и свидетельств обстоятельств позволяет составить баланс в пользу неблагополучия. Усиление экономического и социального стресса увеличивает риск вовлеченности в преступные деяния по механизму мотивации наносить вред, обиду, ущерб.

Но существует ряд эмпирических отклонений от этой схемы, и их трудно согласовать с имеющимися интерпретациями фактологии.

Авторы книги о преступных сообществах Уэзербёрн и Линд (Weatherburn, Donald James. Delinquent-prone communities / and Bronwyn Lind. Cambridge, UK; New York, N.Y., USA: Cambridge University Press, 2001. x, 211 p.) доказывают, что передаточным механизмом между экономическим и социальным напряжением, с одной стороны, и преступлением, с другой, -- служит разрушенный, деформированный или прерванный процесс воспитания, -- семейные связи и отношения, среда и обстоятельства молодых лет жизни.

Упомянутые исследователи выдвигают "эпидемическую модель" генезиса делинквентных и склонных к преступлениям сообществ. В их книге показано, каким образом эта модель объясняет эмпирические аномалии, непонятные с позиций только экономико-социальной модели.

Криминология в последнее время вынуждена в большей степени учитывать психолого-педагогические факторы, процессы и явления в построении объяснительных моделей и теорий, чем это было прежде. Хотя уже Адольф Кетле (Quetelet, 1796-1874) и Андре-Мишель Герри (Guerry, 1802-1867) сомневались в прямой зависимости преступности от экономического положения делинквентов. Они обратили внимание на статистику преступлений именно в экономически процветающих районах Франции. Но их наблюдения не подтвердились данными по

другим странам. Вплоть до настоящего времени в криминологии принято считать, что между бедностью и преступностью имеется положительная связь. И гипотеза относительно важности мотивов мести получила со временем серьезное подтверждение.

Эту парадигму для краткости называют ESIOM -- economic stress-induced offender motivation (мотивация принесения ущерба, вызванная экономическим стрессом). Термин "экономический стресс" означает вклад безработицы, нищеты в мотивацию преступлений, далеко не всегда корыстных. Часто речь идет о мотивах навредить, отомстить.

Месть как субъективно осознаваемый, служащий самооправданию, мотив преступлений является установленным фактом (обида, унижения, измена, предательство и т. п.). Но мотив причинения вреда в качестве идейной установки, объединяющей преступников в группы, признается учеными только в последнее время.

Чтобы объяснить преступления, совершенные не из корысти, не из утилитарных целей, ученым пришлось внимательно присмотреться к процессу формирования личности и характера преступников. И здесь обнаружилось, что корни и корыстных, и т. н. немотивированных (то есть совершаемых без материальной выгоды для себя) правонарушений в большом числе случаев уходят в обстоятельства воспитания.

Культ мнения без сомнения

Вся наука изначально строилась на сущностном различии между знанием и всего лишь мнением.

Еще Сократ защищал знание от мнения. Защищал объективный характер познания. В "Меноне" Платона Сократ спрашивает: "Стало быть, тебе неизвестно, что правильное, но не подкрепленное объяснением мнение нельзя назвать знанием? Если нет объяснения, какое же это знание?.. Прорицатели и провидцы подчас в своем исступлении говорят правду, но сами не ведают, что говорят и почему". Своеволию человека Сократ противопоставляет общую духовную основу и организацию всего человечества.

У Платона мнения (взгляды) неотчетливы, смутны. А знание явственно и ясно. Мнение имеют те, кто мнят. Мнить — полагать и воображать, например, быть высокого мнения о себе.

Знание превыше всего. "Не может разум быть чьим-либо послушным рабом. Нет, он должен править всем, если только по своей природе подлинно свободен. Но в наше время этого нигде не встретишь, разве только что в малых размерах" (Законы, IX, 875c-d).

Аристотель осмысливает знание в терминах необходимых суждений, которые выражают причинно-следственные связи. Мнение, напротив, обходится без выяснения причин и носит вероятностный характер.

Ибн Рушд (Аверроэс, 1126-98) — арабский философ и врач, знаменитый представитель восточного аристотелизма. Он даже людей различал по этому признаку: знающий (аподиктик) постигает истину, мнящие (диалектик и риторик) довольствуются воображением.

Своей задачей Джон Локк считал ответы на вопросы, как было получено то или иное знание. Что из утверждаемого достоверно, истинно, а что всего только мнение или даже пустое поддакивание.

Шотландский скептик 18-го века Дэвид Юм дал классификацию мнений: предположение, догадка, убеждение. Юм показал, что мнение в корне отличается от гипотезы, которая подлежит проверкам.

Истинное знание основано на логической необходимости. Оно строго доказано, проверено и перепроверено. Оно достоверно.

Мнение же — только слабая форма веры, выражающая оценку, отношение, взгляд, настроение.

В хорошей современной школе чрезвычайно важно поощрять в детях осторожность суждений, воздержание от непроверенных высказываний, страх логических ошибок.

Показательно, что в нацистской школе знание вытеснялось культом мнения. Которое, оказывается, надобно было упрямо ("мужественно") отстаивать.

В национал-социалистической Германии школа была подчинена войне. Подготовка и ведению завоеваний. Пути к этой цели предначертал Гитлер. В его программной книге "Майн Кампф" на эту тему значится:

"Особенно большое значение придаем мы воспитанию силы воли и решимости, систематическому культивированию чувства ответственности.

Лучше, чтобы молодежь отвечала на вопрос иногда не совсем правильно, чем не отвечала вовсе. Боязнь ложного ответа позорит больше, чем ошибка. Надо влиять на молодежь в этом смысле, чтобы она имела мужество действовать.

Ныне свирепствует модная болезнь: трусость перед ответственностью. Здесь приходится видеть результат неправильной постановки воспитания. Наше государство будет воспитывать в юношестве со школьной скамьи готовность мужественно отстаивать свое мнение. Это необходимо нам так же, как и систематическое воспитание в молодежи воли и решимости к действию".

Иными словами: о правильности своих действий заботится трус, а герою истина просто не нужна.

Тогда ты хороший нацист — полезный член общества, занятого разбоем, грабежом, погромами. Чтобы отнимать и убивать, надобно держаться мнения (а не знания) и воли к действию (а не совести).

Поощряйте безответственное мышление, и вы вырастите настоящего хищника, рабовладельца и утилизатора кожи убитых людей. И при этом "с радостью берущего на себя ответственность за свои поступки", в истинности которых он не должен ни разбираться, ни сомневаться.

Жутковатый культ мнения без сомнения. Он враждебен личности и культуре. Он всегда противостоит прогрессу, ибо ведет к разрушительному мировосприятию.

Мир мне обязан!?

И мир мне обязан, и я обязан миру. У нас взаимные обязательства.

Как новому жильцу земли, мне необходимо возвращение, воспитание. Чтобы жизнь не мешала мне расцвести. Иначе я так и не стану взрослым, т. е. разумным, ответственным и творческим.

Но если я ничем хорошим не плачу за возможность жить — "мыслить и страдать" (А. С. Пушкин), то мир ко мне не будет добр. Мир — это зеркало. Улыбнитесь ему, и он ответит вам улыбкой. Состройте гримасу, и он вам тоже рожу покажет (У. Теккерей).

Растущий человек — и эгоист, и совсем не эгоист в одно и то же время.

Воспитателям эту двойственность в нем желательно поддерживать с помощью ожиданий, требований, упражнений. По мере взросления детей важно также прививать им правильные понятия об обязанностях человека перед собой и перед другими, не допуская одностороннего преобладания ни бессовестного служения себе за счет других, ни растворения себя в служении другим. Обе крайности опасны.

Чтобы уравновесить то и другое, надобно культивировать в воспитанниках уважение. Долг перед собой проистекает из самоуважения, из идеи человеческого достоинства. Обязанности перед остальными людьми вырастают из благодарности, из постепенного осознания ответственности за ближайшую к нам часть мира. Долг перед собой и долг перед обществом суть понятия, которые сами по себе,

автоматически в ребенке не зарождаются и не вызревают. Для их появления нужна культура.

Например, чтобы не просто ощущать, но еще и понимать свой долг перед родиной, человек нуждается в разносторонних познаниях. Из научной психологии, этнологии, культурологии он узнаёт, что родина есть исток и тайна его очеловечения.

Без родины человек не может стать ни нормальным, ни полноценным. Только становясь членом этноса, развивающийся индивид приобретает собственно человеческие характеристики.

Родной язык претворяет в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления и духовную жизнь общества. Овладевая родным языком, ребенок усваивает не только слова, их сочетания, но и множество понятий и отношений, воззрения на предметы, мысли, чувства, образы. Бессознательно впитав логику и философию языка, дети приобретают логические понятия и философские воззрения. Преимущественно посредством языка ребенок узнает структуру общества, в котором он рожден, и свое собственное место в этом обществе (К. Д. Ушинский).

К разуму, которым гордится человек, есть только один путь — через родной язык. И каждый из нас обязан родине своим сознанием, своей человеческой сущностью. Обо всем этом подрастающим людям надобно знать.

К сожалению, и тот раздел этики, который содержит учение о долге по отношению к самому себе, многим совсем не известен. А долг по отношению к себе заключается в том, чтобы не уронить достоинства человечества в своем лице. Идея человечества служит критерием собственных поступков, которым мы измеряем их ценность и достоинство (И. Кант).

Так, нашим воспитанникам следует указать на необходимость жизнерадостности и хорошего настроения; на необходимость ровного, спокойного расположения духа.

Самовоспитанием можно добиться того, чтобы всегда оставаться человеком оживленным, не отягощающим собой никакого общества.

Многое в жизни следует рассматривать как свой неизменный долг: необходимость любить других людей, а также помнить о том, что все мы — граждане мира. В нашей душе есть нечто, заставляющее нас испытывать интерес не только к самим себе, не только к окружающим нас людям, но и ко всеобщему благу. Этот последний интерес следует сделать близким для детей, чтобы он мог согревать им душу (И. Кант).

Ребенку позволительно много желать, но на меньшее надеяться и ничего не требовать. Ребенок должен учиться заботиться о тех, кто заботится о нем, и чем раньше (посильно, конечно), тем лучше. Ибо "дети сравнительно поздно приходят к мысли, что впоследствии им самим придется заботиться о себе, например, о своем пропитании. Им кажется, что они всегда будут жить под крылышком родителей и что их всегда будут кормить-поить, не требуя за то никаких от них забот и усилий", предупреждает нас наблюдательный Иммануил Кант.

Иначе... Кому нужен такой "соратник" общества, для которого жизнь — кровавая схватка зубами и когтями. Для которого бессовестный захват всего, что можно присвоить, составляет квинтэссенцию борьбы за существование? (П. А. Кропоткин). Кому нужен летчик, не ответственный за своих пассажиров, или терапевт, снявший с себя ответственность за пациента?..

Богатство не освобождает от личной ответственности человека за себя самого и за окружающий мир. Порочно не богатство, а использование его, чтобы предаваться лени, бездеятельности и беззаботной, бесполезной жизни. Чем больше имущество, тем сильнее чувство ответственности за то, чтобы имущество было сохранено в неприкосновенности и увеличено неустанным трудом на пользу множеству людей. Сняв с себя ответственность, человек лишает себя самого прекрасного чувства и творческой силы.

Доброжелательность, дружба, взаимная поддержка, личная сдержанность в порывах и страстях и великодушие рождаются постепенно. Великодушие — сознание человеком своей силы: избыток энергии, избыток сил, стремящийся выразиться в действии. Если чувство оправдывается разумом, оно уже не требует никакого другой санкции, никакого одобрения свыше и никакого обязательства так поступить, наложенного извне. Оно само уже есть обязательство, потому что в данный момент человек не может действовать иначе.

Чувствовать свою силу и возможность сделать что-нибудь другому или людям вообще и знать вместе с тем, что такое действие оправдывается разумом, само по себе есть уже обязательство именно так поступить.

Человек, воспитанный со способностью отождествлять себя с окружающим, человек, чувствующий в себе силы своего сердца, ума, воли, свободно отдает их на помощь другим, не ища никакой уплаты в этой жизни или иной. Он прежде всего способен понимать чувства других: он сам переживает их. И этого довольно. Он разделяет с другими их радости и горе. Он помогает им пережить тяжелые времена их жизни. Он сознает свои силы и широко расходует свою способность любить других, вдохновлять их, вселять в них веру в лучшее (П. А. Кропоткин).

"Почему я кому-то чем-то обязан? Ведь я не просил появиться на свет. Раз уж меня пустили в этот мир, то пусть обо мне и заботятся! Это мир мне обязан и притом решительно во всем". Подобная иждевенческая психология весьма обоснованно тревожила Антона Семеновича Макаренко, который в "Книге для родителей" показал, как полезно и даже спасительно приучать детей к обязанностям по дому, к заботе о родителях, к посильной взаимной ответственности.

Говоря о непомерных и даже жестоких материальных требованиях детей к своим родителям, А. С. Макаренко справедливо обобщал: "Мы не имеем права считать законной потребностью каждую группу свободно возникающих желаний. Это значило бы создать простор для каких-угодно индивидуальных припадков, и в таком просторе возможна только индивидуальная борьба со всеми последствиями, печально из нее вытекающими. Главное из этих последствий — уродование личностей и гибель их надежд, ибо капризы потребностей — это капризы насильников.

Жадность и нравственная пустота образуются, если с раннего детства в семье нет единства жизни, быта, стремлений, нет упражнений в коллективных реакциях. В таких случаях у ребенка потребность набухает в уединенной игре воображения без всякой связи с потребностями других людей.

Ребенку необходим опыт сплетения многих образов близких и менее близких людей, ощущение человеческой помощи и человеческой нужды, чувство причастности, связанности, ответственности и многих других".

Вот почему так важна для первого детства правильно организованная совместная жизнь в семье. Какими бы хорошими людьми ни были родители, простое соседство с ними ничего не может дать положительного. Скорее наоборот: опасно пассивное соседство хорошего человека, ибо это наилучшая среда для развития оголтелого эгоизма.

Может быть, все провалы воспитания, считает Макаренко, можно свести к одной формуле: «воспитание жадности». Постоянное, неугомонное, тревожное, подозрительное стремление потребить способно выражаться в самых разнообразных формах, очень часто вовсе не отвратительных по внешнему виду. С самых первых месяцев жизни развивается это стремление. Если бы ничего, кроме этого стремления, не было, социальная жизнь, человеческая культура были бы невозможны. Но рядом с этим стремлением развивается и растет знание жизни и, прежде всего, знание о пределах жадности.

В самом человеческом желании нет жадности. Если человек пришел из дымного города в сосновый лес и дышит в нем счастливой полной грудью, никто никогда не

будет обвинять его в том, что он слишком жадно потребляет кислород. Жадность начинается там, где потребность одного человека сталкивается с потребностью другого, где радость или удовлетворение нужно отнять у соседа силой, хитростью или воровством.

Прав только тот человек, который никого не хочет ограбить, — эту истину важно внушить детям, напоминает нам Владимир Сергеевич Соловьев.

Но и этого мало. Нашим воспитанникам полезно усвоить, что с момента, когда они вырастают и начинают работать, мир не только не обязан заботиться о них, но, напротив, ждет их заботы. Мы все должны сами проявлять инициативу и активность.

2. Тайная жизнь ума

О природе познания и тайнах мудрости

- Повсеместно принято считать, что мы стремимся жить в информационном обществе, при этом часто уточняется: в обществе знаний. Борис Михайлович, ваше мнение: информация и знания - это синонимы?

- Позвольте напомнить высказывания одного из мудрецов: "Где наша мудрость? Потеряна в знаниях. Где наши знания? Потеряны в информации. Где наша жизнь? Потеряна в попытках жить". Я тоже разделяю эту позицию, считая, что одно опасно сводить к другому. Конечно же, высшее, чего может достичь человек, - это мудрость. Ей бы полагалось быть школьным предметом, мудрости надо учить - как взвешенности, осторожности суждений, умению принимать во внимание множество различий и факторов, опираться на то, что рождено историческим опытом. Это больше, чем знания. Это еще и интуиция, и доброжелательность, и ненависть к самообману, самоуспокоению. Мудрый человек никогда не считает конечным полученное знание, он допускает его противоположность и, продумывая ее, находит пробелы в том, что казалось ему безусловным.

Мудрость невозможна без знаний, но не сводится только к ним. Как и знания - к информации. Я могу владеть информацией, допустим, обо всех разновидностях бабочек. И при этом ничего не смыслить в проблемах экологии, даже не интересоваться ими. Могу бесконечно углубляться в знание устройства ножек какого-нибудь жука - и при этом философия природы меня может абсолютно не трогать. На каждом шагу человек склонен быть узким специалистом, напичканным информацией, и меньше всего отвечать на вопросы "почему?" и "зачем?"

Информация - это преимущественно факт, ответы "да" или "нет". Знания - это прежде всего ответ на вопрос "почему?" В этом русле еще со времен Аристотеля строилась теория знания - как понимания истины, равнодушия к ней и как к способу проверить факты. Ибо факты становятся действительностью только в составе теории. Тут только очень важно избежать опасности выдать свое знание за истину в последней инстанции.

Теории меняются, исправляются, отменяются, вбирают в себя другие - теоретическая физика Ньютона, как известно, стала частным случаем физики Эйнштейна.

- В современном мире, в том числе в школе, как-то стало принято считать, что знающий человек - это тот, кто прежде всего имеет свое мнение по любому вопросу. Так ли это?

- Знание в европейской, а теперь и в общемировой традиции познания всегда противостояло мнению. Это противостояние восходит еще к Сократу (мнение - это всего лишь некоторое представление о чем-либо, отношение к чему-либо. А знание -

это, повторю, знание причин. Сократ говорит одному из своих собеседников: а если прорицатель в трансе произносит что-то правильное, то это - знание? Разве может быть знание без знания причин? Даже истина - еще не знание. (Истине нужно еще дорасти до знания, отрефлексировав свои собственные основания).

Кант - самый яркий, по-моему, из всех последователей Платона и Сократа - показал очень ясно, что недостаточно мыслить самостоятельно - надо еще мыслить правильно.

- Об этом как раз в педагогике забывают...

- Ну да, ведь самоценны "самостоятельная работа", "самостоятельное мышление", "отстаивание своего мнения"... Вне зависимости от содержания всей этой самостоятельности. Но ведь важно не просто отстаивать свое мнение, но думать о том, чтоб оно было доказано, хотя бы стремилось стать знанием. И вот что интересно. Как только государственная школа начинает быть заинтересованной в оболванивании своих учеников - в том, чтобы они на самом деле не учились мыслить правильно, а только самостоятельно (что само по себе обман, ибо самостоятельное мышление без правил, без профилактики ошибок заведомо ложно и дает не самостоятельность, а слабость и дряблость в решении жизненных задач), то в такие периоды государство начинает всячески поощрять мнения и всячески принижать знания.

Гитлер утверждал в "Майн капф", что прискорбное отсутствие воли юных поколений - вина учителей. Многие из них преследуют учеников, которые яростно отстаивают свое мнение, требуя от них доказательств. Тем самым они расслабляют волю учащихся. И вывод: ученик, рискующий оказаться неправым, предпочтительнее ученика, боящегося дать ответ из-за страха ошибки. Так насаждался произвол мнений в ущерб глубине познания - опасной для рейха. Вот это стремление всячески поощрять безумное, безосновательное мнение и есть предпосылки к культуре мнения. А он очень опасен в стенах школы.

У меня есть знакомый, глубоко уважаемый мною директор авторской школы, чей рассказ об очередной новинке тем не менее меня огорчил. Он говорил, явно гордясь, что у него в школе дети без всякой подготовки пишут сочинения на самые сложные темы. И привел примеры действительно безумно сложных, философских тем, требующих глубочайшего изучения, погружения в массу авторитетных источников, чтоб на их фоне иметь право сказать что-то свое. Вместо этого, наоборот, дети поощрялись к высказыванию любых своих незрелых, коротеньких мыслей о глубинных, вечных вопросах бытия. И отстаивать эти "мысли". Я пытался возразить директору: а как же интеллектуальная честность? А сомнение? А установка на воздержание от суждения, если нет знаний, что об этом говорят другие? Как может быть мнение без сомнения, ведь человек становится самоуверенным, самонадеянным и неосновательным! Где страх перед ошибкой? Но я обнаружил, что директор меня совершенно искренне не понимает...

- Но можно ли и как учить детей - мыслить правильно?

- Все школьное дело, все воспитание и образование состоит из того, что поощрять в детях и что не поощрять. Поэтому очень важно настроить детей на осторожность к собственному мнению. Они должны знать, как легко ошибиться. И делать из этого не тот вывод, что думать опасно, страшно - вдруг ошибешься! А другой, спасительный: мыслить здорово, увлекательно, но именно когда ты мыслишь правильно. Важно дать образцы ложных суждений, легко возникающих ошибок, преувеличений. Детям необходимо знать: человеческая мысль склонна обслуживать страсти. Чем умнее человек, тем больше он придумает аргументов, оправдывающих его желание или неприязнь. Человеку очень нужно самооправдание. Но как только он при этом начинает обманывать себя, он становится опасным для себя и окружающих.

- А такой подход не скует мышления ребят?

- Есть простой способ облагородить мысль, а не сковать ее, внедрить не страх перед ошибкой, а поощрить к напряженной мысли. Этот способ в том, чтобы вести от успеха к успеху. Решил ученик самостоятельно более сложную, не типовую задачу - тут же необходимо выразить восторг, создать вокруг него атмосферу победы. Чтобы в нем укрепить это чувство победы. Человек любит то, что у него здорово получается.

Надо давать чуть более трудные образцы задач, при решении которых возникает восторг перед тонкостью и силой ума.

- А вам не кажется, что в противном случае именно засилье "ложного мышления", оперирующего мнениями, а не знаниями, зачастую приводит человека к чувству относительности самой реальности, к сомнению в ней и поиску ее замены, уходу в виртуальный, наркотический мир?

- Это доказуемо. Люди, склонные уверять, что все относительно, что истины нет, ибо то, что для одного истинно, то ложно для другого - в этих людях очень сильно презрение и к мысли, и к действительности.

И еще одно тяжелое следствие "культа мнений": уверенность в том, что мир прост и что проблемы имеют простое решение. Но мир слишком сложен, системен, в нем нет и намека на простое решение. Любое воздействие на мир, любое изменение в нем влечет за собой множественные сдвиги. И поэтому основная миссия школы - предупреждение об опасностях. Главным и в педагогике, как и в медицине, я считаю профилактику.

Нет профилактики - значит оставляют человека больным или вынуждены его лечить, что сложнее, чем предупредить болезнь. "Ложное мышление" - одна из этих болезней.

На наших глазах во всем мире произошли колоссальные изменения в образе мыслей, в способе и содержании мышления и мы видим, с каким скрипом происходят в людях эти перемены. Ведь человеческое мышление инерционно. И чем раньше создать установку на безграничное уважение к работе мысли, к серьезному знанию, к системному мышлению, к перепроверке своих суждений, тем лучше мы подготовим человека к сложному, переменчивому миру.

- Помогают или мешают для ориентации в мире убеждения человека?

- Конечно, убеждения необходимы, если только они не капризные и не ложные и не являются разновидностью мнений. Но и убеждения могут быть опасны. Возьмите фанатика. Это носитель страстных убеждений - на грани помешательства. И он отстаивает их вплоть до жертвования своей жизнью, увлекает других, он ненавидит и убивает во имя убеждений, которые могут оказаться ложными.

Любой фанатик, даже носитель истины, всегда опасен.

Так и воспитываются несчастные люди, несчастные правители и несчастные народы: от поощрения первого пришедшего в голову мнения к его отстаиванию, затем к убеждениям, основанным на очень ограниченном и часто ложном знании - к фанатическим действиям, которые всегда разрушительны.

Созидательные, плодотворные действия всегда очень осторожны. Решительность необходима для того, чтобы быть осторожным, предусмотрительным.

Профилактическая педагогика учит предвидению опасностей и попыткам избежать их. Потому здоровая доля тревожности полезна в нашем деле. Наивность, хохочущая бездумность опасны.

В наш век "ложные демократы" создали культ мнения. Социологи, радио и телевидение, психологи то и дело спрашивают: "А каково ваше мнение?" "А как вы относитесь?.." Но это всего лишь замер эмоциональных, сиюминутных, легковесных отношений, симпатий и антипатий.

А мышление требует напряжения. Объективно мыслить трудно. Легче, когда за тебя думают. И некоторые люди так к этому привыкают, что для них свободная

жизнь невыносима. Прежде всего потому, что она предполагает поиск самостоятельных решений.

Вкусу к свободе, к полету мысли надо долго учиться.

Пушкин в письме к другу пишет такие строки: "Учусь удерживать вниманье долгих дум".

Оказывается, мысль требует долгого и мучительного спора с собой, внутреннего требования проверок и перепроверок, выстраивания длинных цепочек, рассуждений, их надо все удержать - это серьезная работа. Вот что значит "удерживать вниманье долгих дум".

И для многих людей это - удовольствие. Сократ, как передает легенда, однажды так увлекся размышлением, что без движения простоял на одном месте почти сутки, не замечая ничего вокруг. Людей, очевидно, можно разделить на две категории: способных удерживать внимание долгих дум и предпочитающих короткие, простенькие мысли. Что не мешает их самодовольству и самовлюбленности. Когда поощряют мнения, поддерживают в человеке вот эту самовлюбленность и склонность к самообману.

Потому нашей школе сегодня так важно уйти от одобрения, от поощрения коротеньких, как у Буратино, мыслей и учиться у Пушкина с его предпочтением "долгих дум".

Беседе вела Ольга МАРИНИЧЕВА

Тайны интеллекта

В чем заключены тайны ума? Дело в том, что вся деятельность ума бессознательна. Все интеллектуальные процессы протекают в темноте: ни большой, ни маленький человек не осознает путей и способов, по которым работает ум.

Ребенок не говорит себе: "Как сейчас поумнею!" или "Как сейчас поглупею!" Взрослый не может приказать ребенку стать и оставаться умным. И приобретение ума, и его оттачивание происходят незаметно, исподволь.

Никто не в силах сказать, что именно и почему произошло, когда он старался решить задачу. Думал, думал себе, и вдруг — озарение (так называемая ага-реакция). Как думал? Что помогло внезапному пониманию? Абсолютная тайна для самого мыслителя.

Никто из творцов не знает, как именно свершается творчество.

Незаметно, неосознаваемо и приобретение ума, и его укрепление (ослабление). В незаметности, с какой приобретается интеллект, с какой он усиливается или заглушается, и таится главная трудность умственного воспитания.

Вот почему когнитивные науки — о человеческом уме — постигают его тайны, сравнивая то, что было на входе в этот "черный ящик", с тем, что мы наблюдаем и измеряем на выходе, то есть с результатами умственной деятельности. А "черным" этот "ящик" называется потому, что нам не доподлинно известна его "механика": колесики, шестеренки и передаточные механизмы.

Благодаря этим сравнениям, их проверке и перепроверке мы все же осведомлены о том, без чего нет ума, и какой мощью он обладает, когда он развит. В наши знания об этом большой вклад внесли замечательные отечественные ученые: Лев Семенович Выготский, Александр Романович Лурия, Алексей Николаевич Леонтьев, Эвальд Васильевич Ильенков, Даниил Борисович Эльконин, Василий Васильевич Давыдов, Леонид Владимирович Занков, Леонид Абрамович Венгер и другие.

Что называется умом. Пожалуй, лучше всех на этот вопрос ответил Ильенков, когда он написал: «Ум недаром в русском языке происходит от одного корня со словами «умение», «умелец». Умный человек — это человек, умеющий думать, размышлять, самостоятельно судить о вещах, о людях, о событиях, о фактах. Именно судить — с точки зрения высших норм и критериев человеческой духовной

культуры. Проявлять «силу суждения», как назвал когда-то эту способность Иммануил Кант.

Ум – это не знание само по себе, это – умение правильно знаниями распоряжаться, умение соотносить эти знания с фактами и событиями реальной жизни, объективной реальности, и самостоятельно эти знания добывать. И потому простое усвоение знаний – то бишь их заучивание – вовсе не обязательно ведет к образованию ума, мышления. В состязании на простое заучивание сведений самый умный человек не сможет тягаться с самой глупой и несовершенной электронно-вычислительной машиной. Однако именно в этом – его преимущество перед нею – преимущество наличия ума.

Каждому с детства знакома интернациональная притча про дурака, который не вовремя и не к месту произносит заученные им фразы – фразы, вполне уместные в других случаях («таскать вам не перетаскать»). Мораль сей басни одинакова в фольклоре всех народов Земли – да, можно заучить и запомнить множество самых правильных фраз (и даже научных положений!) и при этом навек остаться дураком, неумным человеком. Даже изучив фразеологию, терминологию и «семантику» целой науки вместе с набором правил (алгоритмов) преобразования одних словосочетаний в другие словосочетания.

Многознание действительно уму не научает. А что же научает? И можно ли ему вообще научить? Или научиться?"

Как ребенок становится умным. Дитя рождается только с задатками ума, и его интеллект даже не начнет развиваться, если жизнедеятельность ребенка не будет требовать от него проявлений ума, то есть способности решать задачи, преодолевать трудности.

Тут никакие, даже самые лучшие гены папы с мамой, никакие особенности устройства мозга не помогут — ума не будет.

Если не брать крайностей, то в подавляющем большинстве случаев свойства нервной системы новорожденного ребенка пластичны, разнообразны. В них есть все необходимое для получения сильных, ярких и глубоких впечатлений. На их основе родившийся человек постепенно присваивает культуру мысли, и на этом фундаменте строится всё остальное, поэтому он так важен.

Человеческий ум зарождается благодаря культурным объектам. Культурный объект — это вещь, предмет, созданный человеком для человека. Например, вилка, стол, горшок — простые культурные объекты. С них-то и начинается оспособление ребенка.

Рассмотрим ложку как культурный объект. В ней воплощена, зашифрована и закодирована колоссальная исторически накопленная культура. Прежде всего, логика. Культура мысли.

Когда ребенок научается пользоваться ложкой правильно, не просто засовывать ее в рот, как и любой другой существующий в мире предмет, чтобы испытать ее на вкус и податливость еще не существующим зубам. А для того, чтобы с ее помощью есть, питаться.

Ребенок, который расшифровывает заложенную в устройство ложки логику, совершенно не осознаваемо приобретает для себя знания о последовательности событий в мире. Оказывается, сначала нужно пищу почерпнуть ложкой, а потом уж отправить ее в рот, да еще и вместе с пищей! И никак иначе.

Культурный объект — вещь страшно умная, хитрая. В самом его устройстве опредмечена вся предшествующая изобретению ложки премудрость человечества. Эстетическая, гигиеническая, технологическая.

Культурный объект воплощает в себе колоссальный опыт мириад живших до нас людей. И когда новый жилец Земли научается пользоваться культурным объектом, он распредмечивает этот исторически накопленный опыт. То есть присваивает,

делает своей разумность, опредмеченную в вещах, которые созданы человеком для человека.

Чтобы стать умным человеком, надобно распределить множество всевозможных культурных объектов разной степени сложности. Но и этого мало. Нужно еще учиться опредмечиваться.

Когда человек мастерит стол, он вкладывает в этот культурный объект свои мысли. Он отчасти превращается в этот стол. Он опредмечивает в нем свои способности, опредмечивается. Опредмечиваясь, человек развивает свои умственные силы. Он совершенствуется.

Круг вещей, в который я опредмечиваюсь, характеризует мой ум. Человек есть то, что он умеет делать и делает. Этот непрерывный процесс распределения и опредмечивания предопределяет собой процесс приобретения умственных способностей.

Когда ребенок делает "пи-пи" и "а-а" где и когда ему захочется, и его никто не поправляет, никакого воспитания и нет. А когда с ним производят операции, которые называются туалетным воспитанием, начинается собственно воспитание. Оно заключается в том, что ребенок научается пользоваться культурным объектом. И он делает колоссальный рывок в своем человеческом развитии.

Распредмечиваемый культурный объект резко ускоряет умственное развитие. Более того, он составляет содержание этого развития.

Родной язык. Величайшие по значимости культурные объекты — знаковые системы, то есть языки. Все дальнейшее умственное развитие вашего ребенка происходит за счет включения в него знака. Знаковая природа мышления делает возможным общение, как непосредственное, так и опосредствованное — через искусство, науку, книги, средства массовой информации и т. д.

Для умственного развития особенно важен родной язык. К. Д. Ушинский показал, что в нем претворяются в мысль, картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления — весь глубокий голос родной природы и вся история духовной жизни народа.

Усваивая родной язык, ребенок усваивает не только слова, их сочетания, но бесконечное множество понятий и отношений. Дети усваивают из родного языка и способов его употребления воззрения на предметы. Множество мыслей, чувств, образов.

Бессознательно усваивая логику и философию языка, дети приобретают логические понятия и философские воззрения.

Ребенок ассоциирует новые восприятия с всей массой этого традиционного материала. Он ассоциирует явление с несколькими толкованиями, которые предполагаются известными, и удовлетворяется сведением нового восприятия к этим заранее известным фактам. Результат этого процесса почти полностью зависит от характера традиционного материала.

В этом главным образом заключается огромное влияние фольклора (сказок, загадок, пословиц и т. д.) на становление образа мыслей.

Параллельно с присвоением коллективного ума, накопленного в языке, важно учиться понимать искусство, посылно приобщаться к нему.

Затем наступает время для присвоения языка математики, языка химии, языков программирования и так далее.

Как оставаться умным. Чтобы научиться плавать, необходимо плавать. Кататься на велосипеде — укрощать велосипед. Наращивать мускулы — упражнять их. Точно так же умственная сила нуждается в тренировке.

Тренировки ума требуют как правильное понимание устройства окружающего ребенка мира, так и приобретение им опыта разумного поведения.

Что это за задачи такие? Житейские и теоретические. И тех, и других очень много

в повседневной действительности с самого начала бытия. Житейские — научиться правильно пользоваться горшком и ложкой, играть, убираться в своем уголке. Теория же начинается с "почему?" и "зачем?", с двухлетнего, примерно, возраста. Куда садится солнце, куда идут часы, почему луна не падает, зачем горят звезды, почему рыба живет под водой?

Конечно, для самостоятельного решения ребенком умственных задач совершенно обязательны, как минимум, две вещи. Первая — активность ребенка (неопасные эксперименты с окружающими его вещами), вторая — образцы, примеры разумного поведения и рассуждений взрослых (их грамотные высказывания о связи явлений и процессов). Каждому новому жильцу земли надобно и присвоить чужой ум, и совершенствовать свой собственный.

Умнеющего ребенка надобно поощрять к самостоятельному составлению задач, а также — к поиску и решению новых, нетиповых, задач.

Что заглушает ум. Интеллект притупляется и засыпает, даже разрушается из-за зубрежки (запоминания без понимания), вербализма (применения слов, значение которых ускользает от сознания) и атренированности.

Закон сохранения ума

В XX столетии в тоталитарных странах (а это полмира!) правящие группы научились приходить к власти и оставаться в ней глубоко невежественными, почти не имея серьезного образования. Вместе с тем доступ к образованию получили широкие массы трудящихся. Но это, увы, формальное, обманчивое "образование". Не всякое образование спасительно: оно бывает как развивающим, так и отупляющим, деструктивным, способным превратить человека в зверя.

Пол Пот, например, один из самых страшных деспотов прошедшего века, учился в Сорбонне. Очень много занимался самообразованием товарищ Сталин, господин Гитлер во множестве глотал популярные брошюры. Оба были начитанными людьми, но необразованными в настоящем смысле слова.

Словом, пора договориться о терминах: что мы будем понимать под истинно образованным человеком? Я вижу в образовании процесс проявления образа человеческого. Русский язык четко выявляет сущность образования: его корень-образ - как образ и подобие Божие. Проявление в человеке собственно человеческого, сиречь Божьего, и есть процесс образования, очеловечивания.

Образованный человек - тот, кто приобрел облик человеческий, в ком проявились высокие достоинства и совершенства. Этот образ, или духовность, мы грубо называем воспитанностью. Она - составная часть образованности.

Каково содержание мыслей и чувств такого человека? От ответа на этот вопрос также зависит понимание образованности, культурности, интеллигентности.

От власти зависит судьба огромного количества людей. Поэтому так важно, чтобы у власти стояли люди, подобные образу Божьему. В старину - и это была одна из мировых тенденций - власть была наследственной. Поэтому знали, кого именно готовить с детства к отправлению властных полномочий. Когда наследственная аристократия ушла с исторической сцены, ей на смену пришла аристократия денег.

Стало труднее готовить определенного человека к исполнению важных государственных обязанностей. Тогда дети богачей могли получать образование, сравнимое с подготовкой отпрысков известных династий. Бедняки прозябали в невежестве. И это, с исторической точки зрения, было обоснованно. У руля государства должен стоять богатый человек: бедный не сможет сделать страну богатой.

Но и аристократия денег постепенно уступает позиции. Сейчас в благополучных странах к власти приходит так называемая меритократия - "аристократия" духа. Власть людей достойных, образованных.

Мало быть богатым, здоровым, чтобы рулить государством. Надо еще обладать таким набором совершенств и качеств, чтобы было очевидно: этот человек действительно достоин нести бремя власти.

В систему подготовки людей, которые потенциально по своему происхождению и положению могут стать первыми людьми государства, входит понятие образованности, то есть это высокая духовность, понимание человеческих проблем, гуманизм наряду с твердостью характера и желанием созидать, а не разрушать. Я думаю, нашей стране предстоит повторить описанный "духовный" опыт Запада.

К примеру, в 20-е годы в США бесчинствовали бандиты. Россия прошла "чикагский" вариант в сжатые сроки. Потом Америку потрясли "воры в законе". Этап, когда ворюги захватили власть, а потом стали благопристойными гражданами, мы начинаем проходить. И, наконец, на американской политической арене появился Франклин Делано Рузвельт, один из самых богатых и образованных людей США.

Надеюсь, что мы повторим общечеловеческую логику развития, поймем превосходство меритократии. С этой точки зрения, миссия отечественного образования становится очень важной. Только с его помощью народ научился быть настороже, бояться всякого обманщика, автократа, тирана. Неправильно желать сильной руки ради сильной руки. Потому вопрос о власти всегда делится на две части: подготовка правителей и подготовка граждан. Свита играет короля, а подданные играют главу государства.

Проблема России в том, что мы все время ищем прикладные направления в науке. Хотим, чтобы от теоретических разработок отечественных ученых моментально была видна отдача. Слово не знаем, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория.

Теория - это понимание причин и следствий. Редко когда можно дать правильный рецепт без глубокого знания сути дела. Я не могу сказать: если вы примете такое-то лекарство, у вас будет следующий результат, не проведя серьезных теоретических исследований. Можно действовать методом проб и ошибок, но в этом случае погибнут тысячи людей.

Наука достигает уровня технологий, только если в ее основе лежит глубокая теория. Во-первых, объясняющая изучаемые процессы, а во-вторых, предсказывающая поведение тех или иных систем в различных условиях. Не имея крепкого теоретического фундамента, добиться верного рецепта нельзя. Если мы хотим, чтобы от науки был толк, сначала нужно понять, что практике предшествует теория.

Наука может свободно развиваться только тогда, когда она не слышит указаний сверху. Она может развиваться лишь в ходе абсолютно свободной дискуссии.

Пространные разговоры имеют колоссальное значение. Пример того: кибернетика, без которой немислимо существование информационного общества, родилась в ходе обсуждения философских проблем во время долгих-долгих обедов.

Наука нуждается лишь в одном: чтобы ей не мешали. А что касается финансирования, то она вполне может сама себя обеспечивать. Своей прикладной частью, готовыми рецептами, высшим образованием. Ведь в чем смысл университета? Какой-то молодой человек во времена Древней Греции пришел к мудрецу и сказал: "Вот у меня 14 золотых монет, научи меня философии". Философ подумал: "А почему бы и нет?"

Образование должно представлять собой перевернутую воронку: максимум людей пропускать на своем начальном этапе и минимум - на окончательном. Образование должно не только открывать дорогу таланту, но и отфильтровывать полную бездарность. Сейчас никакого фильтра у нас нет - сплошной винегрет. Может быть, это и хорошо: из броуновского движения само выкристаллизуется что-то ценное. Жизнь должна сама родить потребность в нормальной системе

образования.

Нам нужно одновременно и самое демократическое и самое элитарное образование. Процветание нации зависит от своей интеллигентной элиты. Могу подписаться под словами Н.И. Пирогова: "Всякая школа славна не числом своих учеников, а их славой".

Я бы в отечественной школе следовал вековым традициям. Пифагор, к примеру, запрещал своим ученикам первые семь лет обучения открывать рот. Они должны были заработать право задавать вопросы: проделать большую внутреннюю работу, многое понять. Люди быстро привыкают к внутреннему паразитизму. Петр Францович Лесгафт говорил: "Сначала просто шоколадные конфеты, потом конфеты с ромом, потом ром с конфетами, а затем просто ром".

Если же серьезно, то нам нужны учителя учителей. Система образования строится с крыши, сколько бы этажей в доме ни было. Плюс требуются свежие идеи в подходе к процессу обучения. Не все можно позаимствовать в мировом опыте, учитывая специфику нашей страны. Как понять, что может быть полезным, а что - нет? Лишь методом эксперимента. Обеими руками надо черпать хорошее из мировой истории. И ни в коем случае не следовать наставлениям Фамусова: "Учителей иметь числом поболее, ценою подешевле".

Думаю, нам бы пригодились традиции Коллеж де Франс с его более чем столетней историей. Это учебное заведение, где в мощный луч собираются все духовные силы планеты, с тем чтобы профессионалы передали свой ценный опыт новому поколению. Среди его учителей были: Ромен Роллан, Анатоль Франс, Анри Пуанкаре и другие уважаемые талантливые люди.

В коллеж поступают люди, уже имеющие высшее образование, желающие участвовать в государственном управлении или стать преподавателями высшей школы. Оттуда вышли практически все премьер-министры Франции. Это сверхуниверситет!

Я бы рискнул предложить вдохнуть дух коллежа в Россию. У нас есть огромный потенциал, не реализовать который было бы легкомысленно.

Можно пригласить специалистов с мировыми именами в Россию, главное, чтобы мы понимали и хотели этого. Люди склонны думать, что национальный интерес - это мощная армия. Но при этом они забывают, что хороший силовик - отлично подготовленный человек.

Перед современным отечественным образованием стоит ряд проблем, требующих взвешенного и скорого решения.

Прежде всего это юридические отношения власти и образования.

Гарантия выполнения конституционного права на всеобщее образование осуществляется за счет бюджетного субсидирования вузов (государственных и негосударственных) и за счет взимаемых с граждан налогов. Но госвузы финансируются лишь частично. Поэтому вынуждены заглядывать в карманы абитуриентов и студентов. Коммерческие вузы и вовсе предоставлены сами себе. Сегодня на одного бюджетного студента приходится один небюджетный. Выходит, мы дважды отстегиваем свои кровные в казну: сначала в виде налогов, затем - в форме платы за обучение.

Получение образования слабо подкреплено правовой базой. Лишь недавно был сделан первый шаг: Дума приняла закон об отсрочке от армии учащихся средних и средних специальных учебных заведений, независимо от их года рождения и времени поступления в учреждение. Это шанс поступить в вуз: окончив школу или ПТУ летом, можно уже не думать о весеннем призыве и еще не беспокоиться о призыве осенью.

Следующая проблема - возвращение преподавателей XXI века. Люди, закончившие старую школу, в большинстве своем до сих пор придерживаются

совсем устаревших догм. Могут ли они воспитать новое поколение вузовских учителей по современным лекалам? Ведь даже победители конкурсов "Учитель года" - самородки, появившиеся не благодаря, а скорее вопреки системе подготовки преподавателей. Обучение учителей - одна из важнейших задач на сегодня. Без новых профессионалов нельзя братья за решение проблем школы. Особенно школы, увеличивающей сроки обучения.

Но прежде чем сделать заключение, сколько времени детям сидеть за партами, надо определиться, как их учить, по какой программе. Учебный план должен отвечать требованиям времени и социальному заказу. И составлять его надо учителям учителей нового тысячелетия.

Самое важное - понимание, что образование предшествует всему. Хорошее образование - всему хорошему, среднее - всему "серенькому", плохое - всему ужасному.

Как новые жильцы Земли приобретают ум?

Не сразу и не вдруг. Корней Иванович Чуковский фиксировал множество логических ошибок детей ("От двух до пяти"):

- Принеси мне коробочку точно такой величины, но чтоб была побольше.
  - У тебя большой шар, а у меня красненький.
  - Я люблю чеснок: он пахнет колбасой!
  - Собаки нужны охотнику, чтобы на него зайцы не напали?
  - Вот чудо — я пью и кофе, и воду, и чай, и какао, а из меня выходит один только чай.
  - Мама, зачем это в каждую черешню кладут косточку? Ведь косточки все равно надо выбрасывать.
- Мать несет тяжелую кошелку.
- Мама, ты возьми меня на руки, я возьму кошелку, и тебе не будет тяжело.
  - Лена, куда ты! Постой! Не надо показывать собачке, что ты ее боишься.
- Лена, убегая:
- А зачем я ей буду врать, если я ее и вправду боюсь?

Роль наследственности и среды. Всемирно известный Александр Романович Лурия (1902 — 1977), основатель нейропсихологии, продемонстрировал, что телесные особенности человека в значительной степени обусловлены генетически. Но уже элементарные психические функции (например, зрительная память) в меньшей степени определяются наследственностью. А для высших психических функций (осмысленное восприятие, понятийное мышление, логичность и др.) решающее значение имеют условия воспитания.

Различия в содержании ума, в системе понятий, которыми ребенок оперирует, имеют своей причиной его индивидуальный опыт — опыт взаимодействия со средой его окружения.

Мыслительные способности наших детей в огромной степени зависят от умственной пищи, которую они получают из окружающей их среды.

Что же это за пища такая? Дети получают умственную пищу, активно взаимодействуя, прежде всего, с предметами быта, а также с "действующими лицами" той жизни, в которую они включены. Это родители, тети и дяди, кошки и собаки, курицы и овцы, деревья и цветы, солнце и луна, ветер и облака...

Начинается очеловечение ребенка с присвоения им способов обращения с так называемыми культурными объектами — "предметами", созданными человеком для человека.

Рассмотрим ложку как культурный объект. Культурный объект ложка — вещь страшно хитрая. В самом ее устройстве предмечена вся предшествующая изобретению ложки премудрость человечества. Эстетическая, гигиеническая,

технологическая. В ней воплощена, зашифрована и закодирована колоссальная исторически накопленная культура логики, культура мысли.

Современная столовая ложка с закругленной ручкой появилась сравнительно недавно — около 1760 г.

Когда ребенок научается пользоваться ложкой правильно, то есть не просто засовывать ее в рот, как и любой другой существующий в мире предмет, чтобы испытать ее на вкус и податливость еще не существующим зубам, а для того, чтобы с ее помощью есть, питаться, он расшифровывает заложенную в устройство ложки логику, не осознаваемо приобретает для себя знания о последовательности событий в мире. Оказывается, сначала нужно пищу почерпнуть ложкой, а потом уж отправить ее в рот, да еще и вместе с пищей! И никак иначе.

Культурный объект воплощает в себе колоссальный опыт мириад живших до нас людей. И когда новый жилец Земли научается пользоваться культурным объектом, он распремечивает этот исторически накопленный опыт. То есть присваивает, делает своей культуру, опредмеченную в вещах, которые созданы человеком для человека.

Когда ребенок делает "пи-пи" и "а-а" где и когда ему захочется, и его никто не поправляет, никакого воспитания и нет. Ребенок остается на уровне кисы и собаки (о чем с тоской вспоминается в песенке из детского фольклора: "Хорошо быть кисою, хорошо собакою — где хочу, пописаю, где хочу, покакаю").

Но когда с ним производят операции, которые называются туалетным воспитанием, ребенок научается пользоваться страшно ценным культурным объектом. И он делает рывок в своем умственном развитии. Он "оцивиливовывается". Правильно пользоваться горшком — значит распреметить колоссальную культуру, воплощенную в устройстве этого культурного объекта.

Замечательному нашему мыслителю Эвальду Васильевичу Ильенкову (1924 — 1979) принадлежат золотые слова: "Разум существует вне ребенка, до и независимо от него. Он воплощен — овеществлен, опредмечен в таких вещах, как соска и ночной горшок, ложка и одеяло, умывальник и пуговицы, — в привычных предметах быта. И в действиях взрослого, умеющего пользоваться этими вещами целесообразно, в согласии с их ролью и функцией в человеческой культуре. В той мере, в какой ребенок научается (у взрослого, разумеется) самостоятельно обращаться с вещами так, как требуют условия окружающей его с колыбели культуры, он и приобретает высшие психические функции, свойственные лишь человеку. И это происходит раньше, чем маленький человек усваивает язык, слово, речь. Более того, сформировавшийся уже интеллект составляет необходимую предпосылку усвоения речи."

Усвоить логику вещей ребенку очень помогает самообслуживание, посильное участие в домашнем труде и в уходе за животными, растениями.

Параллельно идет процесс овладения ребенком логикой родного языка как важнейшей знаковой системы.

Знаковая природа культуры делает возможным общение ребенка с миром, как непосредственное, так и опосредствованное — через искусство, книги, средства массовой информации и так далее.

Ильенков продолжает: "Действительное мышление формируется в реальной жизни именно там — и только там, — где работа языка неразрывно соединена с работой руки — органа непосредственно-предметной деятельности.

Не руки, рисующей на бумаге буквы, слова и высказывания, а руки, делающей вещи, то есть изменяющей упрямый, неподатливый и своенравный материал, только тут и обнаруживающий свою объективную — не зависимую ни от слов, ни от готовых образов — природу, характер, строптивость. Только тут предмет и заставляет считаться с собой".

Приобретение ребенком ума требует, — продолжает Ильенков, — "от воспитателя не только терпения, настойчивости, но и — что бесконечно важнее — острейшей внимательности к малейшему проявлению самостоятельности, к едва заметному намеку на нее со стороны малыша. Как только такой намек появился, сразу же ослабляй, педагог, руководящее усилие! И продолжай его ослаблять ровно в той мере, в какой усиливается активность руки малыша!

Не слишком ли часто мы, взрослые, продолжаем своими руками делать за ребенка и вместо ребенка многое такое, что он уже мог бы делать сам, оставляя его руки и его мозг в бездействии, в праздности? Не слишком ли часто мы опасаемся передавать ему полную меру ответственности за принятое решение, за предпринятое дело, оправдывая себя тем, что мы сами сделаем все скорее, умнее и лучше, чем это умеет пока он?"

Для того чтобы взрастить и укрепить ум, надобно поощрять в ребенке страстно заинтересованное изучение жизни и посильное участие в ней. Тогда он увлечется предметом его изучения и запечатлеет узнаваемое в уме и сердце.

Формирование понятий. Детям совсем не нужно десять раз показывать кошку и пятнадцать раз собаку, чтобы они научились отличать одну от другой. Кися делает "мяу", коровка - "му-му", собачка - "гав-гав". Формирование первых понятий происходит спонтанно и мгновенно.

Вот почему так легко внедряется в сознание нового жильца земли его обстановка.

Ни понятие, ни суждение не находятся только в нашей голове и не образуются лишь нами. Понятие есть то, что живет в самих вещах, то, что является их сутью. Понять предмет означает осознать его сущность.

Работа по развитию интеллекта у детей начинается с осознания ими повседневных впечатлений и далее продвигается к анализу и синтезу, становлению понятий.

То, что узнает растущий человек о поведении людей, что воспринимает из произведений искусства, производит на него глубокое впечатление и врезается в его сознание только в том случае, когда это близко ему и лично для него значимо. А это условие зависит от характера и особенностей его жизнедеятельности.

Поэтому главным в становлении понятий нельзя не признать личный опыт ребенка.

Конечно, здесь важен круг чтения. Важно формирование круга любимых героев и помощь в выработке отношений к произведениям искусства и любимым героям. Но еще важнее выработка отношений к человеческим качествам людей в реальном опыте общения с ними.

Задача воспитателя — помочь человеку делать правильные обобщения, избегать логических, эмоциональных и содержательных ошибок при подобного рода обобщениях. Надо научить сопоставлять личный опыт с опытом других людей, зафиксированным и в информации, поступающей от близких, от окружающих, и в искусстве и науке.

Качество контекста окружающей среды и, особенно, социальной окружающей среды невозможно переоценить. Ребенок видит, как и о чем размышляют и действуют важные для него люди, и затем усваивает их модели интеллектуального поведения.

Закалка, тренировка. Как только дитя проявляет интерес к народным загадкам, желательно упражнять его в умственном напряжении.

В самом деле, что же это за чудо такое: "зимой и летом — одним цветом"? Или "два кольца, два конца, посередине гвоздик"?

Затем следуют загадки из жизни природы типа "За пнем бугорок, а в нем городок" (муравейник), "Бел, да не сахар, нет ног, а идет" (снег), "Не огонь, а жжется" (крапива), "На зеленой хрупкой ножке вырос шарик у дорожки" (одуванчик), "Красна

девица сидит в темнице, а коса на улице" (морковь) и тому подобные.

Ребятам постарше полезно, играя с ними, задавать и собственно логические задания. Например, "Назови слово, в котором 40 гласных (сорок "а" — "сорока"). Или. "Сегодня Петина мама сказала: Все чемпионы хорошо учатся. Петя говорит: Я хорошо учусь. Значит, я чемпион. Правильно ли он рассуждает?"

"Беседуют трое: Белокуров, Чернов и Рыжов. Брюнет сказал Белокурову: "Любопытно: один из нас русский, другой — брюнет, а третий — рыжий, но ни у кого цвет волос не соответствует фамилии". Какой цвет волос имеет каждый из беседующих?"

Итак, важнейшее условие воспитания ума — доступ к сокровищам духовной культуры.

Второе условие — учитывать, что "ум формируется в деятельности, осуществляемой ребенком как подражание взрослым и (или) совместно с воспитателем. Деятельности, разделенной между ними таким образом, чтобы ребенок постепенно перенимал способы деятельности, научался правильно пользоваться разными вещами. Активно осваивая мир вещей, ребенок осваивает и опредмеченный в них человеческий разум с его логикой." (Э. В. Ильенков).

3. Воспитание и обучение в семье и школе

О содержании общего образования

Общее образование призвано развивать общие способности, пригодные в любом созидательном действии. Специальное образование - специальные способности, необходимые в отдельных областях деятельности.

Содержание общего образования есть энциклопедия в ее первоначальном истинном смысле. То есть в значении, в коем это слово впервые применялось.

Что же это за термин такой важный? Отвечая на сей вопрос, хочу начать с краткого воспоминания о сравнительно недавнем посещении Греции. В Афинах, на автобусной остановке, я вдруг увидел тележку, автоматически прочитал надпись на ней и вдруг заплакал., потому что на тележке было написано «метафора № 17». Я стоял возле тележки и рыдал, наверняка производя на всех окружающих впечатление сумасшедшего.

Молния пронзила меня! Вы понимаете? Оказывается «метафора» по происхождению – тележка, поскольку она перевозит смыслы из одного места в другое.

Я был в колыбели моей культуры, где мои термины, мой язык имеют реальный жизненный, бесспорный и точный смысл. Колыбель отечественной цивилизации предстала передо мною во всей своей потрясающей очевидности. Когда это оправдано и возможно, надо в греческой культуре искать смыслы. И я бы предложил к энциклопедии подойти тоже с точки зрения этимологии. По-гречески энциклопедия – круг знаний. И термин «энциклопедия», и сама энциклопедия родом оттуда, откуда и тележка. И первый великий энциклопедист и великий учитель человечества Аристотель оттуда.

Что же значит – круг знаний? Мир бесконечен, знание о нем неисчерпаемо, но охватить кругом наличное познание можно и необходимо. Это единственная возможность – ориентироваться в мире, в системе мироздания. Энциклопедия - это кругозор.

Возьмем растущего ребёнка. Он ещё маленький, но у него уже есть кругозор, и его энциклопедию заполняют такие талантливые авторы, как М. Ильин, Е. Сегал,

которые рассказывают ребёнку, например, откуда пришёл стол, и рассказывают о его круге знаний, пока ещё очень небольшом, но который становится всё больше, всё глубже и серьёзнее. А потом ребёнок растёт, и круг его обзора, его кругозор расширяется, и, наконец, человек дорастает до энциклопедии в современном смысле, которая, конечно, претендует на самый большой кругозор. Но всё равно это – лишь только круг, посильный и доступный нашему взору.

С этой точки зрения в истории образования энциклопедия – не справочник, даже не ориентатор. Энциклопедия – это и знак, и символ, и содержание общего образования, того общего образования, без которого ни один узкий специалист не может выжить в этом мире, потому что, если он не имеет наполненного содержанием кругозора, то он – неременная жертва первого попавшегося шарлатана, демагога, обманщика.

Я говорю о теории Большой лжи, пропаганды, индоктринации, рекламы. Большая ложь, так часто повторяющаяся, что белое – это черное, и наоборот, что люди начинают прислушиваться к этому обману, и в конечном счете искренно видят в белом черное, и наоборот.

Половина человечества в XX веке стала жертвой Большой лжи именно потому, что узкий специалист не имел кругозора. Такого человека легко обмануть и дать ему простое ложное "миропонимание", и ему это будет не просто лестно, для него это будет счастье. Такой человек будет благодарен, как своим родителям, тем, кто даёт ему примитивизированное, заведомо ложное, но всё объясняющее понимание мира.

Такого человека легко вести за собой, его можно заставить убивать ближних, можно с ним делать все, что угодно.

Без правдивого кругозора, без энциклопедии в точном смысле этого слова человечество погибает.

Любая достойная педагогическая программа всегда основывалась на «круге знания», потому что человек не может жить сколько-нибудь уверенно, сколько-нибудь надёжно и правильно в этом бесконечном мире, если у него нет ясно очерченного кругозора. И всегда этот кругозор давало образование.

В классической древности Греции и Рима это – единство мусического и гимнастического кругозоров. В Средние века – это "свободные искусства", потом число знаний значительно расширяется. Но это всегда – «круг знаний».

Всякое образование, заглушающее творческие человеческие способности, всякое образование, призванное дезориентировать человека, всякое образование, готовящее узких специалистов, т. е. опасных себе и человечеству людей, без кругозора, без энциклопедий – порочно. Это разрушительное образование разрывает идею круга и даёт не концентрическое, а линейное построение учебного плана.

Школы, не дающие энциклопедического кругозора, ответственны за недоразвитие человеческих способностей, за оглушение их зубрежкой.

В оглуляющих школах дети зубрят учебники. Учебники вещают от имени науки, фиксируя истины в их последней инстанции. Какие истины? Нет в познании ничего устоявшегося! Не должно и не может быть! Тематика познания базируется на непрерывной дискуссии о природе количества, о природе числа, никто не может начертать даже основополагающих категорий знания. Как можно вещать от имени науки, когда наука – это вечный спор, непрерывная битва! А то, что мы называем плодами науки, – это маленькие побочные продукты, артефакты вселенского научного спора.

Наука – это дискуссия, так возьмите же дискуссию. Честно скажите, какие есть спорные пункты в данной тематике, кто с кем не согласен и почему, и что в результате получается. Скажите, как это делал Аристотель, что существуют такие-то школы, направления, течения, такие-то подходы, такие-то гипотезы, такие-то теории.

Обрисуйте сегодняшний круг познания. Это как раз исчерпаемо, это не бесконечно!

Позвольте повториться. Половина человечества в XX веке стала жертвой Большой лжи именно потому, что узкий специалист не обладал качественным общим образованием - энциклопедией, кругозором. Ни в чем не разбирался, кроме своей профессии, дающей ему кусок хлеба.

Здравомыслие в детстве и навсегда

Здоровье закладывается в детстве, как правило. И психическая жизнеспособность тоже. Выносливый, закаленный душевно ребенок не поддастся дурным влияниям, не соблазнится наркотиками, не убежит от жизни в алкоголизм — "добровольное сумасшествие", не спрячется от противоречий и напряжений мира в болезни, в бреде, не станет самоубийцей.

"Безумие есть разновидность детства — временного и социального, психологического и органического", — уверяет нас Мишель Фуко, крупнейший исследователь истории душевной скорби. "Насколько искусство направлять сумасшедших сродни искусству воспитывать молодежь!" — восклицает он.

Но профилактика эффективнее лечения, и нам нет смысла допускать предрасположенности к болезни, чтобы потом мучительно пытаться избавиться от нее наших детей.

В недавно вышедшей книге Марины Заречной "Исповедь нормальной сумасшедшей" (Москва; Санкт-Петербург, 2006) автор, уже двадцать лет страдающая маниакально-депрессивным психозом, рассказывает о детских корнях своей несчастья. Это честное и глубокое свидетельство помогает нам понять, что мешает людям сохранить душевное равновесие и как предотвратить эту беду. Безумие родом из детства

"Почему я с детства не могла совпасть с плавным, не катастрофичным течением жизни?" — задается автор тем же вопросом, который некогда мучил и Михаила Зощенко ("Перед восходом солнца"). И ищет ответ в семейных обстоятельствах. Заречная ясно помнит, что ее папа работал на селе (тогда в села посылали из города отряды механизаторов) большим начальником. "И вот в один вечер во двор дома стала въезжать машина, груженная углем. Это папа, пользуясь «служебным положением», хотел подбросить казенный уголь домой. Мама коршуном на него налетела. Водитель растерялся и наехал на молоденькое деревце, которое так и осталось расти под углом к земле. Когда меня просили в больницах рассказать случаи из детства, я вспомнила это деревце, а еще как мама нас походом против отца водила... Мама построила нас с сестрой шеренгой, научила маршировать (мы репетировали до прихода отца) и скандировать перед ним: «Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой».

Я преклоняюсь перед маминой чистотой и непоколебимой честностью, ее презрением к незаконным, нечестным действиям, но все-таки в том случае он был очень жесток, этот поход. Помню растерянное, побледневшее лицо молчаливого отца, в которое я старалась не смотреть."

Потом ее отец уехал в Усть-Илимск подработать. И в семью больше не вернулся. Заречная пишет: "Я часто в мыслях окликала его песней про Усть-Илимск:

«...Оглянись, неприметной таежной сосной уж давно я стою за твоею спиной». Ночью я колдовала, чтоб они опять стали вместе, мама и папа. И однажды я чуть не вскрикнула от радости: на диване рядышком сидели две фигуры. Но когда включили свет, никаких фигур там и близко, конечно, не было. Корчак писал, что дети долго хранят на груди разорванные стяги семейств. Я даже и не знала, что так долго. Может — всю жизнь."

Для детей непосилен раскол в семье, и разлады их маленького мира часто переносятся ими на все их окружение, приводя к постепенному расщеплению

сознания, как это и произошло в случае Марины Заречной. А еще — Офелии, Жизели, Русалки...

Распадение жизненной цепи.

"Помню, мне лет пять, стою во дворе (мы тогда жили на селе), с недоумением разглядываю фантик от конфеты «Счастливое детство», а рядом со мной, вертящей фантик, мальчишки, намотав длинную веревку на шею тощей кошки, со всего размаха раскручивают ее и бьют головой об угол сарая. Я парализована: как вмешаться? Один из изуверов тоном глашатая объявляет всем, что кошка сия разорила птичье гнездо и, значит, эта казнь справедлива. Я знаю, что это чудовищно, но у меня нет слов, чтобы объяснить и прекратить это.

Поражала спокойная, никакими противоречиями, вроде, не обремененная жизнь окружающих. А тут кутята в деревянном сортире кричат, их просто выбросили, чтоб утопить. Ну кутят-то я вытащила, и мы их с девочками отмыли и откормили. Тут страшнее другое: равнодушие, привычка к тому, что гибнут страдающие существа... Это была тайная внутренняя речь. Разделить мне ее было не с кем."

Мир ребенка, к внутренней жизни которого взрослые не умели подобрать ключ, от столкновений с реальностью все время разлетается на куски. "Себя я представляла каким-то пыльным резиновым мячиком, который забросили в игре за наш каменный забор, в заросли крапивы, да так и забыли. Кто бросил, во что играли — неизвестно. Забыто. Но как объяснить эту заброшенность врачам, когда они спрашивают о детстве? Мне теперь уже кажется, что я всегда была больной. Поэтому история моей болезни перерастает в историю моей жизни."

Один на один со своими вопросами, тревогами и мучениями, ребенок пыжится разрешить загадки, задаваемые действительностью, с помощью опасных экспериментов. И приходит к еще более опасным выводам.

Так, Марина Заречная пыталась нащупать совесть... "Когда родителей не было дома, я на вешалке стала шарить по их карманам, внимательно вслушиваясь, когда во мне заговорит «голос совести». Ничего не услышав, решила, что никакой совести нет, это опять ее взрослые придумали. То же и с красотами природы. Я никогда в детстве не умела ими любоваться, они были для меня чем-то вроде мертвых декораций. Я ужасно комплексовала от этого, поддакивая окружающим в их восторгах."

Наконец, девочка решила отказаться жить в такой жизни, где убивают кошек и топят в сортире кутят. А взрослые спокойны, радостны, непрерывно врут и заняты своими разногласиями. "Из смутных разговоров слышала, что кто-то из взрослых бросился под поезд, мне же было пять лет, а, значит, высчитала я, мне подойдет что-то поменьше — велосипед, например. То, что меня спасут, в мои планы не входило, главное было — броситься.

Ох и перепуган был почтальон, развозивший почту на велосипеде, когда я забарахталась у него под колесами. Сбежались все соседи, бранили почтальона, и никто так и не узнал правды, даже родители. Став постарше и оставив попытки суицида, я все же сочинила для себя фразу: «К мысли о самоубийстве нужно привыкнуть, как к домашним тапочкам»."

Взрослые довольно часто не понимают своих детей, роковым подчас образом ошибочно толкуют мотивы их поведения.

Что делать?

Как это показали исследования Ефима Ароновича Аркина, врача и одного из самых глубоких и серьезных специалистов в семейном и дошкольном воспитании, психологическая атмосфера, которой дышит ребенок, чтобы быть спасительной, обязана быть бодрой.

Ничто так не передает ощущение силы личности воспитателя, как невозмутимое, спокойное дружелюбие. Оно служит одновременно и самым мощным орудием

воздействия на ребенка, и дает ему образец правильной самозащиты от агрессии окружающих. (Н. В. Жутикова).

Эмоциональная сдержанность взрослых - истинный эликсир душевного здоровья детей, "панацея" нормальной жизни.

Приходится учить детей сохранять мир, спокойствие, избегать ссор и скандалов. Как? Конечно, собственным примером. Учить сознательному самоконтролю. Как? Наряду с собственным примером, еще и с помощью бесед, разборов различных жизненных стилей, типов поведения. Учить видеть себя со стороны, рефлексии - отражению себя в зеркале своего сознания. Как? В дополнение к двум ранее названным методам - еще благодаря и увлекательным упражнениям ("Взгляни на себя в умственное зеркало". "Мысленно проследи за своим разговором с подругой". "Углубись в себя, чтобы понять, почему тебе не нравится этот человек". И т. п.). Это - искусство узнавать себя, властвовать над собой и быть уживчивым с другими.

Жан Жак Руссо неоспоримо доказал, что дети лучше сохраняют и укрепят здоровье, скорее усвоят законы природы и поймут устройство общества, если им будут незаметно помогать в этой многотрудной задаче. Семейная среда призвана защитить ребенка от опасностей и провоцировать его на творческое познание жизни. Не своеволие и желания окружающих их людей, а законы мира противостоят импульсам и эгоизму ребенка. Дети сталкиваются с противодействием своей лени и капризам в вещах, в работе, в инструментах, в деле. В активной культурной среде ребенок овладевает великой Необходимостью и научается наслаждаться внутри нее.

Климат и атмосфера семьи выступают как главное средство профилактики бунтарства и разрушительного неприятия этого мира его новыми посетителями. Нередко глубокие травмы наносит детям жестокость, которой они становятся свидетелями.

Грош цена непрочной "добродетели монастыря", основанной на неведении о жестокости, разлитой в мире. Дряблая добродетель боится фактов, истинно же мужественная нравственность только укрепляется благодаря самому полному знанию того, что действительно творится людьми.

Вот почему в воспитании здоровой психики особенно вредны любые крайности. Ребёнок так живо и глубоко воспринимает страшное, что его ужас может омрачить ему всю последующую жизнь. Будучи беззащитным, ребенок не может не испытывать ужаса, когда он впервые осознает, что на свете существует жестокость, в частности, по отношению и к детям, и к кошке, и к деревцу.

Бертран Рассел показал, что страшного и жестокого дети не должны знать до того индивидуально варьируемого возраста, когда они в силах взглянуть им в лицо и пересилить муку. Трудно, но необходимо точно выбрать момент, в который дети могут осознать зло в мире и не погибнуть духом. Этот момент столкновения с миром ужасного и с ужасом мира должен придти позже для робкого ребёнка, для ребенка с особенно ярким воображением, чем для тех, кто уже приобрел и моральное здоровье, и безбоязненность. Но во всех случаях сначала необходима прочная духовная привычка к бесстрашию — благодаря ожиданию ребенком доброты, и только потом возможна встреча его с существованием жестокосердия.

Равновесие.

Нормальное состояние человека подразумевает наличие гомеостаза — состояния тонкого психофизиологического равновесия, гармонии душевного, духовного и физического компонентов человека. Болезнь — нарушение этой уравновешенности вследствие поражения механизмов его поддержания. Стало быть, равновесие — самое важное в поддержании нормы, в гигиене, а также в профилактике. От воспитания ожидается профилактика потребности в агрессии, стремления к власти, которое обусловлено попытками преодолеть чувство неполноценности.

Воспитание в силах предотвратить или преодолеть крайности в становлении потребностей — как чрезмерное их ограничение, так и безмерное их изобилие. Огромна сила чуткого внимания к внутренней жизни ребенка, влияние доброго жеста и простого слова, вдумчивого замечания — на всю последующую человеческую жизнь и события.

Меньше нервозности, больше радостей. Ведь ребенок учится уважать свой дом, свою планету, страну и любить этот мир при всех его печалях, приобретает умение ценить то, что имеет.

Юмор (а не обличение, не сарказм) снимает большинство стрессов и помогает разрешать конфликты.

В делах учения тоже необходима профилактика неудач. Поощрять родителям и учителям надо усердие, старания, усилия, труд ребенка больше, чем легко дающиеся успехи.

Для душевного равновесия нужна уверенность ребенка в том, что, каким бы он ни был, он любим, а потом уж воспитаем. Надежда — терапия надеждой. Берись за дело и живи: ты драгоценный, обожаемый ангел.

Родители и воспитатели могут дать детям силы вытерпеть жизнь и прожить ее светло.

Какова роль иносказаний в правильном воспитании?

- Ты добрый мальчик, - продолжала курочка, - но при том ты ветрен и никогда не слушаешься с первого слова, а это нехорошо! Вчера я говорила тебе, чтоб ты ничего не трогал в комнатах старушек, - несмотря на то, ты не мог утерпеть, чтобы не попросить у кошки лапку. Кошка разбудила попугая, попугай старушек, старушки рыцарей - и я насилу с ними сладила!

- Ты увидишь, милая Чернушка, - отвечал Алеша, - что я сегодня же совсем другой буду.

- Не полагай, - отвечала Чернушка, - что так легко исправиться от пороков, когда они уже взяли над нами верх. Пороки обыкновенно входят в дверь, а выходят в щелочку. И потому, если хочешь исправиться, то должен беспрестанно и строго смотреть за собою.

Увы, бедный Алеша не знал, что для исправления самого себя необходимо начать с того, чтоб откинуть самолюбие и излишнюю самонадеянность. Повесть «Черная курица, или Подземные жители, волшебная сказка для детей» (1829), первую русскую авторскую сказку в прозе, придумал для своего племянника Алеши Толстого один из образованнейших писателей пушкинского периода — Алексей Алексеевич Перовский (известный в литературе под псевдонимом Антония Погорельского).

В волшебной повести ее герой добрый мальчик Алеша спасает на Рождество от кухаркиного ножа курицу Чернушку, которая вдруг оказывается министром подземного царства. Алешу ждут приключения и даже страдания. Перовский (1787-1836) — не только воспитатель будущего поэта, драматурга, романиста и сатирика Алексея Константиновича Толстого (1817-1875), но и замечательный педагог, деятель русского образования. С 1825 по 1830 год он был попечителем учебного округа в Харькове. Затем занимал различные должности по Министерству народного просвещения.

Воспитание своего дорогого племянника и тезки Перовский считал главным делом своей жизни. Рассказывая сказку о министре Чернушке, Погорельский-Перовский хотел, чтобы Алеша никогда не делал того, что ему не велят долг и совесть. Перовский не читал мальчику наставлений. Не делал назидательных выговоров. Отказывался от внушений, замечаний и взысканий. Не проводил душеспасительных бесед и рассуждений.

Вместо нравоучений, рацей и моралей он предлагает воспитаннику образный материал для работы воображения и ума — волшебные истории. В частности, повесть о министре Чернушке учила не прощать себе предательства, глупости, гордыни и самонадеянности.

"Сказка ложь, да в ней намек!

Добрым молодцам урок".

Образ — иносказание. Иносказание дает возможность говорить правду, подчас горькую, не обижая, не обличая, помогая самоопределиться. Оно предупреждает об опасных соблазнах.

Переносный смысл иносказания облакает отвлеченное понятие в живые формы и делает его доступным созерцанию. Мысли, чувства, страсти приобретают видимые, узнаваемые очертания. Благодаря этому художественный образ позволяет сравнить себя с читателем и сделать ему желательные выводы.

Наконец, понятие бесстрастно, а образ эмоционален.

- Твоя нескромность причиною, что я осужден носить эти цепи, - сказал министр с глубоким вздохом, - но не плачь, Алеша! Твои слезы помочь мне не могут. Одним только ты можешь меня утешить в моем несчастье: старайся исправиться и будь опять таким же добрым мальчиком, как был прежде. Прощай в последний раз!..

- Чернушка, Чернушка! - кричал ему вслед Алеша, но Чернушка не отвечала.

Всю ночь он не мог сомкнуть глаз ни на минуту. За час перед рассветом послышалось ему, что под полом что-то шумит. Он встал с постели, приложил к полу ухо и долго слышал стук маленьких колес и шум, как будто множество маленьких людей проходило. Между шумом этим слышен был также плач женщин и детей и голос министра Чернушки, который кричал ему:

- Прощай, Алеша! Прощай навеки!

"Черная курица" запечатлелась в сознании воспитанника. Иносказательные внушения замечательного педагога Перовского наложили печать на все будущее творчество и личную жизнь Толстого.

Восьми лет Алеша Толстой был представлен тоже восьмилетнему тогда наследнику престола, впоследствии императору Александру II, и был в числе детей, приходивших к цесаревичу по воскресеньям для игр. Их добрые отношения продолжались в течение всей жизни Толстого. Супруга Александра II, императрица Мария Александровна, также ценила и личность, и таланты Толстого. Но он отказался от близости ко двору государя.

Толстой хотел быть только художником. Он "породил" Козьму Пруткову — сатирическую маску тупого и самовлюбленного бюрократа. Не только в русской, но и во всемирной литературе мало сцен, равных по потрясающему впечатлению от смелой исторической трагедии Толстого "Царь Федор Иоаннович". Он создал тираноборческий исторический роман из эпохи Ивана Грозного "Князь Серебряный".

Как выдающиеся умы привлекаются к преподаванию

Высшая школа всей страны: Что значит создание условий, при которых выдающиеся умы поощряются к преподаванию?

Медик, гуманист, писатель, педагог Франсуа Рабле (1494-1553) был секретарем и врачом Дю Белле.

Кардинал и дипломат Жан Дю Белле (1492-1560) помог своему другу, советнику Франциска I, убедить короля открыть "Коллеж де Франс".

Франциск I (1494-1547) — король Франции с 1515 года. Настоящий рыцарь, король глубоко почитал свою мать, перед которой всегда становился на колени, когда говорил с ней. Кроме того, он заслужил титул "отца образованности".

Покровительство Франциска способствовало расцвету культуры французского

Возрождения. Король собрал блестящий и ученый двор, гордостью которого были поэты, музыканты и люди науки. В замке Фонтенбло король собрал богатейшую библиотеку и основал типографию, имевшую уникальные шрифты для греческих книг.

В 1530 году Франциск учредил должности "королевских лекторов" (профессоров), знатоков древних языков, красноречия и математики. Профессора читали бесплатные общедоступные курсы лекций на основе проведенных ими новейших исследований.

"Коллеж" — товарищество, объединение профессионалов. Сообщество лучших умов Франции — вот что означает "Коллеж де Франс".

Без малого пятьсот лет исследования здесь ведутся учеными, избираемыми "Коллежем" за их личные достижения независимо от каких-либо званий, титулов или ученых степеней. Кафедры, на которых они работают, создаются нередко специально для них.

Здесь учат науке, искусству, культуре только те, кто их делает. Учат всех желающих, в их числе — учителей.

"Коллеж" не требует ни аттестатов, ни платы за обучение. Но он и не присуждает ученых степеней, не выдает дипломов.

Среди профессоров и вольнослушателей "Коллежа" мы обнаруживаем самые известные имена.

Пьер де ла Раме (1515-72), гуманист, логик и математик. В 1551 году Раме выбрали профессором философии и риторики "Коллежа де Франс".

Поэт-сатирик Жан Пассера (1534-1602). С 1572 года был профессором латинского языка в "Коллеже", где изучал и комментировал Катулла, Проперция, Тибулла.

Математик Жиль Роберваль (1602-75) более сорока лет обучал слушателей "Коллежа", сделал здесь немало выдающихся открытий.

Писатель Антуан Галлан (1646-1715), будучи седьмым ребенком в очень бедной семье, посещал бесплатный "Коллеж". Он изучил арабский, персидский и турецкий языки. Впервые перевел Коран и "Тысячу и одну ночь".

Астроном Жозеф Жером Лаланд (1732-1807) в течение 46 лет держал кафедру астрономии в "Коллеже".

Зоолог Жорж Кювье (1769-1832), математик Огюстен Луи Коши (1789-1857), врач Рене Теофиль Гиацинт Лаэннек (1781-1826), египтолог Жан Франсуа Шампольон (1790-1832) были профессорами "Коллежа".

В 1840-44 годах свой знаменитый курс лекций по славянским литературам в "Коллеж де Франс" читал великий Адам Мицкевич.

Политолог, историк и поэт Эдгар Кенэ (1803-75) развивал здесь влиятельные идеи либерализма. Он внес серьезный вклад в образовательные реформы Третьей республики.

Химик Антуан Жером Балар (1802-76), физиолог и патолог Клод Бернар (1813-78) стали полными (пожизненными) профессорами в "Коллеже".

Филолог, историк Эрнест Ренан (1823-92) и медиевист Габриель Моно (1844-1912) получили много благодарностей и почестей за выдающиеся учебные курсы в "Коллеже".

Биохимика Алексея Николаевича Баха (1857-1946) в 1890 году пригласили на работу в "Коллеж де Франс". Здесь Бах выполнил и опубликовал свою первую научную работу о механизме разложения углекислоты под действием солнечных лучей.

Историк немецкой и австрийской педагогики, юрист Морис Блондель (1861-1949), как и лауреат Нобелевской премии по литературе Анатолий Франс (1844-1924) преподавали в "Коллеже".

Огромный интерес вызывали лекции философа Анри Бергсона (1859-1941). Он

был профессором "Коллеж де Франс" с 1900 года.

Основоположник телевидения Владимир Кузьмич Зворыкин (1889-1982) стажировался в "Коллеж де Франс", где до 1914 года специализировался у физика Поля Ланжевена (1872-1946), изучая рентгеновские лучи.

Энциклопедически образованный этнограф и социолог Марсель Мосс (1872-1950) учил здесь в 1931-39 годах. Его лекции изобиловали продуктивными идеями.

Здесь преподавали экономист Франсуа Перру (1903-87), культуролог Ролан Барт (1915-80), этнограф и социолог Клод Леви-Строс (р. 1908).

Профессора физики Пьер-Жюль Де Жен (р. 1932) в 1991 году, а Клод Коэн-Тануджи в 1997 году стали лауреатами Нобелевской премии.

"Коллеж де Франс" — самое престижное научное и учебное учреждение во всей французской академической системе. Он содержится государством, традиционно сохраняя при этом наибольшую независимость.

В "Коллеж де Франс" всегда царит дух свободного творчества.

Как научить мыслить и правильно, и самостоятельно?

Этьен Бонно де Кондильяк, философ, психолог, педагог, родился во Франции в 1715 году. Он получил духовное образование. Стал другом и сотрудником энциклопедистов.

Кондильяк пользовался чрезвычайным авторитетом не только среди ученых, но и при дворе. Ему доверили воспитание и обучение внука Людовика XV — инфанта Испании дона Фердинанда (1751-1802), наследника престола Пармского герцогства. Кондильяк принял это приглашение.

В 1758 году философ отправился в Парму. За девять лет пребывания там он создал монументальный труд "Курс занятий по обучению принца Пармского". Шестнадцать томов. Из них два ценнейших — по искусству рассуждения, мышления.

Кроме того, Кондильяк написал по заказу правительства Польши учебник "Логика, или Начала искусства мыслить". Философ закончил работу над "Логикой" в 1779 году, незадолго до своей смерти.

Вот основные положения учителя принца Пармского и автора "Логики" для начинающих.

Первое. Учить законам мышления надобно специально и очень тщательно. Потребовались века, чтобы люди поняли, что мысль подчиняется законам. Существует только один хороший метод мышления, следовательно, он одинаков во всех науках. Его-то и надобно постигнуть.

Второе. Усвоить законы мышления значит научиться ими пользоваться почти автоматически.

Если вначале не всегда легко сделать для себя привычным правильный метод, то не потому, что он труден. Он не может быть трудным, ибо он естествен. Но привычки мыслить небрежно искажают природу. Задача в том, чтобы избавиться от этих привычек.

"Будучи всегда вместе с вами, метод станет наблюдать за вашими мыслями. Они будут развиваться сами собой, а метод будет заботиться о них, чтобы помешать всякому отклонению".

Третье. Если я хочу ознакомиться с машиной, я разберу ее, чтобы отдельно изучить каждую из ее частей. Когда у меня будет точная идея о каждой части и я смогу вновь расположить их в том же порядке, в котором они находились, тогда я пойму устройство машины.

Это значит иметь мысль, состоящую из стольких идей, сколько частей в самой этой машине. Идей, которые точно представляют каждую часть и расположены в том же самом порядке, в каком они существуют.

Когда я изучил предмет при помощи этого метода, мой ум доставляет мне только

отчетливые идеи, хочу ли я дать отчет себе самому, или же я хочу сообщить о них другим.

Это расчленение и последующее соединение есть то, что называется анализом и синтезом.

Именно благодаря анализу и синтезу формируются правильные умы. Мы относимся с пренебрежением к наблюдению вещей, а это одна из основных причин наших неправильных рассуждений и наших заблуждений.

Ум может видеть больше, чем глаз. Потому что он расчленяет вещи для того, чтобы их снова соединить, составляет себе о них точные и отчетливые идеи.

Натренированный ум видит в предмете, над которым он размышляет, множество связей, которые ускользают от не умеющих правильно мыслить.

Знания представляют собой собрание идей. И это собрание есть хорошо упорядоченная система точных идей, в которых анализ установил порядок, имеющийся между самими вещами.

Когда мы приобретаем знания при помощи аналитического метода, они располагаются в нашем уме по порядку. Мы можем воспроизвести их в памяти с той же четкостью, с какой мы их приобрели.

У нас нет другого средства для обучения самих себя. Мы не имеем и другого средства для передачи наших знаний другим.

Четвертое. Если вы хотите, чтобы я понял идеи, которых у меня нет, мне нужно исходить из идей, которые у меня есть. Когда вам хотят объяснить вещь, которой вы не знаете, ее сравнивают с другой вещью, которую вы знаете.

Мы судим о предметах и мыслях, сравнивая их. Находим сходство и различие.

Пятое. Наши идеи образуют систему, соответствующую системе наших потребностей. Ведь все наши потребности зависят друг от друга.

Систематизируя (классифицируя) идеи, мы образуем роды и виды. Благодаря этому приему мы устанавливаем порядок в наших идеях.

Образовать класс определенных предметов — это не что иное, как дать одно и то же название всем тем предметам, которые мы считаем сходными. И когда из этого класса мы образуем два или больше, мы выбираем новые названия, чтобы различать предметы, которые считаем различными.

Но если важно делать различия, еще важнее не делать излишних различий. Когда делают излишние различия, то все смешивают, потому что ум запутывается в многочисленных различиях, необходимости которых он не чувствует.

Как учить управлять собой и другими?

Греческий писатель, историк и философ Ксенофонт (ок. 430 — 355/4 до Р.Х.) с молодых лет сделался последователем Сократа.

В 401 году Ксенофонт поступил на службу к персидскому царевичу. Одно из сочинений Ксенофонта, «Киропедия» («О воспитании Кира»), выставляет отца царевича — Кира Старшего образцом хорошего правителя.

Считая Кира человеком, заслуживающим восхищения более чем кто-либо другой, Ксенофонт тщательно исследует, что за воспитание получил этот муж, достигший таких вершин власти над людьми.

По Ксенофону, Кир был воспитан согласно законам персов, которые весьма не похожи на законы прочих государств. Ведь в большинстве случаев государство предоставляет полную свободу родителям в воспитании своих детей. В то же время запрещают воровать и грабить, силой врываться в чужие дома, избивать невинных, противиться исполнению приказов властей и совершать другие преступления. Если же граждане нарушают эти законы, за это их наказывают.

Напротив, персидские законы содержат предупредительные меры и с самого начала воспитывают граждан так, что они не позволяют себе дурного или позорного

поступка.

Учителя заставляли его давать себе отчет в том, что он делал сам, и учили требовать отчета от других.

С детских лет его учили совершать благородные деяния, не падать духом, когда надо переносить трудности и лишения, побеждать сон, когда надо бодрствовать. Он стал считать труд основой счастливой жизни. На голод он смотрел как на обстоятельство, способствующее аппетиту.

— Мой мальчик, — сказал ему однажды отец, — боги дают в удел людям, искусным в делах, лучшую жизнь, чем неумелым. Трудолюбивым они помогают достигать цели скорее, чем бездеятельным, заботливым — быть увереннее в своей безопасности, чем беззаботным. А раз надо стать именно таким, каким нужно, чтобы добиться успеха, то лишь при этом условии можно обращаться к богам с просьбой о каком-либо благе.

— Конечно же, я прекрасно помню, — отвечал Кир, — как слышал это от тебя. Те, кто не засеял поля, не имеют права молить богов о богатом урожае. Те же, кто молит богов о недозволенном, говорил ты мне, естественно, ничего от них не получают.

— А не забыл ли ты, мой мальчик, как мы некогда рассуждали с тобой еще об одном предмете? Если кто-либо сумеет повелевать другими людьми так, чтобы они получили все необходимое в изобилии и при этом сами стали такими, какими они должны быть, то разве это не подвиг, заслуживающий восхищения?

— О да, отец, я помню, как ты все это говорил. Мне так же, как и тебе, умение руководить людьми всегда казалось величайшим искусством. Полководец, — добавил Кир, — должен отличаться от подчиненных не роскошным образом жизни, а трудолюбием и умением предвидеть события.

— А что, мой мальчик, — продолжал отец, — помнишь ли ты о том, что если вселивший надежду в души людей на будущие блага обманет их, он не сможет убедить их даже тогда, когда его обещания будут вполне осуществимыми.

Полководец должен воздерживаться от заверений, в реальности которых он сам точно не уверен; пусть это делают по его поручению другие.

— Отец, — отвечал Кир, — ведь ты воспитал во мне это чувство с детских лет.

— Да, мой мальчик, чтобы добиться дисциплины осмысленной, именно добровольной, есть краткий путь. Надобно радоваться вместе с людьми, когда им выпадает удача. Проявлять сочувствие, когда с ними случается беда. Оказывать помощь, когда они в трудном положении. Проявлять опасение, как бы они не совершили ошибки, одновременно пытаюсь предостеречь их. Ведь путешествующие изо всех сил стараются не отстать от людей, знающих дорогу лучше, чем они сами. Напротив, если человек сознает, что повиновение принесет ему вред, его никакими наказаниями не заставишь подчиняться приказам и не прельстишь никакими дарами. Никто добровольно не станет принимать подарки, которые принесут ему вред.

— Но как можно стать в действительности мудрым и быть всегда уверенным, что принятые тобою решения полезны и необходимы?

— Совершенно ясно, мой мальчик, что этого можно достичь, познавая все, чему можно научиться у других людей, так, как ты научился тактике. Ты станешь по-настоящему мудрым, если постарайся выполнять уже принятые решения, признанные тобой наилучшими.

Кир дорожил своими подданными и пекся о них, как о собственных детях, но зато и подданные чтили его, как родного отца.

Наследуются или воспитываются выдающиеся способности?

НАСЛЕДУЮТСЯ? Кажется, да. Так, музыкальная семья Бахов на протяжении почти трех столетий дарила миру выдающихся деятелей искусства, в их числе гениального И. С. Баха и его сыновей.

Дед Чарльза Дарвина и Фрэнсиса Гальтона был выдающимся врачом, натуралистом и поэтом.

Дядя Александра Сергеевича Пушкина, Василий Львович Пушкин — известнейший в свое время поэт.

Отцом одного из столпов либерализма — политолога, философа, экономиста Джона Стюарта Милля был влиятельный историк, философ и экономист Джеймс Милль.

Замечательный мастер сцены Пров Михайлович Садовский (1818—1872) был основателем актерской династии. Его сын Михаил Провович (1847—1910) работал в Малом театре. Сын Михаила Прововича и Ольги Осиповны Садовских Пров Михайлович Садовский Второй (1874—1947) с двадцати четырех лет и до конца жизни тоже в Малом театре.

Сергей Васильевич Рахманинов родился в семье с давними музыкальными традициями. Его дед Аркадий Александрович Рахманинов был известен как автор салонных романсов.

НЕ НАСЛЕДУЮТСЯ? Кажется, нет. В сонме гениев находятся люди, не получившие по механизмам биологического наследования никаких "генов гениальности".

Исаак Ньютон был сыном скудного фермера. Ньютон появился на свет недоношенным. Он рос болезненным, учился плохо, был слабым мальчиком, и однажды одноклассники избили его до потери сознания.

Роберт Гук — крупнейший физик, химик, астроном, ботаник, метеоролог, инженер. Проявил себя также и в архитектуре. Руководил восстановлением Лондона после великого пожара 1666 г. Роберт был хилым ребенком. Вероятно, у него был костный туберкулез, он не мог ходить в школу. Отец, бедный деревенский священник, учил его дома.

Бенджамин Франклин, один из основателей США, ученый и писатель, — младший ребенок в многодетной семье мыловара.

Великий поэт и прекрасный живописец Тарас Шевченко родился в семье крепостных крестьян.

Король математики Карл Фридрих Гаусс, еще и астроном, геодезист и физик. Его отец был каменщиком, потом стал садовником, затем, наконец, водопроводчиком.

Знаменитый физикохимик Иван Алексеевич Каблуков был восьмым среди тринадцати детей сельского зубного врача, вольноотпущенного крепостного.

Отец и старший брат Майкла Фарадея, одного из величайших физиков мира, были кузнецами, мать — совершенно не образованной женщиной.

Профессор химии и академик Военно-медицинской академии, доктор медицины и великий композитор, выдающийся педагог Александр Порфирьевич Бородин был рожден солдатской дочерью. Александр Порфирьевич Бородин в детстве был некрепким и хворым.

Прадед Луи Пастера был крепостным, следующие два поколения мужчин в семье Пастера были кожевниками.

Основоположник генетики Иоганн Мендель — сын барщинного крестьянина из чешской Силезии. Учился на медные деньги.

Целые отрасли современного научного знания, такие как агрохимия, биохимия, органическая химия, обязаны своим рождением Юстусу Либиху — сыну неизвестного

торговца, потомку крестьян-издольщиков.

Марк Шагал был старшим из десяти детей в семье мелкого торговца. Он окончил городское четырехклассное училище. И всё.

Джузеппе Верди родился в глухой деревеньке в крестьянской семье. Самоучку Верди не приняли в консерваторию.

Кузьма Сергеевич Петров-Водкин родился в бедной семье сапожника. Благодаря поддержке местных купцов-хлеботорговцев смог получить художественное образование.

София Лорен родилась в госпитале для неимущих, ее голодное и трудное детство прошло в маленьком селенье у дедушки с бабушкой.

Основоположник телевидения Владимир Кузьмич Зворыкин родился в семье муромского купца.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, в генеалогическом древе гениев можно найти немало славных прародителей. А можно и не найти таковых. Ни сама по себе наследственность человека, ни его среда сама по себе не в силах объяснить, в чем истоки и тайны способностей, характера и судьбы.

Истинные причины развития талантов и способностей людей следует искать в процессах взаимодействия наследственности и среды.

Одна обнаруживается общая черта всех успешных биографий. Это — особая обстановка в детстве, в которой имеется хотя бы один горячо любимый ребенком хороший человек, формирующий у ребенка добрую волю.

Черты, общие для всех гениев? Во-первых, трудолюбие, способность работать почти без перерыва "всю жизнь напролет". Во-вторых, жажда познания. Страстное желание знать, отчего светят звезды и в чем тайны человеческой души. В-третьих, напряженное сострадание к людям. И, наконец, любовь к истине, наслаждение от правды. Для нее нужно мужество, а оно формируется в начале жизни.

Эти факты особенно ясно иллюстрируются биографиями выдающихся людей, но прослеживается в жизни любого человека.

О пользе общесемейного чтения вслух

Сколько бы ни было в семье, в которой я родился и вырос, трудностей и разногласий, все они уравниваются совместным чтением рассказов и стихов.

Уверен, что именно общий смех и коллективные переживания, дарованные нам Салтыковым-Щедриным ("История одного города"), гашековским Швейком, русскими сказками в обработке Андрея Платоновича Платонова, оставили самые глубокие следы в душе моей и моего младшего брата.

Пушкин и Лермонтов. Но всё началось с Пушкина, который появился в моей самой первой — дограмотной — жизни благодаря решению папы приобщить меня к искусству декламации. Разучили «Подруга дней моих суровых...» и «Буря мглою небо кроет...» к семейному концерту на моем пятилетнем юбилее. Тетя Лена, профессиональная эстрадная певица, исполнила «Лучинушку», а я сорвал аплодисменты за стихи Александра Сергеевича.

А когда я пошел в школу, Пушкин, родной и уместный, сопровождал меня уже как своего усердного читателя. Папа подарил мне большого формата коричневый однотомник Пушкина, в котором была не только лирика, там был роман в стихах, мой тезка Годунов и повести в прозе.

...А это потрясающее событие имело место, вероятнее всего, незадолго до 1953 года.

Лермонтовское "На смерть поэта" частенько звучало в наших семейных литературных посиделках... Не в силах описать его действие на меня. Оно запомнилось само и сразу.

На работе у мамы устроили детский утренник, посвященный Пушкину.

Папа рекомендовал мне продекламировать “Смерть поэта”. Я, конечно, трясся от страха, но нехотя поплелся.

В зале сидели умиленные родные маленьких артистов, и атмосфера была наэлектризована рукоплесканиями, восторгами. Любовь дядей и тетей к своим потомкам смешалась с любовью к автору “чудных песен”. Когда в самом конце утренника объявили “Смерть поэта”, зал встретил мое появление сочувственно, но как мне показалось, сосредоточенно и даже сурово.

Когда я с горьким наслаждением, с диким вдохновением, с силой бросил заключительные строки “И вы не смоете всей вашей черной кровью Поэта праведную кровь!”, случилась долгая тишина, я растерялся, не сразу убежал... Только после моего бегства началось неистовство...

Но все это было бы совсем неважным, если бы мне не подарили вместе с глиняным бюстом Пушкина еще и книгу, которая стала одной из судьбоносных книг во всей моей жизни. Это был довольно тяжелый том в синем переплете с красивым тиснением – “Пушкин и театр”.

Название не слишком располагало к увлекательному чтению, но когда мы с папой все же раскрыли в честном бою с врагами Пушкина заработанный трофей, выяснилось, что мы завладели кладом и что мы еще не знали Пушкина.

Там были эпитафии! Там были все драматические произведения, не только “Борис”, но и маленькие трагедии, и все наброски.

Однако, революционно и землетрясительно там еще присутствовали оглушительные статьи Пушкина об истории театра, об артистах и драматургах, и они были непонятными, изобиловавшие новыми именами, жутко умные и ученые. Не читать их пришлось, а изучать, ползая по прекрасным комментариям к тому.

Боже мой! Так Пушкин, оказывается, про всё на свете думал, думал, думал, а сколько же он знал, боже мой! И какой же он правильный...

Оставшаяся моя жизнь прошла так, что ее вехами и перевалами стали все новые открытия в творчестве Александра Сергеевича. Он был и остается самым знаемым мной поэтом на земле и самым неизвестным, сюрпризным, неожиданным. Нет сферы моих интересов, в которой Пушкин не сотворил бы несколько ценнейших для меня откровений, будь то психология, этика, политика или история... Он неисчерпаем, и поэтому содержательны его ответы на мои нескончаемые вопрошания.

Есенин. А мама передала нам с братом любовь к О. Генри (“Последний лист”), Просперу Мериме (“Локис”). Но главное – это любовь мамы к стихам Есенина.

Мама читала мне, еще совсем маленькому, Есенина, когда мы шли по улицам. Потом я понял: помещения мама не доверяла, поскольку стихи Есенина были под государственным запретом и в свое время ее выгнали из комсомола и из института за произнесение вслух “Песни о собаке” в рубежанском общежитии. Для восстановления мамы в химическом институте понадобилось вмешательство Серго Орджоникидзе, близким сотрудником коего был мамин отец. Без комсомола пришлось обойтись, а “Песнь” все равно рвалась из маминого сердца.

Я же был благодарным слушателем: дрожал вместе с незамерзшей гладью воды и аккуратно в тот момент, когда собака ошибочно принимала тонкий месяц над хатой за одного из своих щенков, неизменно начинал реветь. Я выл, но тихо, чтобы не привлекать внимания властей.

Как ни ужасна была эта история, но мамина любовь к потаенному Есенину побеждала страх, и, содрогаясь от сострадания, я готов был снова и снова переживать этот кошмар детоубийства и неутешного горя матери-собаки.

Мама читала без надрыва, немного по-заговорщицки, действительно веря поэту. Конечно, мне запомнился текст, и я довольно часто воспроизводил его в памяти. Это было даже удобней – безопасней.

Еще мама позволила мне с ее голоса разучить есенинское “Все живое особой

метой...". Читала мамочка еще из "Персидских мотивов", и "Письмо матери", и "Цветы мне говорят — прощай...". Так что ко времени реабилитации Есенина де-факто, в эпоху "оттепели", когда выходили его сборники, собрания, открыто пели народные песни на его слова, я был готов декламировать любимые мамой строки Есенина в школе и делал это неоднократно.

А потом пошли открытия прорывов Сергея Александровича в тайны стиха и философии, и, главное, — в благоговение перед жизнью.

*"Я вижу — в просиничном платке,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.*

*Она несет для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
"Ходи, мой сын, живи вез крова,
Зорюй и полднюй у куста".*

*И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой."*

Упиваясь мощью его духа, я благодарю мою бедную и красивую мамочку за открывшийся с ее подачи таинственный, древний и новый, мир Сергея Есенина.

Марк Твен. Самые радостные события в нашей семейной избе-читальне — это "Укрощение велосипеда", "Как я редактировал сельскохозяйственную газету", "Как я служил секретарем" и "Как меня выбирали в губернаторы" искрометно остроумного Марка Твена в великолепных русских переводах тех далеких лет.

С тех пор и до сего дня наше с братом отношение к журналистике, ссадинам, ответам на письма трудящихся и выборно-представительной демократии определяется чеканными формулами Марка Твена. Каждая из них обеспечена золотым запасом общесемейного хохота, навсегда оставшегося в душе.

"Брюкву не следует рвать руками, от этого она портится. Лучше послать мальчика, чтобы он залез на дерево и осторожно потряс его. — Потрясите вашу бабушку! Брюква не растет на дереве! — Ах, вот как, не растет? Ну а кто же говорил, что растет? Это надо понимать в переносном смысле, исключительно в переносном. Всякий, кто хоть сколько-нибудь смыслит в деле, поймет, что я хотел сказать "потрясти куст".

"Гуано—ценная птица, но ее разведение требует больших хлопот. Ее следует ввозить не раньше июня и не позже сентября. Зимой ее нужно держать в тепле, чтобы она могла высиживать птенцов".

"По-видимому, в этом году следует ожидать позднего урожая зерновых. Поэтому фермерам лучше приступить к высаживанию кукурузных початков и посеву гречневых блинов в июле, а не в августе".

"В настоящее время, когда близится жаркая пора, коровы теряют оперение и гусаки начинают метать икру..."

"— Почему вы не сказали мне сразу, что ровно ничего не смыслите в сельском хозяйстве? — Почему не сказал вам, гороховый стручок, капуста кочерыжка, тыквин сын? Первый раз слышу такую глупость. Вот что я вам скажу: я четырнадцать лет работаю редактором и первый раз слышу, что человек должен что-то знать для того, чтобы редактировать газету. Брюква вы этакая! Кто пишет проникновенные воззвания насчет трезвости и громче всех вопит о вреде пьянства? Люди, которые протрезвятся только в гробу... Прощайте, арбузное дерево!"

Еще чаще мы с братом произносим вслух строки из твеновской эпопеи личного секретаря сенатора. "Джентльмены! На кой черт сдалась вам почтовая контора в Болдвин-рэнче? ...Что вам действительно необходимо — так это удобная тюрьма, удобная, вместительная тюрьма; и еще — бесплатная начальная школа... Соответствующие меры приму незамедлительно. С совершенным почтением, Марк Твен. По поручению члена сената США Джеймса У. Н."

"— Убирайтесь вон! Чтобы вашей ноги здесь больше не было! — Я принял эти слова сенатора как скрытый намек на то, что в моих услугах не нуждаются, и подал в отставку."

Столь же незабываемы, сколь и поучительны были "воспоминания" Марка Твена о том, как его выдвинули кандидатом на должность губернатора. Все газеты со страшными воплями стали требовать "ответа" на предъявленные ему "обвинения". В одной из газет его обвиняли в том, что он поджег сумасшедший дом со всеми его обитателями, потому что тот портил вид из его окон. Затем последовало сообщение о том, что, будучи попечителем приюта для подкидышей, он пристроил своих выживших из ума беззубых родственников на должность разжевывателей пищи для питомцев. Наконец, во время предвыборного собрания девять малышей всех цветов кожи и в самых разнообразных лохмотьях вскарабкались на трибуну и, цепляясь за его ноги, стали кричать: "Папа!"

Итак, на всю жизнь запоминаются даже и самые непродолжительные сеансы совместного чтения. Как это сближает, какой светлый след оставляет, как влюбляет молодое поколение в достойных писателей и их славные книги!

Об этом в своих мемуарах много интересного писали: мастер оформления детской книги Владимир Михайлович Конашевич, великий сказочник Евгений Львович Шварц; классик мировой литературы для детей Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк и многие другие.

О чудесах в педагогике

Школа, о которой идет здесь речь, началась задолго до своего начала, лет за десять. А именно - со времени женитьбы здоровяка- каменщика Майкла Алена на восемнадцатилетней красавице Сьюзен, только что окончившей среднюю школу.

Прошу Вас, представьте себе вечно зеленую благословенную плодородную Флориду, землю ковбоев, процветающую, залитую солнцем...

В тени там обычно 30 градусов тепла (по Цельсию), а я все время боялся простудиться: кондиционеры заставляют мерзнуть и внутри автомашины, и в помещении... На улицу выходишь погреться...

Так вот, через год в этом благополучном, счастливом крае беременная Сьюзен заразилась краснухой, не зная, какая это свирепая беда. Когда краснуха, как ей и положено, казалось бы, бесследно прошла, Сьюзен произвела на свет белокурого слепого мальчика Джейка. Я его видел, когда ему было уже было уже 12 лет. Красивый мальчуган. Она и муж смирились с тем, что их первый ребенок слеп. Все равно он прелесть. Они приняли Джейка как обыкновенного гениального, хотя и слепого, ребенка, будущего гениального, например, слепого му зыканта. Это же обычная история, мы знаем.

Джейку было десять месяцев. Его 19-летняя мама между делом и досугом смотрела утреннюю телепрограмму. Показывали, как врачи определяют глухоту у младенца: шуршат целлофаном над ухом ребенка. Предчувствие пронзило Сьюзен: она терла целлофаном и трещала у самых ушей спящего мальчика - Джейк не просыпался.

В панике она визжала, потом била крышками кастрюль друг о друга, но ее сын блаженно спал, никак не реагируя на поднятый грохот. Чепуха какая-то. Она все же поехала в клинику, так, на всякий случай. Просто убедиться, что со

слухом у Джейка все о'кей. Аудиолог был краток: "Мне не приходилось встречать в такой степени глухого ребенка". Она отнесла Джейка обратно в свою машину и попробовала выехать из гаража. Не получилось. Она долго сидела в машине и редела.

Чтобы понять мир Джейка, мир без единого звука и без зрительных образов, Сьюзен надевала на глаза повязку, а на уши - плотно прилегающие наушники, и, пока Джейк спал, она часами бродила по дому, натываясь на предметы, падая, наставляя себе синяки, теряя ориентацию. Она попадала в таинственный, враждебный, безжалостно жестокий и совершенно алогичный мир, берущийся из ниоткуда и ведущий в никуда.

Что поймет в нем Джейк? Чему научится? В отчаянии Сьюзен бросилась к специалистам. Они ей говорили, что надобно смириться, что Джейк необучаем, невоспитуем, неконтролируем, возможно, умственно недостаточен, что его надобно сдать в детский инвалидный дом, что он обречен остаться зверьком или полувзверьком-полурастением.

- Нет, - говорила Сьюзен. - Нет! - И она знала это наверняка. - Нет!!! Он всего лишь только глух и слеп. Ничего больше.

И несчастная мать отдала Джейка в нормальный детский сад. А с пяти лет - в школу для "просто" глухих.

Повсюду педагоги разводили руками: он туп, совершенно туп, он нуждается только в дисциплинировании.

Одна учительница сказала ей:

- Это трудный ребенок.

- Я знаю, - ответила Сьюзен.

- Этот ребенок не различает цвета, - трагическим голосом заявила учительница.

- Что? Цвета! - ответила Сьюзен. - Джек не знает, что он существует, что он живет среди людей, он не знает, что он человек.

Местный совет по образованию постановил поместить ребенка в школу для глубоко умственно отсталых.

И тогда наблюдательная, чуткая мать, уловив десятки проявлений разума у своего семилетнего сына, которому никто не мог помочь, стала искать помощи вне школьной системы. Она обратилась к знаменитому ученому-дефектологу Яну Вандайку из Голландии и к двум учителям слепоглухих из Канады: это муж и жена Джон и Жак Маккинес. Они сказали: "У вас удивительное, на редкость способное дитя. Не теряйте ни минуты, его необходимо учить языку".

Сьюзен заявила мужу: "Все! Я не могу больше ждать, я открываю свою собственную школу".

Судьба новаторов повсюду нелегка, а новаторов без специального образования, без диплома об окончании вуза - особенно. Новаторов, добивающихся колоссальных успехов, - втройне. Их просто ненавидят специалисты. Сьюзен Ален, мать троих детей (еще один ее сын и дочка видят и слышат совершенно нормально), Сьюзен Ален, домохозяйка, почти единственным вооружением которой была ее любовь к своему обездоленному природой ребенку и ко всем таким же детям, прошла трижды крестный путь нововведений. Если бы она не была энергичной от природы, я не сомневаюсь - она бы развила в себе эту испепеляющую силу действия. Развила же она в себе талант оратора, оракула.

Она изучила огромную специальную литературу. Она полетела в Канаду к Маккинесам, чтобы усвоить их методу. Она разработала свою версию непосредственного контакта со слепоглухим ребенком. Она убедила мужа продать их дом, занять еще 50 тысяч долларов и вместе с друзьями отремонтировать двухэтажную развалюху в живописной, лесистой местности.

В 1985 году Сьюзен открыла свою удивительную школу, названную ею Центром

для слепоглухих детей имени Джейка Алена. Так она и войдет - эта уникальная школа - в мировую историю как Центр для слепоглухих детей им. Джейка Алена, то есть вот этого самого слепоглохого мальчика.

Я видел этот Центр своими видящими глазами. Я прожил в нем пять незабываемых дней (в ноябре 1989 года) и вынес ощущение обыкновенного чуда, свершаемого с детьми от полутора до четырнадцати лет.

Сужу не только по своим впечатлениям. Перелистываю местные газеты и журналы, вчитываюсь в школьные отчеты за четыре последних года и в дневники каждодневных наблюдений за детьми. Эти дневники входят в обязанности каждого из 38 воспитателей.

В школе 16 детей и 38 воспитателей.

Мэтью - 7 лет. До съезеновской школы этот ребенок с врожденной глухослепотой не мог жевать, не умел ползать, не удерживал в руках ложку. Вообще удерживать ложку - это большой, оказывается, труд, надо этому долго учиться.

Разумеется, государственное ведомство послало дитя в класс для самых тяжелых олигофренов, где его, разумеется, ничему не научили. Он цветет в Центре имени мальчика Джейка Алена. Цветет. С аппетитом и совершенно самостоятельно он поглощает гамбургеры, успешно справляется с горячими собаками (сосисками, вложенными в хлеб), он умеет пить из стакана, он яростно ползает и порывается ходить, он понимает 50 знаков. Он выражает свои желания, активно используя 20 знаков, и это за полтора года пребывания в центре. У Мэтью появилась жизнь, полная приключений. Он смеется, его родители твердо знают, что у мальчика есть будущее.

Недавно Мэтью прочел свое первое слово. Случайно или нет, но оно совпало с самым первым буквенным словом, понятным маленькой будущей великой слепой и глухой Элен Келлер, книги которой читает весь мир, пьесы о которой обошли сцены всех театральных столиц и знакомство с которой считалось честью королевами и гениальными учеными.

Дело было так. Воспитательница Анри Дитрик плюхнула Мэтью на лужайку, окружающую небольшой очаровательный детский бассейн, и продактилировала, то есть сказала по буквам, составленным из пальцев, слово "вода".

Мэтью подпрыгнул, он засмеялся, стал снимать с себя одежду. Он явно готовился к одному из своих величайших удовольствий в жизни - купанию.

Воспитательница говорит, что он складывает пальцы в особый знак - горшок, когда хочет в туалет.

Понимаете ли вы, что это значит? Мэтью начал разговаривать, общаться с себе подобными! Он принял правила игры!!!

Маленькие люди, не знающие, что они есть, научаются здесь людским обычаям. Это путь к очеловечиванию человека, путь к общению, самостоятельности, к культуре.

Вернемся снова к Джейку, к его страшному, навсегда ушедшему прошлому.

Вот ему, пятилетнему, родители вручают рождественские подарки. Неожиданно подарки приводят его в ярость. Он неистово рвет на куски обертку и превращает в отброс содержимое. Физически он очень крепок. Схватив елочный сук, он здорово дергает за него и с невероятной скоростью валит елку на пол.

Все, что делает Джейк, он делает с невероятной скоростью для того, чтобы никто не успел ему помешать.

Он сваливает елку на пол. Дрожащий Джейк выползает из-под свечек и игрушек, чтобы, опередив взрослых, как можно скорее запустить хрустальным бокалом в пространство, которое, как он знает, ограничено стеной. Он торжествует. Он не сумасшедший, но он торжествует, потому что ему на этот раз особенно удалось поэкспериментировать с кошмарным, бессмысленным миром, миром безмолвия,

тьмы, опасностей и боли, с миром, который можно втянуть вместе с собой в бездну разных приключений и выковать из большой отчаянной злобы хоть маленькую, но хрупкую радость, радость власти, радость проявления силы...

Я не знаю, в какой еще точке земного шара существует такая плотность объятий и поцелуев на единицу площади человеческой кожи, как в этой школе. Ничего подобного я никогда не видел и представить себе не мог. Воспитательницы непрерывно ласкают своих подопечных. И не потому, что это в какой-то степени основа метода Сьюзен Алэн, а потому что они действительно их обожают.

Кто знает, может быть, в наибольшей степени гениальность этой хрупкой женщины проявилась именно в том, что она сумела найти такое число любящих людей. По-настоящему любящих: они говорили мне: "Разве можно не влюбиться в Мэтью? А посмотрите-ка, какая это умница (на какую-нибудь девчонку, которая сделала несколько шагов вдоль стены)".

А уж если те справляются со своим календарем... Календарь специально изобретен Сьюзен Алэн. По образцу индейцев, это - язык узлов на веревочках, с разными подсказками. Ну, например, если на веревочке, обозначающей пятницу, к примеру, есть бантик, то в этот день будет бал. И если эти дети научаются пользоваться календарем и выказывают понимание, то школа празднует невероятный праздник. Если ребенок требует, чтобы его после горшка вытирали не один, а много раз, до тех пор, пока он не удостоверится, что его хорошо вытерли, то это, конечно, совершеннейшее блаженство, потому что это показывает, что ребенок требует чистоты! И его чистоплотность вызывает всеобщее восхищение и увеличение интенсивности объятий и поцелуев до запредельной степени.

Сейчас Джейк учится и работает. В школе есть микроавтобус и две машины. Он зарабатывает по доллару за мытье каждой. Он с наслаждением моет стекла. Он получает доллар за каждую вымытую машину и, накопив 2-3, покупает свои любимые жвачки. Это гигантское наслаждение.

Мы поехали с ним в Диснейленд. Он был там до меня всего один раз. Примерно часа через полтора после того, как мы ходили по разным аттракционам, я вдруг заметил, что нас ведет Джейк. Нас было трое взрослых и один слепоглухой мальчик. Он прекрасно помнил, где какой аттракцион. Это стало абсолютно очевидным, потому что он не только знаками показывал и тянул за собой в совершенно точное место; он знал, что его там ждёт. Предположим, мы летим с огромной скоростью в страшной пещере, где куча неожиданностей, и Джейк заранее начинает подхихикивать, а как только мы выскакиваем и начинаем падать в какую-то пропасть, он чуть не визжит от восторга. Он помнит путь из этого павильона, после того как мы вылезаем из колясок.

В Центре им. Джейка Алэна примерно в четыре миллиарда раз больше поцелуев и в 18 миллиардов раз больше объятий, чем где-либо в мире. С тех пор как я посмотрел эту школу, я твердо понял, что поцелуй и объятие - самый мощный метод образования личности.

Специалисты - психологи, философы, дефектологи А. Леонтьев, Э. Ильенков, А. Мещеряков - считают слепоглухоту "увеличительным стеклом" знаний о человеке. Зарождение и проявление человеческих свойств у одновременно глухого и слепого ребенка как бы в замедленной киносъемке показывает неуследимо быстрый в нормальных случаях процесс роста.

Как же становится человек, как очеловечивается человек, как превращается из жалко-грозно-злобного сгустка плазмы в соратника одухотворенного человечества?

Джейку сказала - это было ее маленькой ошибкой - молоденькая воспитательница, очевидно считающая Джейка полубогом, она ему сказала, представляя меня, что "это - доктор Бим-Бад". Она забыла, что "доктор" - штука

неприятная - врач, а не только ученый". Врач... А не будет ли уколов и всего такого? Поэтому Джейк отнесся ко мне поначалу настороженно. Однако к концу путешествия сменил гнев на милость и на прощание даже сказал: "Пока, док".

Вот образец дружественной манеры общения. Вот культура поведения. Вот человеческое отношение к миру.

Я уверен, что все эти фантастические успехи ребят имеют в своей основе то ощущение невраждебности мира, которое дает им любовь. Они принимают этот абсолютно алогичный и такой безжалостный мир только потому, что в нем находятся терпеливые любящие руки, которые делают этот мир радостным в конце концов. Баланс обид, страданий и побед становится выносимым только благодаря интенсивной и умной любви.

СПРАВКА. В Соединенных Штатах на август 1989 г. было зарегистрировано 5042 слепоглухих ребенка, из них 102 - во Флориде. Сколько слепоглухих детей у нас, не знает никто. Их у нас не считают.

Конгресс США выделяет ежегодно на реабилитацию слепоглухих в стране 7 млн. долларов. Это очень мало, но это кое-что. Этих средств не хватает для полного решения проблем; отдельные штаты и местные самоуправления дополнительно финансируют школы. И этого оказывается недостаточно, поэтому некоторые общины подвергают себя добровольному самообложению.

А такие школы, как Центр имени Джейка Алена, нуждаются еще и в добровольных пожертвованиях различных организаций.

В Голландии и Канаде дети с врожденной слепоглухотой получают специальное воспитание и обучение, благодаря которому очень рано осознают себя и включаются в общение с окружающими. На всю нашу страну - только три школы, все вместе всего на 200 слепоглухих людей с 9-10 до 30-ти лет.

ИНТЕРЛЮДИЯ. Стихотворение "Ваза с цветами" Роберта Смитдаса, американского поэта, общественного деятеля, одного из руководителей Национального центра по работе со слепоглухими имени Элен Келлер, близ Нью-Йорка (пер. мой. - Б. Б.).

*"Я подвинул вазу к Вам
Так, чтобы Вы видели
Внутри нее сияющую сердцевину -
Душу мою,
Вы поставили вазу на место
Небрежным движением,
И я знаю, что мое послание
Не дошло до адресата."*

Что же содержит в себе послание слепоглухих людей к нам, зрячеслышащим?

Что сильнее — блестящее образование или окружающая среда?

Филипп II (382—336 до Р.Х.) — македонский царь, ставший повелителем Греции. Он был отцом Александра Великого. Мать Александра Олимпиада тоже происходила из царского рода, владевшего Эпиром. Филипп и Олимпиада прожили несколько счастливых лет. Самым райским был год рождения наследника Александра — 356-й год.

Но Олимпиаде, женщине сильных страстей, все время недоставало власти. Перед Филиппом постепенно раскрывался жуткий, демонический характер его жены. Все с большей страстью предавалась она мистическим оргиям. Все безудержнее становилась ненависть Олимпиады к предыдущим женам Филиппа и их детям.

Филипп отстранился от жены. Олимпиада утратила любовь царя, а свою

перенесла на сына. Ее, а не Филиппа, должен был любить мальчик.

Отца Александр видел не слишком часто: войны и походы постоянно удерживали царя вдали от дома. Мальчик привык смотреть на мир глазами матери. Филиппу надо было оторвать сына от непрерывной опеки матери. Царь выбрал лучшего из известных ему учителей. Он послал приглашение Аристотелю и получил согласие философа.

Великому учителю человечества Аристотелю Филипп заплатил за обучение сына восстановлением из руин его родины – города-государства Стагира.

Александрю было тринадцать лет, когда он начал учиться у Аристотеля.

Аристотелю в это время было около сорока лет. Аристотель был человеком, страдаемым той же жадной, которая терзала и Александра, — жадной познания неизвестного. Честолюбивый мальчик и ученый муж обрели истинную дружбу.

Особенно заинтересовала Александра медицина, и Аристотель, сам происходивший из семьи врачей, сумел так преподать царевичу теорию и практику медицины, что Александр, став царем, мог лечить больных друзей диетой и лекарствами.

В курс обучения входила еще весьма важная для будущего полководца наука, а именно география. Аристотель познакомил юношу с картой. На карте границы стран кажутся преодолимыми. Юноша уже давно мечтал о роли великого завоевателя и завидовал успехам отца.

Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевал какой-либо известный город или одержал славную победу, Александр мрачнел, слыша это. И говорил сверстникам: "Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего".

Филипп подготовил выступление против персов. Но он не успел отправиться в поход во главе объединенного войска эллинов и македонян. Его поразил кинжал.

Когда убили Филиппа, то в этом преступлении больше всего обвиняли Олимпиаду, утверждая, будто она побудила к действию разъяренного убийцу. Но обвинение коснулось и Александра.

Так или иначе, двадцати лет от роду Александр получил царство, которому из-за зависти и ненависти соседей грозили со всех сторон опасности. Узнав, что восстали Фивы и что афиняне в союзе с ними, Александр немедленно повел свои войска через Фермопилы. Город был взят, разграблен и стерт с лица Земли. Убитых было более шести тысяч. Александр продал всех остальных в рабство, а их оказалось более тридцати тысяч.

В 334 г. царь начал войну с персами под лозунгом отмщения им за поруганные греческие святыни. Через 2 года персы были окончательно разгромлены. Александр был провозглашен «царем Азии».

Постепенно империя Александра протянулась от Греции до Индии и от Черного моря до Египта. Мир не знал ничего подобного.

Аристотель с его культурой стал помехой к тому, чтобы удержать завоеванный мир.

Александр объявил себя божеством. Но он не располагал временем, чтобы укоренить образ самого себя как божества в массовом сознании. Ослабленный ранами и излишествами, он заразился лихорадкой и умер в Вавилоне, столице его невиданной в истории по размеру империи, не успев окончательно превратиться в кумира.

Мировая империя Александра не пережила его. Политические идеи классической Греции не имели смысла на Востоке, где люди свыклись с ярмом деспотизма. Религия греков не прижилась; христианство пришло из Палестины. И хотя евреи научились писать библейские тексты по-гречески, в конечном счете, восточная вера победила и самую Грецию.

Александр, конечно, сам устанавливал для себя законы. У Аристотеля он взял только то, что совпадало с его собственными желаниями.

Александр хотел завоевать весь мир и вместе с тем стать воспитателем всего человечества. Соперник Аристотель ему был не нужен.

Покоритель мира выдвинул требование: всегда и во всем следовать его диктаторской воле. Он один, будучи победителем, хотел быть мерилем всех вещей. Этой тирании Александра противостояло представление Аристотеля об индивидуальной свободе. Для Аристотеля эллинские понятия о божественном начале были мерой всех вещей.

Не очевидно ли, что даже самые великие учителя научают не тому, чему учат, а тому, чему у них учатся? Это последнее зависит от массы ранних впечатлений и коренных устремлений учеников.

При каких обстоятельствах раскрываются природные дарования?

До семи лет этот мальчик был толстым, неповоротливым, ленивым ребенком. Гулять и играть его заставляли почти насильно. Да его и неохотно принимали в игры, потому что внешне он был очень не похож на других детей.

Этот мальчик был довольно свободен в выборе занятий. Его отец детьми почти не интересовался. Мать страстно любила свет и развлечения и, подобно мужу, так же мало беспокоилась о воспитании своего потомства.

Остальные домашние не мешали развиваться мальчику. Бабушка и няня погрузили его в стихию родного русского языка, фольклора.

А под рукой и перед глазами ребенка была огромная красивая библиотека, фолианты с блестящими иллюстрациями, с дивными гравюрами. Библиотека отца, преимущественно на французском языке.

Лет с восьми он начинает читать и пересказывать прочитанное. У него есть слушательница — сестра Ольга, которая смотрит на него, как на божество. Она слушает, открыв рот, когда он пересказывает ей драмы, стихи, романы.

Более того, дети разыгрывают эти сюжеты. Они драматизируют усвоенное, спорят. Это основное их времяпрепровождение.

Маленький Александр читал жадно, без усталости, день и ночь и при необыкновенной своей памяти на одиннадцатом году был, по выражению дяди, поэта Василия Львовича, уже отличным знатоком французской литературы. Французская литература блестяща, увлекательна, изящна, ослепительна. Он поглощает ее пласт за пластом. Саша перечитал чуть ли не всех классиков XVII века. Расин, Корнель, Мольер. Страсти, борьба чувства и долга, великие характеры, герои древности. Речь шла о высочайших достижениях и подвигах человеческого духа.

И все это было усвоено не из под кнута. Усвоено по блестящим образцам, по первоисточникам.

Это была уникальная возможность с детства прикоснуться к образцам высокого вкуса.

Литературные нравы дома и особая любовь, которую Сергей Львович Пушкин питал к Мольеру — он читал его вслух для поучения детям, возбудили в мальчике охоту испытать свои силы в творчестве.

Сергей Львович и по собственной инициативе, и через брата Василия был в дружбе со многими литераторами и тогдашними властителями дум. В его доме встречались и беседовали многие литераторы.

Готовясь к поступлению в лицей, Пушкин жил у дяди Василия Львовича и у него впервые встретился с представителями петербургского света и литературы.

12-летний мальчик изо всех домашних чувствовал глубокую привязанность только к сестре и няне и с удовольствием покинул родительский дом.

Ко времени, когда он поступил в лицей, в садах которого "свободно расцветал", он уже присвоил колоссальные познания. Он преодолел рубеж отчуждения растущего человека от высокой культуры.

Способности Пушкина быстро развернулись в лицее. Он читал чрезвычайно много и все прочитанное прекрасно помнил. Больше всего интересовался он французской и русской словесностью и историей.

Он был одним из самых усердных сотрудников в рукописных лицейских журналах и одним из деятельных членов кружка лицейских новеллистов и поэтов, которые, собираясь по вечерам, экспромтом сочиняли повести и стихи.

Александр Пушкин из флегматичного ребенка вырастает в обаятельного юношу, в человека общительного, светского, изысканного. Он неизменно сохранял эту верность высокому вкусу, блеску ума и глубоким корням лучшей европейской культуры.

Шестнадцатилетний лицеист отдался поэзии, как призванию, тем более что он имел возможность лично познакомиться с ее наиболее уважаемыми им представителями. К нему в лицей езжали Жуковский и Батюшков, ободряли его и давали ему советы. Особенно сильно и благотворно было влияние Жуковского, с которым он быстро и близко сошелся летом 1815 года. Позже он сам благотворно влиял на Жуковского.

Расцвет пушкинского гения — не единичный самопроизвольный эксперимент, поставленный историей. Почти одновременно с Пушкиным похожая история раннего развития повторилась с Джакомо Леопарди (1798-1837), а век спустя — в судьбе Жан Поль Сартра.

Итак, чтобы раскрылись дарования, необходимо сочетание нескольких обстоятельств.

Первое — время детства, не целиком заполненное беготней и играми в прятки.

Второе — отсутствие навязчивого постоянного контроля.

Третье — доступ к культурным богатствам, к хорошей библиотеке, а также интеллектуальная среда и раннее участие в умственной жизни.

Четвертое — любящие и внимательные сопутники, с которыми интересно делиться чувствами и мыслями.

Почему воспитание страхом и болью порождает бандитов и террористов?

В 1872 году в штате Миссури в семье безграмотного фермера родилась Аризона Донни Кларк, жизнь которой стала цепью поистине дьявольских деяний. Она вошла в историю террора под кличкой "Мамаша Баркер".

В десять лет девочка бросила школу. Она на всю жизнь сохранила страсть к чтению книжек о различных злодеях. Еще в детстве она боготворила бандитов. Когда некая группа гангстеров погибла под полицейскими пулями во время ограбления банка, она носила траур. Ей было тогда 20 лет.

Выйдя замуж за чернорабочего Баркера, она родила четырех здоровых сыновей. Патологически ненавидя любое общество, Мамаша Баркер решила вырастить своих детей "мстителями" — "бичом божьим".

Она внушила своим отпрыскам отвращение к правилам и законам, которые существовали в обществе. Она научила их ненависти к людям.

Мальчишки прошли через весь набор подростковых преступлений - от квартирных краж до угона машин и разбоя. Мамаша Баркер наладила дружеские связи с наркоманами, убийцами и вооруженными налетчиками. Ее дом стал пристанищем

для беглых и разыскиваемых преступников. Эти постоянные гости потчевали впечатлительных мальчиков "героическими" историями о насилии.

Мамаша Баркер рассказывала им о жизни преступников как о романтическом приключении и сама учила сыновей стрелять.

При этом она нещадно била своих детей и ни в чем не доверяла им.

Однажды Мамаша Баркер спланировала очередной налет. В разбое участвовал ее сын Герман. После этой "прогулки" Мамаша Баркер вывернула карманы сына, чтобы убедиться, что он не присвоил ее долю.

Она нашла в носке Германа 50 долларов и отлупила сына рукояткой револьвера. Четыре сына Мамашы Баркер, известные как "четыре всадника Апокалипсиса", стали в двадцатые-тридцатые годы XX века ужасом Америки.

Парни Баркеры присвоили огромные суммы денег, оставаясь при этом неуловимыми. На своем пути по всей стране они действовали хладнокровно, безо всяких колебаний убивая множество людей, взрывая и похищая. На их кровавом счету были многие десятки трупов.

Как-то Мамаша Баркер предложила выкрасть видного банкира из Миннеаполиса. Несколько месяцев она разрабатывала план похищения, прежде чем послала своих мальчиков "на дело". Банкира заставили подписать просьбу к семье о выкупе.

Попытки семьи отдать выкуп несколько раз срывались по разным причинам. Слишком нервный сын Мамашы Баркер — Артур — хотел убить банкира, но брат Фредди остановил его словами: "Конечно, ты можешь вышибить из него мозги, но ты же знаешь, что скажет Мамаша!" Одно упоминание о ней, и Артур опустил револьвер.

Ее власть над ними была абсолютной, страх перед ней — всепоглощающим. Банкира вернули семье, когда выкуп был получен бандитами.

Всю банду удалось уничтожить только в 1935 году.

Мамаша Баркер сознательно и намеренно воспитывала террористов. И успешно воспитала сыновей в духе порока, презрения и ненависти к людям. Однако некоторые стороны такого воспитания весьма широко, хотя и неосознанно и без понимания опасных последствий, применяют в школе и семье. Дома: удар, шлепок, лишение желательного или приятного предмета, лишение любви. В школе: порицание, выговор перед классом, удаление с урока, оставление после уроков. Вызов на педсовет, объявление выговора и т.д. Вплоть до исключения из школы.

"Смотри у меня!" — угроза. "Вызову родителей!" — угроза.

Демонстрация силы, наказание, осмеяние, запугивание — наглядные уроки терроризма. Они воспитывают детей в убеждении, что устрашением можно добиться всего чего ни пожелаешь.

Воспитатель пользуется страхом для достижения благих целей. Террористы устрашают для достижения своих целей. Полное сходство средств облегчает их применение в самых разных целях.

Из воспитания необходимо исключить угрозу силой и ее применение.

Любая ли отрицательная реакция воспитателя на ошибку, нарушение, проступок принимает форму наказания? — Нет.

Обязательно ли наказание как санкция за нарушение законов, правил, установлений, норм? — Нет.

Является ли альтернативой наказанию безнаказанность? — Нет.

Отношения в семье глазами выросшего ребенка

По своей природе воспитание устремлено в будущее. Но всякое конкретное будущее имеет начало. Для вас и меня оно в детстве. Как-то один из самых глубоких европейских мыслителей — поэт Уильям Вордсворт — заявил: "Ребенок — отец человека". И тем самым тесно связал детство с судьбой и характером человека.

Так или иначе, но в детство уходят корни травы, по которой мы ходим в течение жизни. Об этом неоспоримо свидетельствуют воспоминания взрослых и даже пожилых людей о своем детстве

Благодаря автобиографиям, этому рефлексивному жанру, мы узнаем, что же осталось в человеке от его первых дней, почему сохранилось именно это, а не другое, как соотносится последующая судьба человека с ее началом.

То, что остается в памяти, что воскрешается в ней и через полвека, и спустя семьдесят лет, есть весьма существенное. Сладостное или мучительное, но оно живо в человеке, прошло с ним весь его путь, сопровождает его и сегодня. Пусть не все хранимое в сознании и подсознании фиксирует автобиография, но то, что она обнаруживает, не может быть ни случайным, ни малозначительным. Быть может, не только в нем, но в нем-то уж точно сосредоточено детство.

Воспоминания помогают нам понять радость и скорбь, трудности роста ребенка. Ведь представления детей о тяжелом и счастливом в жизни не всегда совпадают с отношениями и понятиями взрослых.

Часть детских восприятий забывается, их воздействие на дальнейшую жизнь ослабевает. "Человек взрослеет, но детская душа живет в нем; ничто не умирает в человеке, пока он жив. Мое прежнее "я", еще вчера такое живое и пылкое, таясь, живет во мне и сегодня, и стоит мне отрешиться от злобы дня, как оно всплывает на поверхность", — констатировал испанский мыслитель Хосе Ортега-и-Гасет.

Как поведение в целом и воспитательные усилия взрослых, в частности, оцениваются и воспринимаются самими детьми? Об этом рассказывают нам воспоминания. Вот несколько отрывков.

Между родителями желательно единодушие в вопросах воспитания. Из книги свояченицы Л. Н. Толстого Татьяны Андреевны Кузьминской "Моя жизнь дома и в Ясной Поляне".

"Сестры стали понемногу выезжать на танцевальные вечера. У них были свои подруги, с которыми они шептались, отгоняя меня прочь. Им шили наряды, а мне перешивали из двух платьев одно. Все это казалось мне несправедливым и обидным, и не раз, чуть не плача, я говорила себе: "Чем я виновата, что я меньшая?" Но в особенности я была огорчена следующим случаем.

Однажды мать, желая доставить удовольствие сестрам, сказала, что есть ложа в Малом театре, и что они поедут на спектакль.

— А я поеду? — спросила я.

— Нет, пьеса эта совсем не для тебя, да у тебя и уроки есть, — сказала мама.

И как я ни просила, мама стояла на своем.

Вечером, когда они уехали и дети легли спать, окончив уроки, я бродила по темной зале. В доме все было тихо, и эта тишина угнетала меня. Мне стало и одиноко, и скучно. Я села в угол залы, и чувство жалости к самой себе умилило меня и я заплакала.

Из кабинета отца послышался звонок. Прошел камердинера Прокофий, много лет уже живший у нас в качестве денщика. Он, вероятно, заметил, что я плачу, так как потихоньку, на цыпочках, прошел мимо меня, как бы имея уважение к моим детским слезам.

Я слышала, как отец спросил:

— Уехали в театр?

— Уехали, но меньшая барышня сидят в зале и плачут, — сказал Прокофий.

И вдруг я услышала шаги отца. Я испугалась. Я почти никогда не плакала при нем. Он всегда был со мной ласков, никогда не бранил и не наказывал меня, но впечатление его нервного характера вообще внушало мне страх. Что может вызвать в нем гнев, а что не может, для меня всегда было неожиданностью.

Не успела я осушить слез своих, как отец в накинутом на плечи халате стоял передо мной.

— О чем ты плачешь? — спросил он меня.

— Меня не взяли в театр, и я одна, — отвечала я, всхлипывая снова.

Папа молча погладил меня по голове. Он о чем-то раздумывал. Потом прошел в кабинет и приказал Прокофию подать еще не отложенную карету, горничной Прасковье и лакею проводить меня в театр, а меня послал одеваться.

Я побежала к себе и торопила Прасковью. Федора помогала мне одеваться и радовалась за меня.

Дверь моей комнаты тихонько отворилась, и неслышными шагами вошла няня Вера Ивановна.

— Аль в театр едете? — спросила она меня.

— Да, еду, а что? — Я знала, что Прасковья уже доложила ей об этом.

— Нехорошо, что маменька-то скажут?

— Папа пустил, — коротко ответила я, не глядя ей в лицо. Няня неодобрительно покачала головой.

— И глаза-то, и лицо у вас красные от слез, еще простудитесь. Федора, подай платок барышне на голову надеть, — говорила она. — Баловник ваш папаша, — ворчала няня.

— Оставь меня, чего ты ворчишь, — говорила я с досадой. Я старалась не думать о том, что мать, может быть, рассердится на меня.

Через полчаса капельдинер отворил дверь ложи, и мама увидела меня перед собой. Занавес был поднят и шла пьеса Островского. Мама с удивлением посмотрела на меня.

— Это что такое? — строго спросила она.

— Папа меня прислал, — спокойно ответила я. В голосе моем слышалось, что если папа прислал, то значит это ничего.

Я видела недовольство матери. Она ни слова не сказала мне, но строгими глазами глядела на меня. Не пустив меня сесть вперед ложи, как обыкновенно, она посадила меня сзади, возле себя.

Освещенный театр и интересная пьеса Островского привели меня в хорошее расположение духа.

На обратном пути в карете сестры расспрашивали, каким образом я приехала, и что произошло дома. Я все рассказала. Сестры добродушно смеялись, слушая меня.

— А все Прокофий виноват, это он насплетничал папа, — говорила Лиза. Мама все время молчала, она очевидно, не хотела говорить против отца.

Дома после чая, когда все разошлись, я прислушалась к громким голосам родителей, доносившимся до буфета, где я стояла, нарочно не идя к сестрам ложиться спать. Между родителями шел горячий спор, и я знала, что это из-за меня. В детстве моем ссора отца с матерью была для меня ужаснее всего.

Внутренний голос говорил мне, что мать была права, а сердцем я была благодарна отцу.

Я легла спать, но не могла заснуть. Мне хотелось идти просить прощения у матери, но я не решалась. Хотелось с кем-нибудь поделиться своим горем, но с кем? Сестры уже спали. С няней? Но ночью к няне идти нельзя. Я прочла молитву, прибавив от себя: "Прости, господи, мое прегрешение", перекрестилась и заснула."

Папа ничего не заметил. Из книги писательницы Анастасии Ивановны Цветаевой "Воспоминания".

"Я с папой иду по улицам Севастополя. Ветер. Витрина книжного магазина. Смотрит ли папа на книги? Как я увидела маленькую книжечку "Загадочных картинок", мою страсть находить: "где кучер?" "где девочка?" — находить их в изгибах деревьев, в очертании крыш, в облаке... Сердце замирает. Попросить папу

купить? Невозможно! Никогда! Мы никогда не просим. Ведь просить — стыдно. Это мы знали с детства. Я стоически ухожу от окна. Но когда я шагаю с папой по тротуару, боль в сердце достигает такой остроты, расставание с загадочными картинками превышает мои силы.

— Папа, — говорю я, не помня себя от стыда, — там в окне книга... Маленькая! "Загадочные картинки"...

Больше я не могла говорить.

— Картинки? — отозвался вызванный из задумчивости папа. — Так тебе их купить?

И он повернул, я — за ним. Я шла в горячем вихре стыда. Но счастье его смело. Когда папа заплатил за него двадцать пять копеек серебряными монетками и книжка оказалась в моих руках, я шла назад счастливая. Но когда мы вошли в комнату, где нас ждала мама, и она увидела в моих руках купленное, я, должно быть, выдала лицом непрочность своего счастья. Мама сразу поняла, что не папа выбрал мне эту книжку, — ей это было ясно. Она ничего не сказала. Она только на меня поглядела. И стыд победил счастье. Оторвавшись от книги, неумолимый взгляд [сестры] Маруси уже шел за каждым моим движением, беспощадно-насмешливо. Глаза ее были чуть суженными, в невыразимом презрении. И только папа, давно забыв о покупке, не замечал этой трагической пантомимы."

Урок честной самокритичности. Из книги философа Сергея Евгеньевича Трубецкого "Минувшее".

"Я хочу рассказать об одном полученном мною уроке, память о котором останется у меня на всю жизнь.

Мне было лет девять. Мы проводили лето в Наре. Дедушка Щербатов любил всякие технические новшества и выписал в Нару фонограф. Тогда этот аппарат был еще редкостью. Звук записывался на нем не на круглых пластинках, как в современных грамофонах, а на восковых пустых валиках.

Этим летом в Наре жили кроме нас еще мои двоюродные братья, Петрово-Соловово. Детям было запрещено без взрослых пускать фонограф. Однако скоро для меня, как для старшего, было сделано исключение и Мама позволила мне его пускать, "когда это никому не мешает".

Пользуясь этим правом, я однажды сидел один после завтрака в пустой гостиной и слушал, как сейчас помню, арию тореадора из "Кармен". Через комнату неожиданно прошел Дедушка, он имел озабоченный вид. Вдруг он заметил меня: "Сережа, что ты тут делаешь? Тебе же запрещено пускать фонограф!" — "Нет, Дедушка, — ответил я, — Мама позволила мне его пускать". — "Неправда! — сказал Дедушка раздраженно, — останови фонограф и иди к себе!"

Я был оскорблен до глубины души — Дедушка сказал мне, что я говорю неправду, он не поверил мне! Я сразу побежал рассказать о случившемся Мама и сказал ей, что отныне мои отношения с Дедушкой будут исключительно формальные. "После того, что мне сказал Дедушка, я могу быть с ним только почтителен, но любить его я больше не могу и не люблю его никогда в жизни!" — Мама ответила мне, что со стороны Дедушки тут было просто недоразумение, которое, конечно, скоро выяснится, но она обрушилась на меня за мои "бессердечные" заявления, "как тебе не стыдно так говорить о Дедушке..." Однако я остался сух и непреклонен...

Мама, очевидно, хотела переговорить с ним о случившемся, но не успела, Дедушка пошел к себе отдыхать. Настало время дневного чая, и мы все спустились вниз. За чаем я сидел с подчеркнутым чувством собственного достоинства, чего, к моему большому сожалению, Дедушка даже не заметил; сам он был как всегда...

После чая все поехали в Алексеевский лес, в нескольких экипажах, я должен был ехать туда же верхом, но... я поехал в другую сторону.

К обеду приехало несколько гостей из Литвинова — имения тети Софьи

Щербатовой, вдовы старшего брата Дедушки. Не помню, приехала ли сама тетя Софья, но тетю Машеньку Долгорукову (ее дочь) я в этот день хорошо помню, и она была не одна.

После второго звонка к обеду, мы, дети, с нашими учителями и гувернантками стояли, как полагалось, у нижнего конца длинного обеденного стола. Я был по-прежнему полон достоинства...

В столовую вошел Дедушка с Папа, Мама, дядями, тетями и гостями. Все шло как обычно... Вдруг Дедушка вместо того, чтобы пойти к своему креслу, направился на наш конец стола, и мне, как и всем, сделалось ясно, что он идет именно ко мне.

— Сережа! — громко сказал Дедушка, так что все присутствовавшие, в том числе — люди, это услышали, — я тебя сегодня обидел. Я думал, что ты сказал мне неправду. Но я был не прав: ты неправды не сказал. Прости меня!

Я стоял в оцепенении. Все смешалось в моих глазах. Я не мог выговорить ни слова. И вдруг я зарыдал...

Даже сейчас, при воспоминании об этой сцене, что-то подкатывает у меня к горлу... Такие уроки — незабываемы!"

Тонкое это дело — семья. Читайте мемуары и думайте, дорогие друзья...

Как пожизненно совершенствуются люди, которые достигли высочайшей доблести и достоинств?

Время правления Марка Аврелия, императора с 161 по 180 год, считается блестящей главой в истории римской монархии. Этому философу на престоле пришлось многие годы провести в оборонительной войне, в военных походах, отражая варваров, теснивших римские границы.

В то же время он заботился о внутреннем благоустройстве империи, уделяя особое внимание законодательству и судопроизводству. В «Размышлениях» («К самому себе»), написанных Марком Аврелием по-гречески и найденных после его смерти в его походном шатре, он писал: «Я носил в своей душе образ свободного государства, в котором все управляется на основе одинаковых для всех законов и равного для всех права».

Он лично принимал участие в заседаниях сената, в судебных разбирательствах.

Сборник рескриптов Марка Аврелия пользуется авторитетом у юристов последующих поколений.

Что отличало Марка Аврелия? Сердечность и незлобивость. Скромность и мужественность. Благочестие, щедрость и воздержание не только от дурных дел, но и от дурных помыслов. Простой образ жизни, далекий от всякого роскошества. Нелюбовь заниматься пустяками и неверие в рассказы чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании бесов и тому подобных вещах. Истинная любовь к детям, к домашним, к истине и справедливости.

По единодушному свидетельству современников, он был вынослив в трудах, не поручал своего дела другому. Его не выводило из себя свободное слово. Был невосприимчив к клевете и всегда готов примириться с оскорбителями и обидчиками, лишь только они сделают первый шаг.

Его жизненный и политический стиль показал, что в одной и той же личности величайшая настойчивость может ужиться со снисходительностью.

Он пользовался доброй славой, не вызывая шума, и обладал большими познаниями, не выставляя их напоказ. Не держал увещательных речей, не разыгрывал напоказ ни страстотерпца, ни общего благодетеля.

Марк Аврелий был педагогом на троне. Он от чистого сердца воздавал хвалу учителям. Он обладал знанием, где нужны меры строгости, а где кротости. Никогда не выходил из себя, когда приходилось растолковывать что-либо. Умение и сноровку

в передаче познаний почитал своим достоинством.

Что давало ему силы всегда оставаться верным себе, при жестокой боли, при потере ребенка, в опасной болезни? — Непрестанное и упорное, напряженное самосовершенствование. Требовательность к себе, а не к другим.

Он рано пришел к мысли о необходимости самому исправлять и образовывать свой характер. Серьезно занимался философией и уже ребенком писал диалоги.

Его беспрецедентный дневник мыслей, раздумий и адресованных себе увещаний содержит в себе пассажи, не утратившие и в наше время уникального качества моральных истин и образцов. Вот некоторые из них:

"Стремление к самосовершенствованию делает человека справедливым, не подверженным страстям, неутомимым в трудах, безопасным от всякой клеветы, нечувствительным в несчастьях, смелым борцом в великом состязании — в борьбе со своими страстями.

Никак не следует предпочитать благу разума что бы то ни было другое, вроде похвалы людей, власти, богатства.

Да и что волнует тебя? Людская злоба? Но подумай о том, что так многие враждовали, завидовали, ненавидели, ссорились, — и все же в результате умерли и обратились в прах. Перестань же сердиться.

Беда может постигнуть всякого, но не всякий сумеет перенести ее бодро. Постигшее тебя бедствие не может помешать тебе оставаться справедливым, великодушным, мудрым, благоразумным, правдивым, совестливым, свободным.

Я часто удивлялся тому, что люди любят себя больше всех других, мнение же свое о себе ставят ниже, чем мнение других людей о себе. Если бы какой-нибудь бог или разумный учитель приказал, чтобы люди каждую свою мысль, при самом ее зарождении, высказывали вслух, публично, то это приказание соблюдалось бы не долее одного дня. И это потому, что мы более заботимся о том, что о нас подумают другие, чем о собственном мнении.

Так как препятствующие тебе идти по прямому пути не могут отвратить тебя от хорошего дела, то не следует лишать их своей благосклонности. Ибо сердиться на них такой же признак слабости, как и отказ от дела, поддавшись их ударам. И то и другое одинаково заставляет покидать свой пост, одно из-за страха, другое — из-за вражды.

Благосклонность, если только она искренняя, без притворства и лицемерия, непобедима. Что может поделаться с тобой оскорбитель, если ты продолжаешь относиться к нему благосклонно.

Не сердиться и не роптать — в этом признак силы, крепости нервов и храбрости. Как печаль, так и гнев — признак слабости. И то и другое ранит нас и предает в руки врага.

Знай, что душа, свободная от страстей, представляет собой настоящую крепость. У человека нет убежища вернее, где бы укрывшись, он мог выдержать осаду, не рискуя попасть в плен. Кто этого не понимает — невежда. А кто понимает, но не прибегает к этому, подвержен несчастьям".

О силе ранних впечатлений

Какова роль впечатлений детства в судьбе человека?

Софья Ковалевская (1850-91) принадлежит к ряду самых выдающихся русских математиков, механиков и астрономов.

В 1874 году Геттингенский университет присвоил Ковалевской докторскую степень. Через четыре года Ковалевскую избрали в члены Московского математического общества. Позже она получила кафедру математики в Стокгольмском университете. В 1888 году ей присуждена Парижской академией наук премия за исследование по механике. В 1889 году Ковалевская получила премию от

Стокгольмской академии и стала первой русской женщиной, избранной в члены-корреспонденты Санкт-Петербургской академии.

Ковалевская открыла новый случай движения тяжелого твердого тела, имеющего неподвижную точку, в дополнение к двум случаям, до нее открытым Эйлером и Лагранжем.

Наблюдательная и вдумчивая, она обладала еще и большой способностью к художественному воспроизведению виденного и пережитого. Повесть "Нигилистка" была написана Ковалевской на шведском языке. По-русски из литературных произведений Ковалевской появились в частности, прелестные "Воспоминания детства".

Обратимся к ним.

Софья Васильевна пишет о своем дядюшке Петре Васильевиче:

"Я считалась его любимицей, и мы, бывало, часами просиживали вместе, толкуя о всякой всячине. Когда он бывал занят какой-нибудь идеей, он только о ней одной мог и думать, и говорить. Забывая совершенно, что он обращается к ребенку, он нередко развивал передо мной самые отвлеченные теории. А мне именно то и нравилось, что он говорит со мной как с большой, и я напрягала все усилия, чтобы понять его..."

Хотя он математике никогда не обучался, но питал к этой науке глубочайшее уважение. От него услышала я, например, в первый раз о квадратуре круга, об асимптотах, к которым кривая постоянно приближается, никогда их не достигая, о многих других вещах подобного рода. Смысл их я, разумеется, понять еще не могла, но они действовали на мою фантазию, внушая мне благоговение к математике как к науке высшей и таинственной..."

Говоря о первых своих соприкосновениях с областью математики, Ковалевская сочла необходимым упомянуть об одном очень курьезном обстоятельстве, тоже возбуждившем ее интерес к этой науке.

"Когда мы переезжали на житье из Калуги в деревню, весь дом пришлось отделать заново и все комнаты оклеить новыми обоями. Однако не рассчитали вполне точно необходимое количество, так что на одну комнату обоев не хватило.

Детскую просто обклеили бумагой, благо на чердаке в доме имелась масса накопившейся за много лет бумаги, лежащей там без всякого употребления.

По счастливой случайности вышло так, что на чердаке оказались литографированные записи лекций по дифференциальному и интегральному исчислению академика Остроградского, которые некогда слушал мой отец, будучи еще совсем молоденьким офицером. Вот эти-то листы и пошли на оклейку моей детской. В это время мне было лет 11.

Разглядывая как-то стены детской, я заметила, что там изображены некоторые вещи, про которые мне приходилось уже слышать от дяди. Будучи вообще наэлектризована его рассказами, я с особым вниманием стала всматриваться в стены. Меня забавляло разглядывать эти пожелтевшие от времени листы, все испещренные какими-то иероглифами, смысл которых совершенно ускользал от меня, но которые, я это чувствовала, должны были означать что-нибудь очень умное и интересное. Я, бывало, по целым часам стояла перед стеной и все перечитывала там написанное.

Вследствие долгого рассматривания я многие места выучила наизусть, и некоторые формулы, просто своим внешним видом, врезались в мою память и оставили в ней по себе глубокий след. В особенности памятно мне, что на самое видное место стены попал лист, в котором объяснялись понятия о бесконечно малых величинах и о пределе.

Когда, много лет спустя, уже пятнадцатилетней девочкой, я в Петербурге брала первый урок дифференциального исчисления у прекрасного преподавателя

математики Александра Николаевича Страннолюбского, он удивился, как скоро я охватила и усвоила понятия о пределе и производной.

— Вы так поняли, как будто знали это наперед. — Я помню, он именно так и выразился.

И дело, действительно, было в том, что в ту минуту, когда он объяснял мне эти понятия, мне вдруг живо припомнилось, что все это стояло на памятных мне листах Остроградского, и самое понятие о пределе показалось мне давно знакомым".

Роль ранних, детских и юношеских, впечатлений в дальнейшей судьбе человека колоссальна и не может быть преувеличена.

Может ли хорошее воспитание быть истинно могущественным?

Могущество воспитания демонстрируется множеством случаев. В частности, и "штучным" аристократическим образованием.

Пластичность человеческих возможностей — обучаемости и воспитуемости — колоссальна. И влияние стиля, содержания и характера воспитания на образ жизни разных людей — несомненный факт.

Например, отец Людовика Пятнадцатого — герцог Бургундский, который родился в 1682 г. Несмотря на раннюю смерть, он считается наиболее интеллектуальным и одаренных из всех Бурбонов.

Его жизнь состоит из двух, совершенно не похожих друг на друга, жизней. Во второй ее половине он стал полной противоположностью самому себе.

Первые двадцать лет жизни это был нетерпеливый, капризный и крайне нетерпимый человек. Он подавлял всякое несогласие с собой. Чувственный, чтобы не сказать распущенный и развратный, картежник, охотник, пьяница. Был высокомерен, презирал людей.

Разнузданный психопат, он очень изменился к лучшему. Преданность жене, любовь к учению, благородство и даже набожность — все это было результатом коренной внутренней революции. Фантастические изменения в принце вызвал к жизни аббат Франсуа Фенелон (1651 — 1715), воспитатель внуков Людовика Четырнадцатого, автор "Телемака".

Это было настоящее педагогическое чудо.

Первым делом Фенелон, назначенный наставником герцога Бургундского в 1689 г., отменил розгу, которой так свободно и с таким бесспорно дурным результатом пользовались при воспитании других Бурбонов.

Не удивительно, но все же ошеломляюще, что воспитанник Фенелона сумел под его влиянием произвести такую кардинальную самоперестройку. Здесь все сыграло роль — и квиетизм Фенелона, и его картезианство.

Форма педагогического творчества Фенелона была художественной: он не придавал своим наставлениям тона отвлеченных правил, а облекал их в конкретную форму басни, мифологического рассказа, аллегории, истории. Их отличала живость изложения, картинное изображение лиц и фактов, тонкий юмор, изящный стиль. Произведение Фенелона "Приключения Телемака" — воспитательный роман. Проблематика "Телемака" — просвещенный правитель, кодекс поведения такого правителя. Взаимоотношение правителя и народа. Деспотия, ее последствия. Законность как надежнейший страж государства. Лесть и ее развращающее влияние. Захватнические войны как источник народных бедствий.

Прежде всего, Фенелон хочет понять, как рождается "порок на престоле", хочет уяснить механизм этого явления. Происходит своеобразное осмысление уроков царствования.

Вот основные предупреждения Фенелона об опасностях власти.

Коварство и алчность всегда у подножия трона. Люди честные уходят: они не льстецы и не наглы. Злые, напротив того, дерзки и хитры, неотступны и вкрадчивы, раболепны, лицемерны, готовы на все против чести и совести, когда дело идет об угождении сильному. Каждый находит в обмане царя свою пользу. Алчность кроется под личиной усердия.

И горе царю, когда он не гонит от себя лести и не любит тех, кто смелым голосом говорит ему правду.

Царь принадлежит не себе, а своим подданным. Даже малые его ошибки часто влекут за собою роковые последствия: народ иногда страдает от них целые века. Он должен смирять наглость порока, низлагать клевету, быть щитом для невинности. Долг его поставить преграду злодеяниям. Правосудие — верный щит бедному от силы богатого.

"Телемак" был учебным пособием для монархов. Не меньшее значение имело и другое произведение Фенелона — "Вопросы для совести". Это произведение Фенелона представляет 38 вопросов о королевских обязанностях, заданных будущему правителю. Это своеобразный экзамен на право называться королем.

Привлекает внимание широта проблематики и острота постановки "Вопросов для совести". В самой острой форме Фенелон формулирует вопросы об отношении наследника к народу, к закону, к налогам, к войнам. Нередко вопросы переходят в рассуждения или рассуждение заканчивается вопросом. Читатель невольно включается в мыслительный процесс.

Герцог Бургундский стал настолько просвещенным человеком, что заявлял: "Короли созданы для своих подданных, а не подданные для королей, они хранители законов и справедливости, они не могут награждать, а только компенсировать, ибо они должники. Ничего не имеющие сами, они и награждать могут только за счет своих народов".

Удаленный от двора, Фенелон продолжал следить за развитием своего ученика. Принц стал проявлять признаки излишнего благочестия, подолгу молиться, превращаться в полумонаха. Фенелон пишет ему письмо, получает ответ, снова пишет. И, наконец, добивается резкого смягчения внешнего благочестия.

Герцог так глубоко осознал обязанности принца перед народом, что, когда однажды он увидел мебель, которая ему очень понравилась, а она оказалась слишком дорогой, он отказался от покупки, говоря: "Самое необходимое для подданных может быть гарантировано только тогда, если принцы отказываются от излишеств".

Дофин умер в феврале 1712 г. Из прожитых им тридцати лет пятнадцать последних он оставался лучшим из учеников Фенелона.

Соль земли и свет мира

Биография химика Николая Николаевича Зинина (1812-80) составлена двумя его ближайшими учениками — Александром Михайловичем Бутлеровым (1828-86) и Александром Порфирьевичем Бородиным (1833-87). Без научной школы Бутлерова (среди его учеников — Марковников, Зайцев, Фаворский, Кондаков) невозможно представить развитие химии в России. А имя Бородина занимает одно из первых мест в истории высшего женского образования в России.

Ассистентом и ближайшим помощником Петра Николаевича Лебедева (1866-1912), создателя первой научной школы физиков в России, был Петр Петрович Лазарев (1878-1942). Лазарев, в свою очередь, стал учителем Сергея Вавилова, Александра Минца, Петра Ребиндера, Василия Шулейкина, Эдуарда Шпольского.

Русский писатель Мельников-Печерский (1818-83) был учителем истории в нижегородской гимназии. Ему обязаны любовью к истории два выдающихся русских

ученых — Степан Васильевич Ешевский (1829-65) и Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829-1897). Оба они позже стали и педагогами высшей школы. Владимир Иванович Ламанский (1833-1914) — крупнейший славист-историк — ученик Измаила Ивановича Срезневского (1812-80). Из школы Ламанского в свою очередь вышел академик византист Федор Успенский (1845-1928) и многие профессора-слависты.

Павел Ефимович Басистов (1823-82) — преподаватель русского языка и литературы в московских учебных заведениях. На своих многочисленных учеников Басистов оказывал сильное нравственное влияние, что засвидетельствовала, например, в своих воспоминаниях знаменитая артистка Гликерия Николаевна Федотова (1846-1925). Федотова сама была замечательным театральным педагогом.

Профессор философии Михаил Иванович Владиславлев (1840-90) лучшим своим учеником и соратником имел Александра Ивановича Введенского (1856-1925). Учеником и последователем философа Введенского стал яркий философ Иван Иванович Лапшин (1870-1952).

Андрей Иванович Иванов — исторический живописец (1775-1848), отец знаменитого художника Александра Иванова. Он отличался умением передавать свои познания ученикам, из которых многие обязаны ему своими последующими успехами. Он был наставником Карла Брюллова и первым руководителем своего сына. К школе Брюллова примыкал как художник и Тарас Шевченко, который тоже был его учеником.

Владимир Лукич Боровиковский (1757-1825), один из лучших портретистов славянского века Просвещения. Среди его учеников был художник Алексей Гаврилович Венецианов (1780-1847), педагог-реформатор. Оригинальная педагогическая система мастера привела к рождению особой венециановской школы, наиболее характерной и самобытной из всех школ русского искусства XIX века.

Максим Никифорович Воробьев (1787-1855) был наставником целого поколения русских пейзажистов. В длинном списке его учеников Иван Иванович Шишкин (1832-98). Один из любимых учеников Шишкина — замечательный художник Григорий Иванович Чорос-Гуркин (1870-1937).

Иван Николаевич Крамской (1837-87) — художник, критик, теоретик искусства, педагог. Самым знаменитым его учеником стал Илья Ефимович Репин (1844-1930). Среди учеников Репина — Борис Кустодиев, Игорь Грабарь. Репин давал также частные уроки Валентину Серову.

Чайковский — ученик Антона Рубинштейна. Профессор Московской консерватории с 1889 года, Чайковский вел классы свободного сочинения, теории, гармонии и инструментовки. Среди его учеников — Сергей Иванович Танеев. Учеником Танеева был, в частности, композитор Сергей Михайлович Ляпунов (1859-1924). Ляпунов сам позже был профессором Санкт-Петербургской (Петроградской) консерватории.

Музыкальный педагог Юлий Иванович Иогансен (1826-1904) имел немало выдающихся учеников, в частности, Николая Андреевича Римского-Корсакова. Римский-Корсаков стал учителем Николая Яковлевича Мясковского (1881-1950).

В Новом Завете двенадцать апостолов — ученики, ближайшие последователи Христа. Иисус Христос омыл им ноги, подавая пример взаимного служения. В Нагорной проповеди Иисус Христос призвал своих учеников к учительствованию.

"Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленой? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поправление людям. Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы.

И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме.

Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного" (Матф. 5, 13-16).

Учитель готовит учеников к учительствованию.

Чтобы стать учителем, надобно пройти ШКОЛУ. Не просто школу, а еще и ШКОЛУ — как ученичество, послушничество и приобретение опыта.

Учитель — ученик — учитель. Культура и есть плод этого вечного круговорота. И пути развития отечественной культуры во всех ее областях те же.

"Не оставляйте стараний, маэстро..."

Невозможно "технологизировать" ни воспитание, ни обучение

Сейчас модным стало заменять воспитательное искусство "технологиями". Но что такое технология в смысле слова? – Алгоритм жестко детерминированных технических действий. Математически выверенная последовательность манипуляций, приводящая к заведомо известному результату.

Кто станет спорить, что основанные на технологиях рецепты и инструкции полезны? Но они применимы к чему угодно, кроме души человеческой, текучей, подверженной настроениям, зависящей от самочувствия и даже погоды.

Ведь дважды два – четыре только в узко ограниченном числе случаев, а именно – когда складываются (умножаются) одинаковые и притом не меняющиеся во время сложения предметы. Например, две и две спички – четыре спички, но две спички и две коровы не складываются. Две и две капли воды скорее дадут одну каплю, а не четыре. Что же говорить о воспитании и обучении, в которых найдутся и спички, и коровы, и капли воды, и все на свете!

Чем вызваны надежды на педагогические технологии? Конечно же, благими намерениями обойтись без плохого воспитателя и учителя. Но безжалостная история педагогики свидетельствует о том, что все подобные попытки потерпели крах. Возьмем для примера историю школьного учебника.

Сократ свысока смотрел на книгу как учителя: с таким молчаливым учителем нельзя вести диалог. А какое же развитие ума без обсуждений, без спора?

Сократ был мастер в искусстве помогать молодому человеку рождать истинную мысль и крепить, оттачивать ее на оселке жизненных противоречий. Не всякий воспитатель овладевает таким мастерством. И на помощь ему пришла книга — сперва рукописный, а потом печатный учебник.

Учебник, учебник... Противоречивая — полезная и вредная, спасительная и опасная штука! Пришёл на помощь. А частенько мешал.

Свободу дискуссий вытеснило следование и учителем и всеми его учениками за «руководством», как не случайно именовался учебник вплоть до недавнего еще времени. Он давал материал для заучивания, и учитель стал во многих отношениях машиной для выспрашивания уроков, вытвержденных детьми по учебнику. Грустной и тяжелой стала школьная повинность...

Тогда история нашла человека, сделавшего, казалось бы, невозможное. Великий сын революционного XVII века Коменский создал первые учебники, отвечающие природе детского восприятия, естественному способу познания — с целью обезопасить школу от неумелого учителя, от неприродосообразного обучения. Чтобы никто не ушел из школы обиженным — обделенным мудростью. Чтобы в этой «мастерской света» безотказно, почти автоматически из каждого ученика мудрости получался мастер мудрости или по меньшей мере кандидат в мастера.

С тех пор и поныне лучшие учебники учатся вести диалог с учениками. Чего только ни напридумали с благой целью технологизировать педагогически полезное

обучение, приблизив учебник к сократическому живородящему чуду! Иллюстрации, задания, упражнения, методические указания, психологически оправданная структура, разные шрифты, многоуровневое изложение, рассчитанное на все возможные вкусы и способности, простые и увлекательные способы самопроверки и многое иное...

Особые надежды возлагались на программированный учебник: ведь его диалог с учеником позволяет каждому идти своим шагом! Еще лучше — двусторонняя связь с группами или отдельными школьниками обеспечивается компьютерными пособиями. Радио и телевидение также создали свои аналоги учебников...

Но вся история педагогики подтверждает вечную правоту Сократа: пособие — и архинаилучшее! — не педагогическая сила. А только возможность проявления этой силы. Могущество и бессилие, блеск и нищета, огромные возможности и полная бесполезность, благо и зло учебника как такового, как учебного средства — зависят от особых условий. И имя этим особым условиям — воспитатель, учитель.

Воспитателя ничем заменить нельзя. Хороший учебник (рукописный, печатный, электронный, всякий) на всем протяжении своей истории хорошо помогал хорошему учителю, среднему — средне, плохому же, вопреки ожиданиям, не помогал. Одновременно плохой учебник (а таких, увы, слишком много) никогда не мог помешать в работе настоящему педагогу, усугубляя разрушительную деятельность учителя слабого.

Помните искусственного соловья? Да-да, из Андерсена? Даже усыпанный бриллиантами, неотразимо прекрасный заводной соловей ломается именно тогда, когда ему надобно сделать непредвиденное: отогнать смерть. А спасает только живой, настоящий и довольно невзрачный соловей.

Почему так? Да потому что сколь угодно прекрасная программа, заложенная в то или иное учебное пособие или устройство, не взглянет на ребенка, как мать, и не почувствует природу его затруднений, как опытный учитель. Потому что ни одна технология в мире никогда не заменит гармонизирующих личных отношений между совместно обучающимися детьми и их руководителями. Потому, наконец, что на характер воспитания, на отношение к познанию, на рост души влияют те эмоциональные связи, которые устанавливаются независимо от чьих-либо намерений между взаимодействующими участниками этого сложнейшего процесса.

Воспитатель — "зараза" в том смысле, что он "заражает" подопечных своими личностными свойствами, а технология равнодушна. Воспитатель наблюдателен и гибок: он изменяет свои действия в зависимости от сиюминутных ситуаций, из коих и состоит педагогический процесс. А технология для всех и всегда одинакова. В этой одинаковости заключена ее огромная опасность.

Приведу потрясающий пример в обоснование нашего главного тезиса.

Единственный промах отца. Леопольд Моцарт (1719 - 1787) был первоклассным музыкантом, композитором, исполнителем, дирижером и выдающимся педагогом. Обучался в аугсбургской гимназии, где получил широкое общее образование и научился играть на скрипке и органе. В 1737-1739 годах изучал философию и право в Зальцбургском университете.

Разумеется, свою дочь он приобщал к музыке, и она выросла в очень славного исполнителя. Но с ней Леопольд Моцарт начал занятия в обычном для детей возрасте. А ее младший братик Вольфганг Амадей, присутствуя на уроках сестры и других учеников отца, порывался повторять все, что делали старшие.

Леопольд рассказал своим друзьям, как двухлетний Вольфганг боролся со сном, чтобы послушать музыку Скарлатти-младшего, но ему никто не поверил.

Когда Леопольд убедился к своему изумлению во всепоглощающей любви своего трехлетнего сына к музыке, то, вопреки здравому смыслу и всем обычаям, без отлагательств стал обучать его игре на клавесине, органе и скрипке. Seriously

изучалась также музыкальная композиция.

Леопольд Моцарт позаботился о том, чтобы занятия детей шли строго и планомерно. И не только музыкой, но и обычными школьными предметами.

Леопольд обучал детей французскому, учил читать молитвы по-латыни и непринужденно держаться в гостиных. Его радовало, что Вольфганг все более совершенствуется в игре на скрипке и все искусней играет на клавикордах и клавесине. Обнаружив, что мальчик сочиняет собственную музыку для клавесина, Леопольд заставил его изучать произведения других композиторов. Среди них были вещи Адольфа Гассе, Георга Телемана и Карла Филиппа Эммануила Баха. К шести годам Вольфганг все их играл наизусть и сам сочинил для клавесина три менуэта и аллегро.

Успешно шли занятия также арифметикой, историей и географией. Кроме того, Вольфганг приступил к изучению и итальянского языка. В те времена для композитора это было обязательным.

Вольфгангу семь лет. У мальчика живой, пылливый ум. Своим чередом идут занятия чтением, правописанием, языками. Самый любимый предмет - математика. Каждый день он исписывает примерами и задачками обе стороны грифельной доски. И, если места на доске не хватает, мальчик продолжает выводить большие кривые цифры прямо на столе и даже на полу.

Леопольд Моцарт хорошо сознавал, что, как ни велика музыкальная одаренность его детей, без упорного, настойчивого труда серьезных результатов им не достигнуть.

"Дети мои одарены таким талантом, - писал в одном из своих писем Леопольд Моцарт, - что, помимо родительского долга, я бы всем пожертвовал ради их воспитания. Каждая потерянная минута - потеряна навеки... Но вы знаете, что дети мои привыкли к работе. Если бы что-либо могло отвлечь их от работы - я бы умер с горя".

Отец привил сыну работоспособность, которой отличался и сам.

Если бы кто-нибудь попробовал хотя бы просто переписать все ноты Моцарта Младшего, у него на это ушла бы вся жизнь.

И Моцарт Младший всю жизнь встает с рассветом. Для творческого труда утренние часы самые лучшие. Пока мир проснется, у него готовы уже страницы, обильно исписанные гениальными произведениями красоты, ума, вкуса, фантазии.

Единственное, чего не смог добиться Моцарт-отец от Моцарта-сына, сколько ни бушевал и ни увещевал своего бесценного Вольфганга Амадея, так это его женитьбы по расчету — на богатой.

В письме величайшего из гениев человечества своему отцу от 7 февраля 1778 года значится: "Г-ну фон Шиденхофену было суждено выбрать себе богатую жену... Таким высоким персонам вовсе не пристало еще и любить свою жену, раз уж она исполняет свой долг и производит на свет неуклюжего наследника. Но мы, бедные простые люди, не просто должны, а можем и имеем право взять себе жену, которую мы любим, и которая любит нас, потому что мы не принадлежим к знати, не высокородны и не благородны, не богаты, а напротив, бедны. Следовательно, мы не нуждаемся в богатой жене: наше богатство умирает вместе с нами, ибо оно у нас в голове и его не может отнять у нас ни один человек, разве что нам не отсекут голову, а тогда нам больше ничего и не нужно."

Педагог-отец сделал все, чтобы наполнить голову сына богатством мыслей, и не заметил, что преизобилия этого богатства его сыну довольно для мучительно трудной, бедной и временами даже нищенской, независимой и прекрасной, исполненной любви и творческих дерзаний, жизни.

Воспитатель, от тебя, в конечном счете, зависит всё! Узким и жестким методическим предписаниям ("технологиям") следует предпочитать культурные

нормы в их вариативности и разбросе, нормы, носителями коих являются живые воспитатели и учителя. Хочется повторить за Булатом Окуджавой, но обращаясь не к Моцарту, а к воспитателю:

"Не оставляйте стараний, маэстро,
Не убирайте ладони со лба."

"Что ты узнал сегодня в школе?"

Волшебный вопрос. Достаточно спросить малыша, о чем сегодня говорила в классе учительница, как он, отвечая на этот вопрос, выполнит все или почти все домашние задания. Почему так?

Истинная цель педагогически оправданного домашнего задания — повторение изучавшегося на уроке, закрепление пройденного. Припоминая то, о чем шла речь на сегодняшних занятиях в классе, дитя повторяет и закрепляет в своем сознании учебный материал. Остальное — дело механики, навыка.

Если ребенок с готовностью отвечает на подобные вопросы, значит, ему интересно в школе и даже, возможно, комфортно. Это значит, что ему повезло на хороших учителей.

И еще один "убитый заяц": родители получают шанс помочь детям справиться со школой. Ведь содержание ответов бывает разным: полезным, нейтральным, вредным. Полезное для школьника надо поддерживать, поощрять, закреплять. Бесплезное — стремиться обогатить содержанием. Вредное придется нейтрализовать.

Нужно ли родителям для помощи школьнику много времени? Достаточно пятнадцати-двадцати минут, чтобы принести своему ребенку подчас просто спасительную помощь. Ведь важно не столько количество, сколько качество общения родителей с детьми.

Например, родители не могут не заметить, насколько растет удельный вес математики в современном образовании, и у них есть много возможностей дома предотвратить провалы ребят, помочь своим детям осознать, как полезна и интересна школьная математика.

Для достижения этой благой цели родителям предстоит естественно и наглядно связать алгебру, тригонометрию, арифметические задачи с жизнью семьи и с известными детям явлениями окружающего их мира.

Положим, отец сообщает ребенку: "Я тебя старше на 30 лет. Сколько же мне лет?" — Дитя производит сложение, и родитель предлагает ему записать решенную задачу в форме уравнения:

$$8 + 30 = 38$$

— Интересно, а сколько же лет маме. Если к возрасту мамы прибавить шесть лет, то получится мой возраст. — Давай запишем на бумажке, сколько же лет маме, перевернем бумажку, чтобы решения не было видно, и запишем еще одно уравнение:

$$+ 6 = 38$$

Ребенку не составит труда догадаться, что его любимой мамочке от роду 32 года. Тогда отец переворачивает кусок бумаги, и они видят, что ответ правильный:

$$32 + 6 = 38$$

Это будет первым уроком второклассника по алгебре, поскольку ребенок решил алгебраическое уравнение $x+6=38$, даже не зная еще, что таинственный знак "x" может означать любое число и что существует правило, согласно которому можно плюс перед шестью изменить на минус и перенести в противоположную часть равенства.

У старшеклассника можно спросить, для чего нормальному человеку нужны тригонометрические функции? Если в школе не сообщают учащимся, зачем они

изучают те или иные премудрости, то родителям просто необходимо связать школьные курсы с действительностью. Иначе — бессмысленная зубрежка непонятных вещей.

Между тем, достаточно спросить школьника, что объединяет строительство египетских пирамид с проектированием современного радара и расчетом полета ракеты, как становится ясным значение тригонометрии как великого искусства измерять углы.

Но это все — о вещах полезных.

А может ли семья ожидать от школы дурного? Сколько людей, выйдя за школьный порог, никогда более не читают Пушкина или Толстого из-за прочно привитого им отвращения к классике! Многим школа навсегда перекрыла путь и к химии, и к математике...

“Затемняющее” образование всегда состояло и ныне состоит в принуждении к усвоению чуждой и отдаленной от школьников информации — в виде готовых ответов на вопросы, навязываемые учебником и учителем. “Педант-преподаватель, вся деятельность которого сводится к внушению готовых ответов, готовых схем решения задач, — тем самым не только не развивает у своих учеников ума, но и способствует тому, чтобы этот ум заснул, атрофировался и там, где он уже независимо от него существует”, — писал наш замечательный мыслитель Эвальд Васильевич Ильенков. — “Тем самым педант воспитывает не мыслящих людей, а занимается расширенным воспроизводством нового поколения педантов, то есть людей, знающих все, что им внушили, но неспособных самостоятельно научиться чему-либо новому”.

Что этим достигается? Подготовка новых поколений к отправлению по преимуществу исполнительских функций. А культуры творчества, критического мышления в помине нет. С одураченным таким образом народом легче справиться правящим и господствующим группам.

Образование способно глушить подчас таланты и укоренять чувство неполноценности.

Образование растлевает ханжеством, школьным “двоемыслием”: поощряемым проговаривание вслух не того, что думаешь, а что надобно.

Это во всем мире так. Увы, для жизненного успеха необходимо научиться воспроизводить всё - и полезное, и бесполезное, и самое что ни на есть вредоносное. Иначе — даже не тройки, семерки, тузы, а одни лишь дамы пик.

Творческий учитель везде редкость, большинство старается угодить своим надсмотрщикам, людям без воображения.

Массовое образование окончательно приобрело характер почти поголовной, в национальном масштабе осуществляемой игры. Правила ее внешне просты и безобидны: учащимся надобно переварить слова, произносимые ведущим (“преподавателем”), и предъявить ему продукты переваривания при опросе или на экзамене. Если продукт переваривания не слишком жиденький, то выигравший получает фантик (отметку, зачет, аттестат, диплом и тому подобное). Человек с набором фантиков считается образованным. Проигравший, не- или недообразованный, как правило, получает кучу неприятностей — от порки до дурно оплачиваемой работы.

Игра серьезная, многолетняя, принудительная. От ее последствий во многом зависит судьба отдельного человека и целых народов.

Против оглупляющего образования возвышали голос многие честные люди. Так, Бернард Шоу писал: “С помощью образования бедные остаются бедными, поскольку образование это делает их невежественными.

Дитя заключается в тюрьму, называемую школой, на девять лет под тем предлогом, что его учат-де там читать, писать и говорить на собственном, родном

языке (на самом деле для овладения грамотой больше года — от силы! — ни для кого не требуется). И через девять лет оказывается, что заключенный не умеет прилично ни читать, ни писать, ни говорить...

Богатые люди содержатся последовательно в трех-четыре тюрьмах, общий срок заключения колеблется от 12 до 15 лет, а в число учебных предметов входят классические языки и высшая математика. Результат — умение читать и писать, навыки и выговор праздных богачей, а также нравственная и умственная слабость, делающая их жертвой первого политика-шарлатана, счастливо избежавшего образования, которое получили они”.

Да! Не всякое образование — к добру. Можно долго, много, упорно и добросовестно учиться, становясь при этом все тупее, дичая на глазах и бесконечно удаляясь от истины. Есть способы обучения, погружающего людей в состояние косной и тупой покорности, укореняющего инерционно-инстинктивное мышление и поведение.

“Мы сталкиваемся ныне, — констатировал Бертран Рассел, — с парадоксальной ситуацией, когда образование стало одним из главных препятствий к развитию интеллекта и свободной мысли”.

Я спрашивал в Америке у детей разного возраста, интересно ли им в школе. Ответы звучали искренно: "Дерьмо!", "Школа — дерьмо". (Я стараюсь переводить мягко).

Образование много и часто использовалось и используется в целях оболванивания людей. Для этого производится превентивная “стерилизация” самостоятельного мышления с помощью зубрежки и осуществляется всевозможная идеологическая индоктринация — религиозная, этническая, культурная, политическая, корпоративная, философская.

Детям в школах лгут. Ложь в формах утаивания истины и ее искажения есть главное содержание школьной работы всех времен и народов за сравнительно редкими исключениями, которыми еще живо человечество.

Образование вносит колоссальный вклад в подготовку и осуществление войн.

Взаимные ревизии учебников истории для массовых школ в большинстве так называемых цивилизованных стран мира, проводимые примерно раз в двадцать лет независимыми экспертами-интеллектуалами, обнаруживают, что натравливать друг на друга начинают в школе, внедряя в незащитное сознание молодежи ненависть к “чужим”. И эти приемы стравливания людей практически не изменяются с ходом времени до сего дня.

Классическое исследование Г. Олпорта о психологических корнях этноцентризма и расовых предрассудков показало, что влияние школы (особенно на детей в возрасте от 12 до 16 лет) не менее сильно, чем родителей.

М. Мерло-Понти тоже неоспорим, утверждая, что расовые и этнические предрассудки зарождаются и укрепляются в ребенке, у которого еще нет рефлектирующего мышления, а есть только непосредственные чувственные связи с миром.

Подготовка "пушечного мяса" в школах выгодна всемогущим торговцам смертью, производителям и распространителям вооружений.

Богатства, хитростью и силой отнимаемые у масс, используются на создание и распространение оружия массового уничтожения.

Матери производят на свет будущее "пушечное мясо", учителя готовят его к употреблению. Зачем? Чтобы обогатились сверхвысокопоставленные преступники, профессиональные людоеды, несущие страшные мучения сотням тысяч и миллионам людей.

Почему люди допускают это? Только потому, что вместо образования, развивающего способности, людям подсовывают образование, укореняющее

слабоумие и бездумье.

Жизнь не придумала новых песен о семье и школе. Почти полвека тому назад поэт, детский писатель и музыкант Том Пакстон (родился 31 октября 1937 года) сочинил песню "Что ты узнал сегодня в школе?". Сейчас у Тома трое внуков, а песня его, увы, не устарела. Почему "увы"? — Судите сами по подстрочному переводу:

— *Что ты узнал сегодня в школе,
Малыш мой дорогой?*
— *Что ты узнал сегодня в школе,
Малыш мой дорогой?*
— *Я узнал, что Вашингтон никогда не врал,
Что солдаты редко-редко погибают,
Что все свободны, —
Вот что сказала мне учительница.
Вот что сегодня узнал я в школе.
Вот что сегодня узнал я в школе.*

— *Что ты узнал сегодня в школе,
Малыш мой дорогой?*
— *Что ты узнал сегодня в школе,
Малыш мой дорогой?*
— *Я узнал, что полицейские — мне друзья,
Что справедливость не имеет границ,
Что убийц наказывают смертью,
Даже если за убийцу приняли невинного.
Вот что сегодня узнал я в школе.
Вот что сегодня узнал я в школе.*

— *Что ты узнал сегодня в школе,
Малыш мой дорогой?*
— *Что ты узнал сегодня в школе,
Малыш мой дорогой?*
— *Что наше правительство сильно,
Что оно всегда право,
Что наши лидеры — лучшие люди,
Что поэтому мы их избираем снова и снова.
Вот что сегодня узнал я в школе.
Вот что сегодня узнал я в школе.*

— *Что ты узнал сегодня в школе,
Малыш мой дорогой?*
— *Что ты узнал сегодня в школе,
Малыш мой дорогой?*
— *Я узнал, что войны не так уж плохи,
Что мы всегда побеждали,
Что, может быть, скоро и мне
Выпадет честь воевать.
Вот что сегодня узнал я в школе.
Вот что сегодня узнал я в школе.*

Что же делать? Родители, вы можете помочь своим детям, можете! Что надобно делать? Противодействовать отупляющей зубрежке. Поощрять вкус к

"почемученью". Вместе со своими детьми искать ответы у великих книг и у жизни.

Педагогика есть предупреждение человека об опасностях и ловушках мира. О пропастях, о "волчьих ямах".

Бабушки и дедушки как воспитатели

Психолог Константин Константинович Платонов удачно определил, что человек - это существо, имеющее бабушек и дедушек. Действительно, во всем остальном животном мире детеныши имеют дело только с двумя родителями, а то и вовсе только с матерью. Интересно, как зародился в человечестве сам социальный институт бабушек и дедушек. Вместе с возникновением рода, ближних и дальних предков? Оформлением семьи как таковой?

Судя по устоявшимся в традиционных культурах - например, у индейцев, полинезийцев - родственным отношениям, между детьми и их "старшими родителями" издавна существовала очень прочная душевная связь. И она неизменно теплая, несмотря на постоянное добродушное подшучивание дедушек и бабушек над внуками и внучками. Малые и старые, похоже, всегда находили общие интересы и занятия, задолго до модернизации "большой семьи" и вытеснения ее "ядерной, или малой семьей" (в Европе - с началом индустриальной эпохи).

Но и в "малой" семье родители родителей принимали деятельное участие в воспитании новых поколений. Взгляните на полотно Доменико Гирландайо "Дедушка и внук" (1488 год, Лувр, Париж). Перед нами образ могучей обоюдной эмоциональной привязанности старика с родимым пятном на носу и его совсем юного внука. Без тени умильности, сюсюканья дед с мудрой грустной улыбкой вглядывается в доверчиво прильнувшего к нему малышку, словно выпытывая у него его судьбу или запечатлевая в нем некие спасительные назидания.

Тип семьи определяет, порождает собой тип и характер цивилизации, культуры, ее ауру. Вы согласны? Приведу пример. Лет десять назад я была в командировке в Надыме, городе, построенном на вечной мерзлоте ради добычи нефти. Это был какой-то неживой, неестественный город. Я не сразу поняла, в чем дело. Дети, особенно малыши, были чем-то похожи на детдомовцев. Не в том дело, что детских садов не хватало, что не было во дворах ни зелени, ни цветов, один лишь тусклый песок в песочницах. В тех детях, необычно тихих, тоскливых, остро чувствовалась нехватка любви прежде всего потому, что это был город без бабушек и дедушек: молодые родители приезжали туда, чтобы заработать денег, весь день были на работе, стариков же оставляли на Большой Земле. Без бабушек у подъездов, без дедушек в магазинах и в транспорте, а, главное, в самих семьях город утратил что-то очень важное, жизненно необходимое, особенно для судеб детства.

Как определить социальный и педагогический потенциал старости в современном мире?

Он растет особенно в последнее двадцатилетие: бабушки и дедушки превращаются в существенный фактор рождаемости, оставаясь при этом важным агентом социализации - передачи юным культурных, религиозных, этических норм и ценностей.

В Вашем исследовании по геронтологике впервые на моей памяти так ярко сказано об огромном потенциале развития, заключенном в старости при должном к ней отношении и самого человека, и общества. Но для мотивации этого развития все же, я считаю, мощнейший фактор - внуки. "Внукопедагогика", "внукотерапия"...

Занимаясь с ребенком, бабушка и дедушка могут как бы заново открыть для самих себя мир, который уже было начал тускнеть в их глазах. Что им в этом может помочь, а что, наоборот, помешать?

Ребенок и его бабушка рождаются почти одновременно, и происходят удивительные общественно важные метаморфозы: ненавистная теща и свекровь

превращаются в дружащих бабушек, а тести и свёкры - во вполне сносных дедушек.

Современные бабушка и дедушка нередко приобретают первые в своей жизни знания, например, эсэмэсок, и первые же навыки, к примеру, скейтинга, конечно же, для внуков, вместе с внуками, чтобы не отстать от внуков и иметь с ними еще и еще один общий язык. Для передовых бабушек и дедушек существуют отличные книжки, сборники советов о недорогих поделках и веселых совместных мероприятиях.

"Предкам"-энтузиастам ничто, кроме ухудшения их здоровья, помешать не в силах.

Хорошо бы помогло пожилым воспитателям общенациональное движение типа "Дня бабушек и дедушек". В его рамки могут вместиться тщательно подготовленные добровольцами прекрасные акции, например, анкетирование детьми пожилых, не имеющих внуков, людей в пансионатах и подготовка сюрпризов, даже концертов для них. Одного женского дня мало: ведь надобно подчеркнуть признательную любовь именно к старшему поколению, и дедушек никак нельзя оставлять за бортом внимания. Готовясь к такому всенародному празднику, старики узнали бы много нового и полезного для себя из арсенала "маленьких хитростей" воспитания. Такой общегосударственный праздник с начала 70-х годов прошлого века существует в Америке. Детей поощряют в некоторых случаях брать себе "приемных" бабушку и дедушку.

Бабушкам-дедушкам надобно собираться в свои кружки и общества, чтобы поделиться опытом, себя показать и других посмотреть. Желательна подчас и взаимопомощь.

В особой поддержке и серьезной помощи нуждаются бабушки и дедушки, которые воспитывают своих потомков без их мам и пап, - опекуны, единственные "родители".

Работа, заработок, возраст и воспитание малышей, - всё для них подчас становится трудной проблемой. Не удивительно, что дедушки-опекуны нередко впадают в депрессию, чаще, чем бабушки, и их воспитательные обязанности при этом тоже страдают.

Есть ли отличие (и если есть, то в чем оно) между родительской и бабушко-дедушкинской семейной педагогикой? Бабушка и дедушка могут значить в детской и взрослой жизни больше, чем даже отец с матерью. Почему и что это определяет в их судьбе?

Есть отличие, и оно связано с природой, сущностью, психологией просто родителей и дважды (сейчас люди дольше живут, потому, случается, и трижды, и четырежды) родителей. Если первые родители еще слабо осознают в своих детках залог личного бессмертия или продолжения в них себя, то для старшего поколения их "кровинушки" суть ближайшее и очевидное, естественное и бесспорное наследие. Недаром есть множество книг под названием "Моим внукам" и еще больше мемуаров, посвященных внукам.

Бабушки-дедушки хотят наложить на своих возлюбленных потомков прочное, устремленное в далекое будущее, передаваемое из рода в род, душевное тавро - укрепить во внуках лучшее, о чем мечталось, лучшее, что удалось накопить, надежно спасительное и очень прочное. Любовь ко второму поколению потомков поэтому значительно интенсивнее, напряженнее, ревнивее, чем привязанность к детям. "Внуки - это так здорово, что мне следовало бы сначала заиметь их", - говорят многие "пращурь".

Отсюда - плюсы и минусы бабушко-дедушкиного воспитания, которое в чем-то совпадает с хорошим и дурным воспитанием родителей, а в чем-то разнится. Чаще всего прадеды и праматери отличаются всепрощением, иногда мудрым, а подчас - не слишком мудрым, в то время как их дети более склонны к жестким ожиданиям от своих отпрысков и твердым требованиям к их поведению.

Зато первые и самые подчас важные уроки истории дети получают от бабушек-

дедушек. "Бабушка много-много чего знает; она живет ведь на свете давным-давно, куда дольше папы и мамы - право!", - объясняет детям Ганс Христиан Андерсен ("Бабушка"). Дедушки-бабушки дают мощный заряд любви, которая, если не слишком изнеживает малышей своей чрезмерностью, сильнее привязывает их к жизни, облегчает принятие этого сложного мира и способствует в перспективе их конструктивному участию в труде бытия.

Любая крайность нежелательна, а то и опасна. Так, есть дедушки-бабушки, боящиеся, что избалуют внучат и потому уж слишком становятся строгими, даже жестокосердными. Слишком жестких бабушек следует остерегаться, да и им нелишне побаиваться внуков.

Встречаются бабушки холодные, эгоистичные и равнодушные: они откупаются от внуков попустительством или подарками. Таких дарителей потомки не ценят и благодарности к ним не испытывают.

К сожалению, между двумя поколениями родителей иногда идет война из-за любви детей. Разногласия в педагогических взглядах при этом суть только предлоги для этой борьбы. Бабушки и дедушки жалуются на родителей: мол, неправильно воспитывают детей. Невестка неправильно ухаживает за грудным ребенком.

Случается и наоборот - родители обижаются на бабушек и дедушек. В основном приводят один аргумент - балуют детей.

Иные родители ревнуют своих детей к бабушкам-дедушкам, а эти подчас грешны в попытках снизить образ родителей в глазах внуков.

Чтобы не пострадали дети, всем участникам семейного воспитания абсолютно необходимо добиться взаимного понимания, взаимного признания, поддержки при одновременном разделении воспитательного труда, обязанностей и ответственности.

Примеры великих бабушек-дедушек в истории?

Пожалуйста! Это - фрагмент очень длинного списка.

Няню Пушкина Арину Родионовну предлагаю приравнять к мудрой бабушке.

Лермонтов воспитывался у бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой; получил превосходное домашнее образование (иностранные языки, рисование, музыка).

Сергей Тимофеевич Аксаков, знаменитый русский писатель, имел в детстве живые впечатления гордого семейного сознания. Герой прославившей его автобиографии, дедушка его Степан Михайлович, мечтал о внуке как о продолжателе великого рода.

В возрасте 75-ти лет французский писатель Виктор Гюго издал поэтический сборник "Искусство быть дедом", на создание которого его вдохновили внуки Жорж и Анна.

Бабушка нашего гениального химика академика Николая Дмитриевича Зелинского - Мария Петровна Васильева, на попечении которой мальчик остался после смерти обоих родителей от скоротечной чахотки, - старалась закалять мальчика, и он рос крепким и подвижным ребенком. Зелинский прожил 92 года. На свою первую лекцию Зелинский пришел вместе с бабушкой.

Бабушка Горького Акулина Ивановна Каширина приобщила внука к народным песням и сказкам, но главное — заменила мать, насытив, по словам самого писателя, крепкой силой для трудной жизни.

Поэтической душе своей кровной бабушки был многим обязан, судя по его многочисленным признаниям, Юрий Карлович Олеша.

Беседу вела Ольга Мариничева

Борьба с бедностью в семье и школе

Что мы называем бедностью? Бедный плохо питается, пользуется некачественными медицинскими услугами, носит некрасивую одежду. У него нет или

мало современной бытовой техники. Он не может себе позволить Интернет, изучение иностранного языка, путешествия.

Быть бедным означает иметь постоянное чувство несвободы, ограниченности выбора, который есть у тех, кто богаче.

Что наши дети думают о бедности? По мнению детей, богатый человек — счастливый, образованный, везучий, здоровый и молодой. В детском восприятии трудолюбие не всегда связывается с материальным благополучием. Бедного человека дети представляют себе как несчастного неудачника, но при этом работягу, только необразованного и больного. Причинами бедности дети считают, прежде всего, алкоголь, лень, неприспособленность к жизни, плохое образование. На втором месте у опрошенных школьников оказались причины, с которыми человек не может справиться самостоятельно: болезнь, инвалидность, многодетная семья. Трудности воспитания детей в бедной семье. "...Мои дети постоянно жалуются, что они одеваются хуже своих друзей, что у них нет компьютера или каких-то игрушек, что они не могут пригласить гостей в нашу старую, плохо обставленную квартиру, и так далее. В общем, мои ребята комплексуют из-за того, что наша семья беднее, чем другие.

Но я ничего не могу с этим поделать. У нас неполная семья, нет отца. Мне приходится воспитывать и содержать детей одной. Это очень сложно. Никто и никак мне не помогает, даже родственники. Работаю я в бюджетной сфере, несмотря на то, что стараюсь изо всех сил, получаю мало и с задержками, а устроиться на вторую работу не могу, поскольку в таком случае на детей совсем не останется времени. Понятно, что денег на все не хватает, а потому на чем-то приходится экономить. Я объясняла это детям, но они все равно комплексуют. У меня сердце кровью обливается, когда они в который раз начинают жаловаться, что у кого-то что-то есть, а у них нет.

Потому я прошу помочь мне советом, как правильно с точки зрения психологии говорить с детьми, чтобы они больше не чувствовали себя ущербными и не переживали из-за плохого финансового положения семьи. Буду очень благодарна! Мария, 34 года, Якутск"(электронное письмо из Интернет).

Что требуется от человека, чтобы выбиться из нужды? Надобно сойти с предначертанной колеи. Никто не мешает прекратить на себе род бедных людей и основать новую ветку, новую династию успешных людей, начав ее с самого себя. Надобно стремиться к успеху, освоению новых идей и практических навыков, к разнообразию взглядов и подходов, к мощной динамике жизни. Не "кусочек хлеба, чтобы выжить", а яркий успех в избранной области - вот что должно стать жизненным идеалом.

Постоянная работа над собой, непрерывное самообразование в течение всей жизни, открытость всему новому, широкие интересы - необходимые составляющие успеха каждого и всех, - справедливо считает Владимир Рыжков. Чтобы прорвать "заколдованный круг" бедности, требуется сменить привычные ценности и установки. У большинства бедных обнаруживается психологическая установка на "выживание", их планка требований к себе, своей жизни, ее содержанию и качеству чрезвычайно занижена: это всего лишь "гарантированный кусочек хлеба".

Кроме того, бедные верят в коллективные действия и склонны надеяться на помощь внешних сил (прежде всего государства, чуда, волшебства). В неготовности взять на себя ответственность за свою судьбу, принимать связанный с этим риск, в нежелании на протяжении всей жизни прилагать усилия по повышению собственного профессионального уровня заключена одна из коренных причин бедности. Бедные куда меньше внимания уделяют своему профессиональному росту, только 8 % (против 27% у богатых) посвящает часть времени упорному самообразованию.

Необходимо начать с того, чтобы избавиться от типичной житейской философии бедняков: "синица в руке лучше, чем журавль в небе", так что на многое не замахивайся, ищи надежную, не очень трудную работу, чтобы хватало на жизнь; судьба каждого predetermined, и лучше с ней смириться и не суетиться; чем меньше ждешь от жизни, тем больше доволен тем, что получаешь; старайся, не старайся - жизнь все равно ухудшается.

Стремиться разумно не к великому богатству, а к среднему, но стабильному состоянию. Немногие россияне хотят довольствоваться средним достатком в отличие, к примеру, от жителей Западной Европы. Большинство наших рвется на самый верх, что практически невозможно.

А ведь корысть ненасытна. Можно заболеть алчностью, жадной наживы, гнаться все за большим и большим, и потратить на это всю свою жизнь.

"Подчас бедность заключается не в уменьшении имущества, а в увеличении ненасытности" (Платон). Платону вторит Иоанн Златоуст: "Богатство вредит слишком много, когда делает нас негодными к перенесению превратностей жизни. Итак, воспитем детей так, чтобы они могли переносить все и знали, как должно поступать среди несчастий".

Лучше быть в середине - спокойнее и понятнее. Средств должно быть необходимое и достаточное количество, чтобы бедность не унижала, а богатство не угнетало. Неумеренные запросы и амбиции с отсутствием стремления к духовному совершенствованию и развитию могут сильно повредить душе. Нельзя впасть в отчаяние от бедности, но и нельзя считать себя всемогущим в богатстве.

В том же ряду жизненных ошибок стоит расточительность, и легкомыслие, и недалекость.

Очень точно на этот счет высказался Сергей Довлатов: "Богатство и бедность - качества, от количества денег не зависящие".

Неправильно также рваться из последних сил, чтобы предоставить ребенку все самое лучшее. Даже если очень того хочется.

Щедры наделяя материальными благами своих подрастающих детей, родители лишают их желания добиваться успеха в жизни. Невдомек папам и мамам, что подаривая любимое дитя, они лишают его будущего, то есть мотивации добиваться своего собственными силами.

Запад умышленно заставляет молодежь рассчитывать лишь на собственные силы, - чем не отличная прививка от заниженной самооценки и валяния дурака до старости. Это способствует продвижению в элиту тех, кто родился в бедности, а потому имеет серьезную мотивацию двигаться вверх (Анна Мороз).

Что делать, чтобы воспитать у детей склонность и способность к стойкому благополучию? Личный пример – прежде всего. Нужно меняться самому, и тогда начнут меняться дети. Подайте пример жизненной активности, бодрости и оптимизма: мол, у меня бывают какие-то полосы неудачи, но и у меня же будут победы, как у всех людей. Это очень важно.

Самое влиятельное за всю историю педагогики исследование причин жизненного успеха - так называемый доклад Коулмана (1966 год; Джеймс С. Коулман - американский психолог) - убедило весь мир в том, что школа - всего лишь часть, притом скромная часть, академических и практических успехов людей. А самые главные причины состоятельности людей кроются в семейных традициях, во влиянии отцов на своих детей, в окружающей детей и школу социальной и культурной среде.

В семье и школе необходимо поощрять в детях и молодых людях свободное и доказательное мышление, личную разумную инициативу.

Учить своих детей быть социально активными и способными выжить и жить хорошо в любых обстоятельствах.

Вслед за упражнением детей в самостоятельности их надобно поощрять к хорошей учебе. Лучший способ - с первого класса учиться вместе с ними и радоваться их успехам.

Исследования установили прямую зависимость образовательной активности людей от уровня материального благосостояния. В наше время просто диплома ("корочки") без действительной подготовки мало! А формальное образование, подтвержденное аттестатами и дипломами, с годами все менее точно отражает реальный уровень знаний и навыков. Нужны настоящие знания, умения, способности.

Богатые считают качественное и непрерывное образование и профессионализм одним из важнейших факторов достижения успеха и статусными признаками богатства. Бедные, напротив, причины богатства видят преимущественно во внеобразовательных формах. В своей оценке роли образования в жизненном успехе правы все-таки богатые.

Хорошее образование - безусловный приоритет. Вслед за образованием идет воспитание мужества, стойкости, умения постоять за себя, а также трудолюбия, самодисциплины и организованности.

Заботясь о здоровье детей, родители весьма ощутимо способствуют и их будущему благосостоянию. Поощряйте детей к занятию спортом. Плюс ко всему спорт - еще и правильная школа жизни, где выигрывать надо по правилам, а проигрывать надобно достойно, извлекая уроки на будущее.

Сюда относится также вопрос о любви в семье. Когда дети получают достаточно любви от родителей, и родители создают в семье атмосферу настоящей любви, то дети не будут комплексовать, не будут переживать по поводу атрибутов богатства. Приоритеты для них уже расставлены.

«Надо любить жизнь больше, чем смысл жизни», - вдумайтесь в эту формулу Федора Михайловича Достоевского.

Исторические примеры. Великий поэт и прекрасный живописец Тарас Григорьевич Шевченко родился в семье крепостных крестьян. Ему было 28 лет, когда он впервые смог систематически учиться.

Знаменитый физикохимик Иван Алексеевич Каблуков был восьмым среди тринадцати детей сельского зубного врача, вольноотпущенного крепостного.

Профессор химии и академик Военно-медицинской академии, доктор медицины и великий композитор, выдающийся педагог Александр Порфирьевич Бородин был незаконным сыном некоего князя и солдатской дочери. Ребенка записали сыном дворового человека.

Первоклассный живописец Кузьма Сергеевич Петров-Водкин родился в бедной семье сапожника. Только благодаря поддержке местных купцов-хлеботорговцев он смог получить художественное образование.

Итак. И в нужде, и в роскоши можно безнадежно избаловать ребенка. И в тех же условиях можно воспитать человека совестливого и не эгоистичного. Нравственные качества менее всего связаны с материальным достатком. Если ребенка воспитывать в духе дружелюбия и заботы о других, то он преодолет и богатство, и бедность.

Учимся из-под палки?

Любовь или побои? Есть легенда о том, как пьяный отец жестокостью принудил своего сына стать первой скрипкой мира и выдающимся композитором. Анатолий Корнелиевич Виноградов (1888-1946), один из образованнейших наших писателей, тонкий, глубокий и наблюдательный историк человеческих страстей и свершений, специально изучал документы о жизни Никколо Паганини. И собранными им свидетельствами полностью развеял этот опасный миф. (А. К. Виноградов.

Осуждение Паганини).

Никколо родился некрасивым. "В гурьбе оборванных ребяташек, высыпающих из приюта для неимущих пускать бумажные и деревянные кораблики в лужах или с гамом и криком бросающихся в уличные бои, можно было заметить маленькую обезьянку с выдающейся челюстью, широким лбом, курчавыми черными волосами и очень длинным носом. На этом уродливом лице странно выделялись огромные агатовые глаза. Необычайно красивые глаза поражали своим несоответствием всему облику длиннорукого, кривоногого ребенка с громадными ступнями, с длинными пальцами на длинных кистях."

Как и чем мог самоутверждаться ребенок, обреченный, казалось бы, стать изгоем среди сверстников и взрослых? Мальчик сам научился играть на лютне и гитаре.

В раннем детстве его поразила долгая и страшная болезнь. "Три недели Никколо бредил, соскакивая с кровати; ему связывали руки и ноги, на голову клали полотенце, смоченное холодной водой. Болезнь совершенно истощила его. Он долгое время был оторван от компании своих сверстников. Целыми часами играл он на лютне, пока мать шила, стирала, гладила, готовила скудный обед."

Он уже играл на отцовской гитаре. Потом – на скрипке. "Маленький Паганини играл уже хорошо. Он научился играть по нотам. А когда уходил отец, принимался сочинять сам короткие музыкальные пьесы."

Прознав про достижения своего малыша, отец стал систематически его избивать, что тот прилежнее учился. Однажды, услышав его игру, один выдающийся музыкальный педагог того времени спросил Никколо, кто он и откуда.

– Я из Генуи, – ответил мальчик. – Я сын синьора Антонио Паганини. Отец учил меня играть на скрипке, я люблю скрипку, хотя отец делает все, чтобы я ее разлюбил.

Ему вдруг показалось, что забыты отцовские побои, забыты обиды, захотелось броситься к отцу, сказать, что бить его вовсе не нужно, что он сам сделает все необходимое, он сам любит музыку и скрипку, а после побоев, наоборот, каждый раз он уже совершенно не может играть...".

Подростком Никколо Паганини сбежал из дома, а потом стал тем Никколо Паганини, который является славой и гордостью человечества.

Немного теории. Семья, как и школа, — часть жизни, и в них действуют, преломляясь возрастом и полом, одни и те же законы человеческого общежития. Что-то мы делаем с интересом, а в чем-то другом принуждаем себя, действуем из долга, "через не хочу".

Интерес необходим, но недостаточен: учение требует исполнения заданий, осуществления собственного "веления" (по-научному, воления).

Но человеческий мозг не способен к познанию, если он находится в вакууме; факты, предлагаемые для изучения, для запоминания, должны иметь некоторое отношение к предыдущему опыту личности или к ее настоящим нуждам. Очевидным выводом из этого является то, что одинаковые для всех методы не могут привести к одинаковым результатам в обучении, более того мы желаем сделать методы адекватными разнообразию и особенностям каждой личности.

Старание человека невозможно без личной заинтересованности. Не существует таких предметов, которые в равной мере развивают умы всех людей. Если работа не затрагивает личные интересы индивида, он не будет прикладывать все свои силы для ее выполнения. Как бы прилежно он ни работал, старания его не идут на пользу дела, а большей частью расходуются на моральные и эмоциональные попытки сконцентрировать внимание на предмете. (Джон Дьюи. Индивидуальная психология и воспитание).

Напряжение входит как составная часть в любой и каждый психический акт, и вовсе не требуется специально его вызывать к жизни. Усилие (как, впрочем, и

чувство легкости) целиком зависит от степени, в какой то или иное действие действительно нужно человеку.

Нужно ли принять решение, вспомнить стихотворные строки, решить, а то и обнаружить задачу, в ядре соответствующего усилия лежат чувства. В них все дело. А чувства, дающие энергию, зависят от предвосхищаемой цели деятельности. Чтобы эти чувства были достаточно сильными для ЛЕГКОГО осуществления деятельности, цель должна быть лично значимой для учащегося.

И самое удивительное – то, что познавательные усилия сами собой, неизбежно следуют за познавательным интересом.

А что интересно ребенку? Все, что вызывает удивление и приводит к успеху.

Очевидное невероятное. Как-то пригласили меня на урок физики в шестом классе. Детям роздали по дешевому пластмассовому "рожку" с довольно широким раструбом и целлулоидные шарики для настольного тенниса. Учитель предложил школьникам попробовать "выдуть" через рожки вложенные в их раструб шарики. Дети с энтузиазмом стали дуть, и чем сильнее они "выдували" шарики, тем плотнее те вжимались в рожок.

Вконец измучившись и не достигнув цели, дети стали вопрошать, почему шарики не хотят их слушаться.

– Теории, братцы, вам не хватает, – последовал ответ.

Вот тут-то и пошла настоящая учеба. Без устали. Изучали закономерности движения воздуха и характеристики тел, движущихся в воздухе. Перешли к подъемной силе и силе сопротивления. Выводили формулы и делали рисунки.

Обсудив и утвердив план дальнейших изысканий, упомянули самолет, ракету, спутник и "тачку", то бишь автомобиль.

Что видно на этом примере? Материал для появления интереса и приложения усилия – удивление "очевидным невероятным". Рожки и шарики для настольного тенниса – ситуация, которая вовлекает детей в позарез необходимое углубление их знаний, но не ради знаний самих по себе, а ради их объяснительной силы.

Проявления: школьниками задаются вопросы по существу дела, они усиленно стараются разобраться в трудных материях, просят помощи, участвуют в обсуждении.

Самая желательная для педагога цель школьника – удовлетворение любознательности, интереса бескорыстного и одновременно напряженно корыстного, только корысть здесь – особая, высокая, подлинной человеческая. Ненасытная корысть быть человеком.

Усилие следует за изменениями в деятельности, в "делании", но никогда им не предшествует.

Бескорыстный интерес – любознательность – вот, что нужно. Тогда дети учатся ставить перед собой цели и намечать пути к их достижению.

Это необходимо, ибо труд имеет целью некий результат – в отличие от игры или чистого отдыха, которые самоцельны. Дисциплина настоящая, исходящая изнутри человека, и есть намерение и упорство в осуществлении цели. Вопреки любым трудностям, препятствиям, соблазнам и отвлечениям.

Волевое воспитание начинается с воспитания интересов. "Генри ненавидел школу, потому что там его, затерянного в толпе других мальчиков, принуждали зубрить тьму вещей, которые нисколько его не интересовали. Мальчик испытывал отвращение к школе во всех ее проявлениях, с годами это чувство только усилилось. Время, проведенное в школе – от десяти до шестнадцати, – он считал потраченным впустую." (Генри Адамс. Воспитание Генри Адамса).

Культивирование любознательности. Классик детской литературы Джанни Родари в своей "Грамматике фантазии" показал, что, прививая вкус к "почемучеству", "мы помогаем детям проникать в действительность. Раз это интереснее, значит, –

полезнее."

"Впрочем, ничто нам не мешает приближать детей к действительности и путем постановки более серьезных вопросов.

Например: Что было бы, если бы во всем мире, от полюса до полюса, внезапно исчезли деньги?

Это – тема для развития не только детского воображения; поэтому я считаю, что она особенно подходит детям, ведь дети любят решать задачи, которые им не по плечу. Для них это единственная возможность расти.

Но не следует недооценивать и развлекательный момент. Особенно если учесть, как мало в наших школах смеются. Одно из самых закоренелых и трудно преборимых представлений о педагогическом процессе заключается как раз в убеждении, что процесс этот должен протекать угрюмо".

Дедушка русской педагогики Константин Дмитриевич Ушинский в своем знаменитом "Опыте педагогической антропологии" показал нам воспитательную "механику" учебного труда.

"Естественно ли человеку увлекаться всем тем, что удаляет препятствие к его деятельности? Конечно, да. Но само удаление всех препятствий есть величайшая, абсолютная преграда деятельности, которая без препятствий абсолютно невозможна. Таким образом, человек в своем стремлении к деятельности вступает в противоречие с самим собою. Из такого противоположного отношения души, с одной стороны, к деятельности, к которой она стремится, а с другой стороны, к препятствиям, которых она отвращается, но без которых сама деятельность невозможна, порождаются те противоречащие воззрения на деятельность и труд, которые встречаются часто не только у различных людей, но и у одного и того же человека. Мы любим труд, но не любим трудности труда, не соображая, что труд без трудности невозможен, ибо трудность составляет всю сущность труда. Ища труда и отвращаясь от трудности труда, человек ищет невозможного. Как же примиряется эта психическая антиномия в жизни?"

Ушинский отвечает:

– Увлеченностью.

"Благодаря увлеченности человек обращает внимание не на удовольствие или страдание, а на сам труд. Удовольствия и страдания сопровождали его труд, как искры сопровождают труд кузнеца. Эти красивые искры загораются и тухнут, но не для того, чтобы их вызвать, подымает кузнец тяжелый молот и опускает его на раскаленное железо.

Художник, усаживаясь за свою картину, конечно, думает и о деньгах, и о славе, но плох тот художник, который ни на минуту не увлечется самим трудом, самим процессом создания картины, он не создаст ничего великого, ничего оригинального. Сельский хозяин, конечно, трудится из-за денег, но плох тот хозяин, который не увлекается вовсе самим хозяйством. Таким образом, в большинстве людей происходит частное, более или менее полное, более или менее продолжительное или отрывочное примирение души с ее стремлением к труду и с ее отвращением от его трудности.

Но есть другого рода терпение, которое состоит в том, что человек, не получая удовлетворения своих стремлений, все же настаивает на них и, встречаясь с неудачей, не обезоруживается им, а снова стремится удалить препятствие. Отступая, он возвращается снова и с новыми силами, пока не восторжествует над препятствием и не добудет ожидаемого. Такое терпение, уже не пассивное, а активное, обнаруживает особенную силу души и есть необходимое условие всякого великого дела и в жизни, и в науке, и в искусстве."

Из-под палки можно научиться только ненависти к учению.

Влюбляйте детей в историю!

Историчность мышления и его блага

Самое начало. - Ты когда родился? - Тогда-то. - Ты хорошо помнишь этот день? Не можешь его спутать с другим? - Да я вовсе не помню, как я рождался. - Почему же ты уверен, что следующий день твоего рождения будет тогда-то? - Так мне говорят, а я привык верить старшим. - Наверняка старшие говорят правду. Но как убедиться в том, что здесь нет никакой ошибки? - Не знаю. - Давай думать. Ведь надобно же точно знать! Чтобы установить правильную дату события, надобно отыскать доказательства - свидетельства, документы, источники. Нет ли надежного документа о твоём рождении? - Даже не представляю себе. - А спроси у взрослых, где у них хранится твоё "Свидетельство о рождении"?

Примерно так проводится беседа с ребёнком, подростком достаточно, чтобы заинтересоваться этой темой. Подобная беседа сталкивает ребёнка, быть может, впервые с мыслью о том, что память человеческая не всегда надёжна. Оказывается, для изучения прошедшего просто необходимы документы, а историкам приходится всем быть Шерлоками Холмсами: искать следы событий, сопоставлять разные свидетельские показания, допрашивать не только людей, но и камни, и папирусы, и даже старинные монеты.

Чувство времени дети приобретают, окунаясь в своё личное прошлое, - в своё происхождение, в историю своей семьи.

Конечно, слушать рассказы "больших" о том, как те были маленькими, интересно. Но ещё более захватывает ребёнка игра в историка - а именно сопоставление интервью об одних и тех же или сходных событиях у обеих бабушек, например. Тут выясняется, что люди по-разному смотрят на одно и то же происшествие и совсем не согласны с другими относительно их оценки.

А кто же прав? По здравому размышлению, - обе бабушки отчасти правы, но обе в чём-то чуточку ошибаются. Их оценки продиктованы отчасти их отношениями (кто кого любил) и пристрастиями, даже и политическими! Вот ведь как!

Что же делает наш юный историк, взяв все доступные ему интервью? Он не только сопоставляет их друг с другом, но и сверяет их с различными документами - фото, письмами, медалями, газетными вырезками и многим другим. Постепенно вырисовывается картина семейных событий в их последовательности.

Это и есть история.

Дальше – больше. Спрашиваем, что значит имя ребёнка. Оно всегда имеет историю и значение, и это неотразимо интересно для носителя имени. Дитя обнаруживает, что всё в сегодняшней действительности имеет исторические корни и что узнавать о них увлекательно и даже полезно.

Выясняем, что ещё в XVIII веке по-русски писали "Не иное что, как...". Ага! Так вот почему мы пишем "Не что иное, как...", а не "ничто иное, как..."! Это – традиция. Историческая.

Далее упражняемся в открытии наших языковых корней, в отличиях от заимствованных слов. Это особенно важно, чтобы не путаться в словоупотреблении. К примеру, русское слово "опробовать" (испытывать на практике) дети не станут смешивать с латинским "апробировать" (одобрять; англ.: to approve, фр.: approuver). Почему дом, в котором ты живёшь, имеет необычную форму утюга? Когда он был построен? Какие архитектурные увлечения были в то время? – Дитя легко, по дороге знакомится с конструктивизмом, который, в свою очередь, ведёт за собой представление о вере во всемогущество техники, машин... Моды приходят и уходят, оказывается, и притом во всех областях действительности.

Так может начаться открытие своей улицы, поселения, области, государства и так далее - расширяющимися кругами.

Естественно и с готовностью приобщаются дети к истории праздников, торжеств,

чувствований.

Тренируем ребятшек в применении методов сыщиков, оттачиваем дедукцию Шерлока Холмса. Разумеется, с помощью задачек и вопросов. Например, сообщаем подопечным об одном из открытий археологов: неандертальцы хоронили своих сородичей и в захоронение клали различные предметы, полезные при жизни. Что вы можете сказать о религиозных представлениях неандертальцев?

Захватывающие задачи по истории во множестве придумал Исаак Яковлевич Лернер, книжки которого доступны в библиотеках, они часто переиздаются.

Такой суммы знаний, которой было бы достаточно для решения всех задач жизни, просто не существует. Все случаи, все вопросы, которые может поставить перед нами жизнь, невозможно предвидеть, и никакая инструкция или программа не может заранее их указать. Поэтому овладеть методами решения исторических, то есть жизненных задач важнее, чем знать ответ и даже самому, эмпирически или формально, найти его. В человеке ценится интеллектуальная культура, "культура разума". Воспитанный человек есть тот, в ком все приобретенные знания и навыки стали второй природой, вошли в плоть и кровь, усвоены органически и проявляются свободно, непринужденно. Надобно открыть дедуктивный метод и самостоятельно применять его на практике. Мышление по аналогии. Что из этого выйдет, судя по аналогичным случаям, известным из прошлого?

Предлагаем ребятам игру: представьте себе, что каждый из вас – президент нашей страны, и вам надо нанести официальный визит в малознакомую вам страну. Что вам в первую очередь надо будет усвоить из той исторической справки, которую для вас подготовят самые квалифицированные историки? Обоснуйте свой ответ.

"Высший пилотаж" во вживании человека в стихию времени – составление им летописи собственной истории, ведение дневников, систематическое отслеживание им событий, в которые вписан он сам. Особенно важно, чтобы, приобретя вкус к раздумьям над собственным прошлым, наш летописец не забывал бы останавливаться на том, что прежде было его будущим. На том, что он думал о своем будущем и что на самом деле получилось. Почему?

Это и есть историческое мышление. Время нашего бытия не становится благодаря ему бесформенным хаосом событий, торжеством "случая". Человек не станет сваливать на "непредвиденные" обстоятельства свои ошибки, он станет искать их корни в том, что он сам свершал или чего не сделал.

Дети с удовольствием занимаются не только коллекционированием марок и открыток, но и историей флагов, монет, медалей, гербов, значков, амулетов, клейм, эмблем, географических карт... Тем самым они знакомятся с так называемыми вспомогательными (специальными) историческими дисциплинами. На самом деле это – едва ли не самое ценное, что может дать общеобразовательный курс истории.

Специальные исторические дисциплины, которые изучают определенные виды или отдельные стороны источников, приближают учащихся к источниковедению в целом – важнейшему в историческом познании.

Чему учит история? Во-первых, история позволяет лучше понять современность, самого себя, поскольку она отвечает на вопрос, каким образом получилось настоящее. Во-вторых, она позволяет заглянуть в будущее, которое вырастает из сегодня, поскольку она прорисовывает тенденции развития и показывает возможности. Мысль о происхождении успокаивает нас, в то время как мысль о будущем приводит в волнение, вызывает тоскливое чувство. Но с помощью исторического мышления мы можем преодолевать страх непознаваемости будущего, неизвестности природы будущего.

Дело в том, что история обладает поистине волшебным свойством, которое делает овладение историческим мышлением (историзмом) чрезвычайно полезным для растущего человека.

На самом-то деле история – она про будущее, а не про "безвозвратно канувшее в Лету". История есть кладезь, сокровище, потому что прошлое изготовлено из прошедшего будущего. Прошлое – осуществленное будущее. История сплошь состоит из бывших представлений о будущем и она доподлинно сообщает нам, что из этих представлений сбылось, а что нет.

Хранящееся в истории будущее обеспечивает человеку его величайшую способность – способность творческого воображения. Воображение – ставшее прошлым будущее, психологический инструмент понимания, предвидения, фантазии, мечты, планирования.

Фантазии человека то более, то менее ясно, но всегда переносятся в будущее. Даже совершенно вымышленный и невозможный факт является в качестве ожидаемого и имеющего наступить в будущем. Даже фантазируя о прошлом (как, например, при возбуждении воображения историческими рассказами), ребенок обращает прошлое в перспективу, в будущее.

В этой форме свободное фантазирование из области детской жизни распространяется и на остальную жизнь человека, в более правильном и потому легче поддающемся наблюдению виде; здесь оно становится источником всякой практической деятельности. Любое сооружение, любой проект, каждое начинание – все это модификации деятельности фантазии, в которой берут свое начало и произведения искусств. (Вильгельм Вундт).

Вот почему именно история учит установке на вероятность маловероятного. Гибкости и многовариантности стратегии и тактики действия. Вооруженному выходу навстречу опасностям. Учит просматривать различные варианты развития событий. И вместе с тем быть психологически готовым к неожиданностям. Учит рефлексии, гибкости, предвидению, находчивости. Умению моделировать возможные варианты развития событий, так называемые сценарии.

Отсюда начинается путь к стратегическому, вероятностному мышлению, к серьезной и умной игре с будущим, принимающей в расчет его неопределенность. А стратегическое, вероятностное мышление является основой успеха или неуспеха каждого из нас. Совершенствование этой парадигмы и может быть основным инструментом в развитии личности и достижении больших целей. То, как мы смотрим на изменения в нашей жизни, как мы взаимодействуем с ее неопределенностью, во многом может определить исход нашего "сражения" с обстоятельствами.

Главное – учиться у прошедших "будущих", которые накоплены в истории. Реалистическому предвидению, а не пустым мечтаниям. Учиться изготавливать свое будущее на фундаменте своего накопленного опыта и честного вероятностного воображения. Только тогда человек не станет упорно наступать на грабли. Сколько можно? Безболезненнее всего учиться на ошибках из исторического арсенала глупостей.

История учит благоразумию. Например, осторожно пользоваться кредитом. Ранее человек был вынужден экономить, чтобы потом, купив вещь, рассчитаться со своим прошлым и с надеждой смотреть в будущее. Сейчас взявший кредит должен работать дальше, дабы было чем заплатить за уже купленное. Человек, получая от общества кредит, отчуждает от себя собственное будущее. (На это обратил внимание Жан Бодрийяр в книге "Система вещей").

Терпению в осуществлении желаний. Учету противодействий и конфликтов мотивов. Планированию жизни и деятельности без фанатизма, без преувеличений, гибко.

Если тренировать молодежь в понимании обстоятельств, связей, взглядов на жизнь, стереотипы и установки, которые определяют события, то она научится регулировать свое поведение и деятельность, ориентировать сознание на цель и

концентрировать усилия на ее достижениях.

Что будет с нами дальше? Что с тобой станется? История учит смотреть в будущее с разумной, хотя и осмотрительной, верой и знать, почему это не пустое занятие.

Последствия поступков. Еще одно, чрезвычайно важное благотворное качество истории. Она состоит из следствий и потому учит здравомыслию. Она учит находить причинно-следственные связи, понимать естественный порядок вещей.

Детям не так легко учитывать последствия своих действий, произведенных под напором сиюминутных желаний. А предвидеть последствия своих поступков необходимо. Только история демонстрирует реальные результаты действий. И уголовных деяний, и подвигов, и махинаций, и инноваций.

Влюбляйте детей в историю!

Спор школы с жизнью

"Прокомментируйте учительское "озарение": как же так, целая программа про нормальные межличностные отношения в школе действует, и на занятиях дети судят-говорят красиво-правильно, а только вышли за порог класса..."

Людмила Кожурина

Двоемыслие. Чтобы получить фантик за школьные игры, надобно проговаривать вслух только то, чего от тебя ждут. Например, о принципах и правилах межличностных отношений, приводить примеры, упоминавшиеся учительницей. Как можно более искренно заверять, что ты, ученик такого-то класса, разделяешь эту высокую теорию. А то? Конечно, я верю, что надобно понимать других и даже учитывать их интересы. Разумеется, я убежден, что в случае конфликта необходимо искать компромисс. Даешь мирное разрешение групповых противоречий!!!

Но на самом-то деле вон как дерутся ребята во дворе. В жизни-то если не ты, то тебя. У Васьки надобно ухитриться отобрать мобильник и соответственно запугать, чтобы жаловаться nepовадно было. Ленке необходимо дать по морде, чтобы не целовалась за школой с кем попало. Но самое трудное – войти в закрытый клан наиболее богатеньких ребят в классе, несмотря на бедность моих родственничков – всех превзойти силой мускулов и красотой фигуры. Чтобы смотрели на меня снизу вверх и не хвастались своими лимузинами.

Посмотрите на экраны телевизоров, если не дураки, поймете: идет война всех против всех. Какое "мирное разрешение" конфликтов? Где вы видели это? Да если я не обложу матом всех вокруг, на меня будут смотреть, как на блаженного.

Что я враг себе, чтобы верить школьной программе?

И все же школа может быть сильнее жизни при следующих условиях.

Отталкиваясь от действительных проблем, взятых из повседневной ребячьей жизни, учителю честно обсуждать их с детьми и совместно искать мирного выхода. Не теорию и не науку запоминать, а применять высокие доктрины к практике сегодняшней жизни. В прямой дискуссии, где у маленького человека реализуется его право на свое понимание и убеждение, где у ребенка есть свой, уважаемый взрослыми, голос, где над ним не ехидничают, где учитель не демонстрирует власти и привилегии владеть истиной в последней инстанции, где не поощряют за нужные учителю взгляды, а ценят усилия разобраться, где... Короче, - где учитель не жушает.

Авторитет. Чтобы дети всерьез задумались над коллизиями своего совместного бытия, захотели задуматься, чтобы вступили в беседу, они должны ОЧЕНЬ уважать учителя. Помню, в детстве, один малознакомый мальчик, новичок в нашей первоклассной компашке, показал потрясный фокус и ни за что не хотел раскрывать секрета. "Я обещал отцу, что никому не скажу". И всё. Кремень. Он здорово рисковал, этот заморыш: мы могли подвергнуть его остракизму, избить, а мы в

конечном счете его зауважали. Но каким же безусловным авторитетом был для него отец, а!

В вечном споре воспитания с жизнью воспитание в силах побеждать жизнь, когда оно исходит из жизни и опирается на истинное уважение к вожатому.

4. Детские и молодежные субкультуры

Тусумся? - Кто с кем, для чего и как

О детской субкультуре

Кто сильнее - семья, взрослые или сверстники? Помню из своего детства: уж как наша ватага упрашивала одного мальчика раскрыть секрет какого-то красивого фокуса! Но тот был тверд: "Я обещал папе хранить это дело в тайне". Папа оказался выше тусовки, и верность слову - крепче, чем вероятные тумачи и остракизм группы.

Сильнее те, кто авторитетнее в глазах ребенка, подростка, юноши. Чем старше дети, тем сообщество сверстников играет большую роль в их жизни и даже судьбе. Как правило. Но не всегда.

Взрослым необходимо хорошо знать, во что играют их дети с друзьями. Кто в группе сверстников для их детей - образец и идеал, а кто антагонист или преследователь. Что ценится в данной конкретной "тусовке" - дорогие вещи или трудно достижимые высокие совершенства типа ума и познаний.

Каковы особенности их жаргона? Каков правовой кодекс? Что они считают красивым? Нет ли у них своей демонологии, религиозных представлений или предрассудков? Чего они боятся? Над чем и над кем смеются?

Взрослые не всегда пытаются строить с детским сообществом какие-то конструктивные отношения.

Ведь мы не всегда знаем, какие нравы господствуют в среде общения наших детей и внуков. А эти нравы могут неожиданным образом отличаться от наших.

Судите сами. Отец видит из окна, что его десятилетний сын ударил ногой мальчика, с которым играл, и что побитый удрученно ушел. Отец позвал сына домой и спросил, почему тот лягается.

— Папа, ты не можешь себе представить, что это за зануда. С ним совершенно не интересно играть!

— Разве нельзя было сказать ему, что ты не хочешь с ним играть?

Сын был шокирован, сын ужаснулся:

— Папа! Но это же было бы невежливо!!

В среде детского общения далеко не все идилличное. Маленькие люди — совсем не ангелы.

Наш замечательный знаток детства Михаил Яковлевич Басов документально показал, что совместная жизнь детей ведет не только к сотрудничеству и к координации их активности, но также и к антагонизму, к борьбе друг с другом.

Дисгармония в данном случае проявляется в том, что противоположно, обратное чувствам нормального уравновешенного человека. В норме страдание вызывает со-страдание, а радость—со-радость. Здесь же страдания другого ребенка вызывают радость (зло-радство), а удовольствия — зависть или ревность.

Как дома, так и в яслях проявления активной борьбы начинаются уже со второго полугодия жизни. С возрастом формы нападения становятся разнообразнее и вернее достигающими цели. Мальчики больше толкают, бьют, кусают, догоняют, тогда как девочки больше вырывают и царапаются. Средства нападения у мальчиков как будто более разнообразны и более действенны, причем среда не изменяет заметным образом этого соотношения.

Кроме стремления к обладанию различными вещами есть также прямые указания на ревность и месть, которые отмечаются как двигатели борьбы уже у детей полутора-двух лет.

В тех случаях, когда борьбе противопоставляются попытки пробудить сочувствие, вызвать на примирение, то примерно половина детей реагирует на это положительно; остальные же дети дают отрицательную реакцию, причем иногда в весьма резкой форме.

Володя, год и девять месяцев. Если он обидит ребенка и воспитательница заберет обиженного, то он со злостью, хотя бы на руках у воспитательницы, пытается наказать обиженного.

Зина, два года семь месяцев. Дерется с искаженным от злобы лицом и иногда преследует обидчика в продолжение полудня. В состоянии раздражения колотит неповинных детей.

Шуша, полутора лет, часто, когда отнимет что-нибудь, отойдет и немного погодя вернется к обиженному плачущему, ударит его несколько раз, потом опять отойдет, сердито смотря в его сторону.

Отношение властвования или покорности проявляется в жизни детей как явления лидерства, которое, оказываясь, не чуждо им уже в преддошкольном возрасте.

Маленькие дети часто приказывают сами: дай это, принеси другое, сделай третье, причем неподчинение этим приказам выводит ребенка из того эмоционального состояния, в котором он был, иногда приводя ребенка в состояние крайнего потрясения.

Маленькие деспоты не выносят затем никакого противодействия своим желанием.

Есть дети-вожаки, которые роль лидера осуществляют как будто нехотя, шутя, как-то само собой. Иногда это даже флегматичные дети, равнодушные к тому, как к ним относятся сверстники и не предпринимающие ровно ничего для того, чтобы завоевать первенство. Но наряду с таким типом лидера есть другой тип, совершенно иного психологического склада; дети-вожаки этого типа ищут власти и главенства, так как без этого они не могут обойтись в своих взаимоотношениях с окружающим их миром.

На основе этих взаимоотношений, когда они являются главарями, ведущими за собой коллектив, они в ярких красках раскрывают свои возможности. Напротив, когда влияние их падает, и детская масса не идет за ними, они становятся вялыми, апатичными и незаметными, или же злыми, агрессивными и несправедливыми.

Отроческий возраст и в особенности юность дают иногда весьма четко определившиеся черты будущего вождя. Тинэйджер нередко держит в своих руках всех своих товарищей, абсолютно первенствуя среди них. Он подавляет всех остальных детей, обладающих теми или иными лидерскими данными, причем — и это особенно важно — не прямым действием против этих детей, а путем поднятия своего авторитета на еще большую высоту, путем усиления своей инициативы и изощрения изобретательности. Характерно, что эти подростки и юноши никогда не согласятся быть на второй или третьей роли.

Необходимость подчинения для них является в той или иной степени горькой и связана с отрицательной эмоцией. Это случается, когда вождь не признан, или сфера его влияния ограничена лишь определенной областью действий.

Именно детским сообществом определяются вкусы, мода, язык и способы взаимодействий, а группа сверстников служит источником моделей поведения.

Обо всем этом и многом ином в системе общения детей надобно знать взрослым.

Но мало знать, надобно еще чутко вглядываться-вслушиваться в жизнь детского сообщества, надобно понимать состояние собственных детей.

"Я в замке король". В романе под этим названием английская писательница убедительно показала, в какой трагической степени взрослые не знают и не

понимают, чем живут их дети. Какими эмоциями, вызванными сложнейшими отношениями между ними.

Сьюзен Хилл прослеживает историю самоубийства благородного и ранимого мальчика на простейшей модели отношений всего только двух сверстников. (Насколько же усложняется картина детских отношений в пространстве большой группы!). Родители ни о чем не подозревают и ничего не замечают.

Когда подленький Эдмунд Хупер вконец затравил сверстника Чарльза Киншоу, тот нашел, наконец, единственно возможное спасение. Он несколько раз повторяет про себя: «Все хорошо, все хорошо».

Киншоу нашел ту поляну. Камни так и лежали там, где они разводили костер. До чего же давно это было. Он не остановился, не оглянулся.

На берегу он снял с себя все вещи и сложил стопкой. Он дрожал, а вода была шелковая, очень холодная. Он вдруг опомнился, стал приходить в себя. Но потом подумал про все, про то, что еще может случиться, подумал про то, что сделал ему Хупер и еще сделает, про новую школу и мамину свадьбу. И заплескал, заковылял вперед, на середину реки, на самое глубокое место. Когда вода дошла до пояса, он медленно улегся и окунул лицо и старательно, глубоко вздохнул.

Нашел его Хупер, потому что сразу догадался, куда он мог пойти, и все шли за Хупером, топали и кричали. Снова полил дождь, и капли стекали с темной листвы им на плечи и головы.

Когда разглядел опрокинутое тело Киншоу, Хупер вдруг подумал: это из-за меня, это я сделал, это он из-за меня — и замер от торжества.

— Ничего, ничего, Эдмунд, детка, ничего, ничего. — Миссис Хелина Киншоу (мать погибшего. - Б.Б.) протянула к нему руку, прижала к себе. — Не смотри, детка, не надо, ты расстроишься, ничего, ничего.

Ее мокрый плащ охлаждал Хуперу щеку, от нее пахло духами. Потом по воде заплескали мужские шаги.

...

Чему дети учатся друг у друга в своих тусовках? Песенкам и сексуальности, искусству обманывать и побеждать, способам самоутверждения, дракам, мистике, моде, всемогуществу грубой силы, мучениям бедности...

Исследователи единодушны: в массе своей дети сегодня ориентированы в большей степени на ценности и нормы сверстников, чем своей семьи. Уже не только подростки, но и младшие школьники и даже дошкольники все чаще предпочитают ценности сверстников.

А ценности эти очень-очень разные. Разные прозвища и дразнилки, анекдоты и черный юмор, собственные тайные языки и гадания, страшилки и — так называемый детский эротический фольклор, его потаенные жанры — фольклор детсадовских горшечных и школьных туалетов.

Испытание себя в противостоянии со взрослыми происходит в детских сообществах.

Что же делать воспитателю? Зарабатывать такое доверие к себе, чтобы дети могли с ним обсуждать ход и трудности своей жизни, делиться ими и нуждаться в совете.

Для этого придется делиться с ребенком и частью своих проблем и поисков выхода из них и всерьез обсуждать их с ним.

Говорить:

— Отчего тебе плохо (а не "ты плохой, плохая")? Скажи мне, я все пойму. И плакать и смеяться с ним. Сначала плакать, потом смеяться.

О телефанатах

По книге: Henry Jenkins. Textual Poachers: Television Fans & Participatory Culture.

New York: Routledge, 1992. viii, 343 p. (Подпольные производители текстов: телевизионные фанаты и культура совместной активности).

Генри Дженкинс исследует самодеятельный, отчасти подпольный, мир нового типа фанатов. Это группы "болельщиков" средств массовой информации, которые "потребляют" их творчески: на основе телевизионных передач они создают собственные художественные произведения, произведения изобразительного искусства и другие продукты самовыражения. Знакомясь друг с другом с помощью преимущественно средств виртуального общения, они образуют особые молодежные группы.

Изучение телевизионной аудитории, присваивающей, не считаясь с авторским правом, содержание и формы телефильмов в целях самовыражения, начал еще Мишель де Серто (Michel de Certeau, 1925-1986)¹. Серто показал, что отвергаемые или не признаваемые обществом "чужаки" объединяются по признаку своего отличия от большинства. Они создают альтернативную субкультуру, имеющую импульс к саморазвитию.

Дженкинс, следуя Серто, привлекает и другой теоретический материал в качестве методологии своего эмпирического исследования - феминистскую литературную критику и культурную антропологию

Выступая против стереотипного изображения фанатов как страдающих навязчивыми состояниями "наивов" ("ботанов"), которые потеряли связь с действительностью, Генри Дженкинс убедительно доказывает, что эти фанаты представляют собой активных создателей альтернативной субкультуры, незаконно вторгающихся на территорию телевидения с целью украсть идеи, сюжеты, образы и использовать их в своем творчестве. Они перерабатывают продукты поп-культуры, тиражируемые масс-медиа.

В книге приводится весьма обширный фактологический материал. Это, в основном, художественные произведения и музыкальные видеоклипы ТВ-фанатиков. Так, одну из глав он посвятил "filking"у - созданию и исполнению "filks". Filk - неологизм, образованный от слова folk (народный). Имеются в виду песенки, переделанные или заново написанные на телевизионную мелодию и/или тему. Как правило, и то, и другое заимствовано из научно-популярных передач и одобрено реалиями новых компьютерных технологий.

Такие песенки расппевают на сборищах фанатов научно-популярных передач и научной фантастики.

В настоящее время наиболее популярен суб-жанр "филков", называемый "Компьютерные филки". Эту разновидность жанра песенок на научные темы создают хакеры. Нередко в нем обнаруживаются довольно утонченные шутки на технические темы. Например, непереводимую игру слов на тему компьютерной клавиатуры мы находим в песенке "Double Bucky" - о нажатии одновременно двух клавиш - CTRL и F.

*"Double bucky, you're the one!
You make my keyboard lots of fun.
Double bucky, an additional bit or two:
(Vo-vo-de-o!)
Control and meta, side by side,
Augmented ASCII, nine bits wide!
Double bucky! Half a thousand glyphs, plus a few!
Oh, I sure wish that
I Had a couple of Bits more!
Perhaps a Set of pedals to
Make the number of Bits four:
Double double bucky!*

*Double bucky, left and right
OR'd together, outta sight!
Double bucky, I'd like a whole word of Double bucky,
I'm happy I heard of Double bucky,
I'd like a whole word of you!"*

Песенки-filks повествуют не только о научной фантастике и информационных технологиях, но и о фильмах ужасов, и даже интеллектуальной прозе. Другие пародируют телефильмы, смеются над их героями. Очень многие песенки рассказывают о самих фанатах, об их групповой деятельности, давая тем самым ценную информацию о самовосприятии современных субкультур, информацию, которую нелегко извлечь из продуктов активности других групп фанатов.

Генри Дженкинс сообщил немало новых фактов о создателях и исполнителях filks, пролив при этом свет на атмосферу и особенности современных фанатов в целом.

Субкультура молодых специалистов в компьютерных технологиях и любителей научной фантастики свидетельствует о неистребимой, поскольку она естественна, потребности людей, объединенных призванием или досуговой направленностью, объединяться и самовыражаться. Наиболее приемлемым способом и материалом для них при этом оказывается массовая зрелищная индустрия.

1Certeau, Michel de. L'Étranger ou l'union dans la différence, coll. "Foi vivante" (n° 116), Desclée de Brouwer, Paris, 1969, Nouvelle éd. établie et présentée par Luce Giard, 1991
Certeau, Michel de. La Prise de parole. Et autres écrits politiques, Ed. établie et présentée par Luce Giard, Seuil, Paris, 1994

Certeau, Michel de. L'invention du quotidien, 1. Arts de faire et 2. Habiter, cuisiner». Ed. établie et présentée par Luce Giard, Gallimard, 1990.

Тайная жизнь девочек и субкультура жестокости

В последнее время мы узнаем о новых и новых трагедиях, случающихся с нашими детьми вообще, и девочками, в частности. См.: "Пытки под видео" (<http://www.strana.ru/print/310569.html>; <http://www.newsru.com/>).

Одноклассницы давно завидовали Наташе - девочка очень красива внешне. За это озлобленные сверстницы решили наказать ученицу 64-й городской школы. Три одноклассницы заманили ее на квартиру, чтобы якобы помириться, а вместо этого принялись избивать Наташу руками, ногами и ремнем. Пытки снимали на видеокамеру мобильного телефона. Не выдержав издевательств, девушка прыгнула вниз с балкона восьмого этажа. Теперь прокуратура города расследует уголовное дело по статье 110 УК РФ (доведение до самоубийства или покушение на самоубийство).

Также в феврале 2007 г. стало известно о еще одном подобном ЧП в Тюмени. На этот раз жертвой сверстников стала 15-летняя Маша Багаева из школы N 29. Ее тоже истязали одноклассницы, снимая на видео свои "акции устрашения". Как рассказала следователям сама Маша, в конце февраля ее пригласили поговорить, завели в безлюдное место у гаражей, набросились на девочку и стали избивать. Один из подростков достал телефон и стал снимать "пытки" на видео, по его словам, "чтобы потом поприкалываться".

Сначала девочку били в гараже, затем поймали такси и повезли на квартиру к одной из сверстниц. Там Машу били бутылкой по голове, тушили сигареты об ее тело, душили и угрожали зарезать, приставляя нож к ее горлу. Затем решили заставить девочку ограбить кого-нибудь из прохожих, вышли на улицу и поймали такси. Однако владельцем машины оказался знакомый родителей Маши. Он-то и отвез изувеченную и дрожащую от страха Машу домой. А отец девочки сразу же написал заявление в милицию. И на квартире одной из школьниц правоохранители

обнаружили видео с издевательствами над девочкой.

Драки становятся прибыльным бизнесом в интернете: школьники за деньги могут предложить владельцам различных сайтов записи.

В поселке Чуна, что в 600 километрах от Иркутска, ученицы одной из школ позвали девятиклассницу Свету Родионову после пятого урока во двор школы "поговорить". Когда девочки зашли за угол здания, Света увидела толпу школьников. Десять девочек из параллельных девярых классов начали избивать девочку. У всех в руках были мобильные телефоны, приготовленные для записи видео.

Нападали четверо: подходили к Светлане, стаскивали с нее одежду и били. Мимо проходили старшеклассники. Завидев драку, они тоже начали щелкать камерами мобильных. Никому даже в голову не пришло остановить это, пишет КП. Расправа не закончилась избиением во дворе. Окровавленную девочку под руки поволокли в школьный туалет, окружив толпой, чтобы не увидели учителя. Там ее снова сбили с ног и продолжили съемки.

Сколько длились мучения, Света не помнит. Школьный сторож, увидевший школьницу в луже крови, вызвал "скорую помощь". В медицинском заключении: сотрясение мозга, перелом носа, ушиб шейных позвонков, многочисленные синяки, ссадины и кровоподтеки - следы побоев, ударов о стену и о землю.

По словам директора чунской школы Лидии Котовской, для избиения не было никаких причин. "Бессмысленная жестокость! А главное - никаких особых мотивов. Может, все дело лишь в том, что Света накануне победила в конкурсе на знание Правил дорожного движения и получила бесплатную путевку в "Орленок"? Но избивавшие девочки из хорошо обеспеченных семей. Что им эта путевка?", - недоумевает она.

Однако в самом поселке сегодня обсуждают совсем другую версию: сразу же после драки школьницы отправили запись в интернет для продажи. В школе эту версию не отрицают. "Да, девчонки сказали, что снимали избиение одноклассницы на видео, чтобы потом продать ролик в Интернете, - сообщила директор. - Я не искала эти съемки в интернете. Но точно знаю: такой случай, когда дети дерутся и записывают все на видео, произошел в поселке не впервые".

Из четырех нападавших из школы исключили лишь одну девятиклассницу. Остальные продолжают ходить на занятия.

Оказывается, продать видеоролик подобного содержания в интернете не составляет никакого труда, отмечает ФактNews. Достаточно набрать в любой поисковой системе фразу: "Продам видеодраки", как на запрос тут же появляется множество различных сайтов с заголовками, типа: "Покупаем "жареное" видео от 5 долларов за 1 мегабайт".

На Западе проводится колоссальная работа по изучению причин, выявлению феноменологии и разработке способов предотвращения детской жестокости. Тайная субкультура жестокости разоблачена устами ее носителей и жертв. Слишком долго о ней молчали. В ней есть жуткие стороны, но есть и закаливающие характер аспекты. См.: 1) Шерон Лэм. Тайная жизнь девочек: что на самом деле делают хорошие девочки -- сексуальная игра, агрессия -- и их виновность. Lamb, Sharon. The secret lives of girls: what good girls really do -- sex play, aggression, and their guilt. New York: Free Press, c2001. xvi, 255 p. 2) Откровенные высказывания необычных девочек: девочки пишут о травле, кликах, популярности и ревности / Под ред. Рейчел Симмонс (Odd girl speaks out: girls write about bullies, cliques, popularity, and jealousy / Rachel Simmons, [editor]. Orlando, Fla.: Harcourt, c2004. viii, 199 p.).

Профессор психологии Шарон Лэм, специалист в клинической психологии, получила около 130 интервью у взрослых женщин и девочек разного возраста, опубликовала их в первой из названных книг и пришла к следующим выводам. Многие девочки совершают акты агрессии по отношению к разным людям не всегда

в качестве ответа на обиду, не в результате фрустрации или потери дружбы/любви. Они получают удовольствие от своей агрессивности, от власти над людьми, от причиняемого зла.

Иногда их взрывы ярости являются следствием неосознаваемой раздраженности, затаенной злобности, неудовлетворенной сексуальности, проявляющей себя иногда очень рано.

Благодаря самоотверженной и умной работе группы психологов и социологов под руководством Рейчел Симмонс (Rachel Simmons, 1966 г. р., политолог и специалист в женских исследованиях), объездившей всю страну, эти девочки обрели голос и поведали о своей жизни в школах, семьях, общинах. И не только они. К Рейчел приходили матери, учителя, консультанты, даже отцы и приносили свои истории, которые они не могли больше держать в тайне. Откровенные и обезоруживающие, эти жизненные истории, самоотчеты, создают в своей совокупности психологический портрет современной девочки-подростка. Портрет детства, документированный дневниками, стихами, песенками, исповедями и трактатами. Одновременно это портрет жестокости: по отношению к девочкам и самих девочек.

Одна из них написала:

"I'm always the odd girl out
No one talks to me
I try to be friendly and speak out
But I'm invisible, see?"

("Меня никогда не признают
Со мной не разговаривают
Я стараюсь быть дружелюбной и говорить откровенно
Но я невидимка, понимаете?")

Другая:

"Сплетни, знаете ли, обычная вещь в средних школах. Я одна из тех девочек, которые делают это прямо у вас под носом. Я буду шептать что-то моим друзьям и при этом невинно смотреть на вас. Потом мы внезапно обрываем смешки. И вы понимаете, что мы говорим о вас.

Моя лучшая подруга и я стали дружить еще с одной девочкой. Но она была толстой. Было трудно, потому что она всегда хотела быть второй, когда надо было скатиться с горы, и мы бы разбились из-за нее.

Мы не хотели говорить ей, что она толстая, поэтому мы решили сбросить ее с саней. Ее мама позвонила моей маме и сказала, что мы подлые. А мы просто не хотели с ней больше дружить".

У девочек есть потребность быть услышанными. Эта книга - род петиции, подписанной девочками и предназначенной городу и миру.

Низость, подлость, жестокость служат орудиями самоутверждения для тех подростков, которые открывают способ господствовать над сверстниками с помощью безжалостности. Из нежелания конфликтовать с такими монстрами, из страха перед их преследования одноклассники и другие сверстники часто заискивают перед агрессорами и даже присоединяются к ним в их преследованиях еще не покоренных душ.

Более всего на свете дети боятся потерять друзей, страшатся изоляции, одиночества. Похоже, что потребность растущей души в признании чрезвычайно велика и во многом определяет содержание внутренней жизни подростка.

Тайная культура агрессии передается из поколения в поколение. Матери девочек-преследователей сверстников в свое время прошли школу господства с помощью низости, навета, клеветы, сплетен, избиений. Они незаметно для себя передают эту традицию своим детям в ходе общения с ними. А те легко находят жертв.

Агрессоры сбиваются в стаю, расширяя ее за счет запуганных и не желающих стать

жертвами или за счет подобных им. В конечном счете разражается та или иная катастрофа.

Взрослым, как правило, недосуг разбираться в отношениях детей, и обычно они удовлетворяются соблюдением подростками внешних приличий и видимостью послушания. Общество не желает знать о подспудных войнах, трагедиях и злополучиях в мире подростков. Обычная реакция воспитателей: "Подросток есть подросток", "Через этот период развития надо пройти, а дальше всё будет хорошо".

В результате подросток - и агрессор, и жертва - страдает в одиночестве. Их ситуация остается безадресной, их боль - личным делом, их проблемы - тайными. Их крики неслышны, их ужас не замечен, их мучения мало кого волнуют. В результате каждому из участников скрытых от мира сражений их опыт кажется единственным - уникальным, и всё, что с ними происходит, представляется личной виной и (или) бедой. Мучители, вырастая, становятся ужасом окружающего их мира или хоронят воспоминания о своих преступлениях в недоступных даже для себя глубинах сердца. Жертвы, если они не прячутся в смерть или - со временем - в безумие, превращаются в асоциальных небокопителей, конформистов и рабов.

Подростков никто не учит раскаиваться, просить прощения и меняться к лучшему. Их никто не учит любить и ненавидеть без боязни, цивилизованно отстаивать свои законные интересы. У них нет школы достоинства. Они учатся в школе жестокости, которую надобно или проявлять или переносить, если удастся.

Профилактика жестокости требует ознакомления школьников с данными науки: * о малых группах в среде сверстников, о причинах и типах конфликтов, * о природе симпатий и антипатий, * о недопустимом поведении по отношению к соученикам.

Подросткам необходимо знать, что обо всех (всех!) их тайнах обществу известно. Что оно, общество, не допустит травли, жестокости, вымогательства, шантажа, издевательств и т. п. позора в школьной и бытовой жизни.

В школах важно создать социальный микроклимат и психологическую атмосферу понимания проблем друг друга, уважения к трудностям ближнего. Необходимо поощрять проявления терпимости.

Никого не надо стыдить и обличать. Вместо этого показано научное освещение поведения как задира, так и их жертв. И показано публичное обсуждение основных проблем в сфере общения по логике: "вот так-то бывает, а у нас что и как?".

5.Формальное образование

Школы для дошкольников

С какого возраста возможно успешное школьное обучение?

Государственный детский сад для малышей (от двух до пяти лет) в Англии издавна называется «школой-в-колыбели». Почему школой? Да потому, что он и вправду отчасти школа — элементы самого что ни на есть настоящего обучения мало-помалу вводятся в жизнь ребенка с самого раннего возраста. И начальная школа (с восьмого года) тесно увязана с «малышовой школой», где вполне серьезно учатся детишки пяти-семи лет.

Получается система взаимного движения детей к школе и школы к ребятам. То же и в США и во Франции. Школьная жизнь начинается там с пяти и менее лет, но в специальных дошкольных подготовительных отделениях (не обязательно при начальной школе).

Такая система государственного начального образования получила права гражданства с 20-х годов прошлого века. Она охватила все социальные группы, все классы общества. Объективные потребности производства, политики, культуры

вызвали к жизни эту железную необходимость демократизировать народное образование на его стартовой ступени.

Уже в 1926 году английское население пятилетнего возраста, то есть первоклассники, 220 минут в неделю (из общего числа — 1575) занимались ручным трудом, 60 минут — музыкой (требовалось даже участие в оркестре), 150 — физкультурой, 405 — родным языком, 140 — естествознанием и 125 — счетом. Не слишком ли перегруженный учебный план для пятилеток? История показала, что англичане его выдерживают... И даже совершенствуют время от времени, отнюдь его не «разгружая». Дети ухитряются еще приохотиться — с пяти лет! — к вязанию, шитью, лепке, кукольным представлениям.

Французские малышковые классы изначально набирались не более чем из 24—25 детей от двух до шести лет (1927 год). Страшно произнести это словосочетание, да что делать, придется: «содержание образования» двухлеток включало наблюдения за окружающим миром; физические и сенсорные (!) упражнения (то есть упражнения для развития органов чувств), ручной труд вкупе с рисованием и «кубиками»; «развитие морали» и всякую иную премудрость.

Но что самое важное во всех этих тогдашних нововведениях, так это, на мой взгляд, учитель малышей. К детишкам допускались только обладатели дипломов, получить которые можно было лишь с немалым и весьма продолжительным трудом. Не слишком ли много требуется от педагога, который возится с карапузами (хотя именуемыми школьниками)? Нет, не слишком!

Какой богатый запас ума, грамотности, такта, терпения и доброжелательности надо иметь учителю малышей!

У нас еще господствует поразительно не соответствующий действительности взгляд на учителя начальной школы, не говоря уж о воспитательницах детских садов, как на более простой «человеческий материал», чем даже учитель старших классов. И это проявляется в конкретных опасных для общества вещах. А именно в том, что слишком нередко учитель начальной школы — «второго сорта». Если не в оплате, то в уважении, в «привилегиях»...

В настоящее время общественный вес и авторитет учителей средней школы котируется в лучшем случае на уровне страховых агентов, иногда — бухгалтеров средней руки. Статус же учителей начальной школы заметно ниже — на том же уровне, что и социальных работников или курьеров.

Но это глубокое трагическое заблуждение. Учитель малолеток должен быть лучшим из лучших. Потому что ребенок, с которым начинает работать этот учитель, существо очень сложное и непонятное самому себе. Существо, с которым взрослому можно правильно построить отношения только при одном условии: если взрослый обладает огромной духовной культурой.

Старая, как видим, очень даже старая мысль. Но мы не делаем из нее практических выводов. Не берем уроков у истории.

Почему?

Почему мы бессильны в надлежащей подготовке и первых педагогов, и малышей к школьному труду? Разве не разумны подготовительные отделения к начальной школе, постепенно вводящие пяти-семилеток в познание и творчество? Или нам не нужна преемственность между яслями, детским садом и «настоящей» школой? Ведь исследования показали, что умственное развитие малышей сильно зависит от их культурного окружения. Уже к двадцатому - двадцать четвертому месяцу жизни ребенка дефицит культурной среды сказывается в уровне актуального и дальнейшего развития растущего человека.

Совсем недавно премьер-министр Великобритании заявил, что интересы нации требуют введения обязательного бесплатного обучения в школах всех детей страны с двух лет.

Как вооруженные силы становятся школой

Давнюю и славную историю имеет невоенное (общее и профессиональное) обучение военнослужащих.

Так, первые высшие государственные школы древней Греции — эфебии — в IV-III веке до Р.Х. сочетали гражданское обучение с военным. В них эфебы (молодые люди 18-20 лет) проходили обязательную военную службу. Одновременно они получали гражданскую подготовку к принятию их в число полноправных граждан. В эпоху эллинизма (III-II век) сухопутные и военно-морские сборы в эфебиях потеснила гимнастика, а также естественные и гуманитарные предметы. Хотя основной здесь по-прежнему была военная служба, много времени эфебов занимало изучение литературы, риторики и музыки.

Эфебы посещали философские школы в обязательном порядке. Это была культура воинов и философов в одном лице.

Долгое лето греческой цивилизации, продлившись под эгидой Рима (до диктатуры Суллы), позволило эфебиям выдержать конкуренцию с высшими школами Родоса и Смирны. Даже с Александрией в Египте.

Но после этого военно-образовательное античное наследие впало в анабиоз вплоть до XIX века. Оно постепенно стало возрождаться к жизни, чтобы в наши дни завоевать почти весь мир.

Одним из первых выразил нарастающую тенденцию к соединению действительной военной службы с приобретением общей культуры Федор Николаевич Глинка (1786-1880). Глинка — участник Отечественной войны 1812 года, поэт и политик. В 1818 году он опубликовал "Рассуждение о необходимости чтения книг, также о пользе учрежденного при Гвардейском Штабе для военных читателей книгохранилища".

В Северо-Американских Штатах идея общего образования для солдат и офицеров на действительной службе созрела ко времени Гражданской войны. Правда, первые попытки учредить невоенное образование в армии относятся к 1838 году. Тогда вступил в силу закон "О добровольных образовательных возможностях в вооруженных силах". Закон разрешал каждому отряду нанимать капеллана, в обязанности коего входило обучение военнослужащих грамоте.

Со времени 1-й мировой войны военное министерство США предприняло ряд усилий, чтобы обеспечить бойцов общим образованием по почте. Согласно мобилизационному закону 1939 года, заочные учебные курсы были распространены на все рода войск. Впервые вводились целевые гранты для оплаты учебы солдат и офицеров в вузах.

После 2-й мировой войны в Штатах постоянно росло число записывающихся на военную службу, которые желали одновременно приобрести среднее или высшее гражданское образование.

В семидесятые годы XX века продвижение в гражданском образовании "без отрыва от производства" — один из главных мотивов при выборе военной карьеры.

Более того, полностью оплачиваемое государством гражданское высшее образование явилось едва ли не основной причиной, по которой военные контракты продлевались.

Образовательные возможности в вооруженных силах сегодня чрезвычайно велики и разноплановы. Они включают в себя и подготовку к университету, и заочное обучение в колледжах.

Сегодня в Германии делается все необходимое, чтобы солдат Бундесвера мог получить диплом о высшем образовании, проходя действительную службу. Послесреднее образование обоснованно строится с учетом военных знаний, не отрывных ныне от естественных и технических наук.

Кроме того, собственно военная подготовка в настоящее время по желанию

службистов соотносится с учебными курсами вузов и засчитывается для учебы в них.

Общее и профессиональное невоенное образование благотворно сказывается и на дисциплине, и на собственно военной специализации.

Так, по данным военных судов США 90-х годов, более 65 процентов дисциплинарных и правовых нарушений в вооруженных силах совершают люди, не окончившие средней школы. И только 14 процентов — имеющие полное среднее образование. Исследования показали, что плохая дисциплина в армии обратно пропорциональна уровню образования служащих.

Армия — школа культуры. На Западе это понимают как изучение ценностей, этики, в частности, и политической. Патриотизм укрепляется не столько с помощью агитации и пропаганды, сколько благодаря заботе о будущем солдат и офицеров, поджидающем их на "гражданке".

Как и чем должны быть оборудованы школы России?

В 1697 году великий ученый Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716) знакомится с Петром I Великим и впоследствии консультирует его по самым разным вопросам. По просьбе Петра I Лейбниц разработал проекты развития образования и государственного управления в России.

То, что Лейбниц считал необходимым условием для введения наук, искусств и развития ремесел в обширной России в XVIII веке, то самое остается неперменным условием и для развития школьного дела сегодня. Потому как школа обязана быть обучающей и воспитывающей средой для активного действия учащихся.

Лейбниц перечислял Петру: для школы нужны библиотека, естественнонаучный музей, музей искусств, зоологический и ботанический сад, обсерватория и лаборатории.

Библиотеку Лейбниц советовал сделать не слишком громоздкой, но хорошо подобранной и на многих языках. Хотя собирать книги следует по всем предметам, предпочтение должно отдать реальным наукам. В их число Лейбниц включал и историю.

Важно собирать гравюры и рисунки, в которых изображаются всевозможные явления природы, ремесла, эпизоды из жизни великих людей, а также наглядно представлены разного рода отвлеченные идеи.

Особо останавливается Лейбниц на музее естествознания и искусств. Он считает, что там должно быть все необходимое для соединения учебной и исследовательской работы. А именно: приборы, кабинеты, комнаты для образцов ремесленного производства.

Еще надобна галерея древностей, картин и скульптур. Питомники для животных и огороды для возделывания полезных растений. И, конечно, столярные, слесарные, оружейные и другие мастерские.

Далее очень важно: в них должно быть представлено то, что невозможно полностью описать в книгах, либо изобразить на рисунках.

Лейбниц предлагал связать учебные лаборатории с аптеками, а также — с металлолитейными и стеклянными заводами, артиллерийским ведомством, монетным и пробирными дворами.

Огромное значение придает он обсерватории, связывая с ней еще и агрономию, и горнорудное дело. Конечно, и мореходство без телескопа невозможно.

Лейбниц, который высоко чтит Яна Амоса Коменского и даже посвятил ему стихи на латинском языке, находился под влиянием его педагогических идей. Поэтому не удивительно, что он заключает свое описание правильно оборудованной школы такими словами:

"Необходимо следить за тем, чтобы наставники в разных науках действовали

согласно друг с другом, чтобы различные учения не противостояли одно другому, но способствовали взаимному изъяснению".

Здесь перед нами в явном виде предстает идея воспитывающей и обучающей среды, способной вести детей вперед путем опережающего задания трудностей. Именно трудных заданий, а потому интересных и развивающих.

Наиболее эффективный способ организованного целенаправленного влияния среды на детей — их взаимодействие с этим окружением.

Воспитывающая и обучающая среда — естественная стихия учения и воспитания. Она основана на процессах непреднамеренной социализации и состоит в надлежащем воздействии не на детей, а на окружающую их обстановку, среду их жизнедеятельности, с которой дети взаимодействуют.

Это самый эффективный принцип обучения и воспитания — благодаря двусторонним связям учащихся с особым образом устроенным их окружением.

Образование дают не готовые ответы наставника на незадаваемые учениками вопросы. Нет! Подлинное развитие питомцы получают из глубин собственной души, из живого интереса к загадкам мира, которые сосредоточены в их непосредственной среде.

Содержанием организованной педагогом обучающей среды выступают культурные объекты. Культурные объекты, присваиваемые учащимися, должны быть моделями серьезных видов деятельности. Они обязаны быть изоморфными проблемам, которые находятся вне школы, — в суровой действительности.

Цель школьного оборудования — такое управление социализацией, которое провоцировало бы самостоятельное поведение детей по приобретению знаний и умений.

Впоследствии ценный вклад в разработку воспитывающей и обучающей среды школы внесли Жан-Жак Руссо, Фридрих Фрёбель, Мария Монтессори, Джон Дьюи, Константин Вентцель, Станислав Шацкий, Омар Хайям Мур.

Расцвет школьного дела требует, как видим, колоссальных средств. Но много не дано. «Из ничего и будет — ничего».

Дорогая школа еще не самая лучшая, но хорошая школа по необходимости очень дорогая.

Как детская среда становится пространством для упражнений в преступлениях

Николай Герасимович Помяловский (1835-63), замечательный русский писатель и педагог, посвятил себя изучению и осмыслению преступности, которая зарождается в среде подростков и даже малолетних детей.

Его интересы постоянно были связаны с воспитанием и обучением.

Он писал статьи и беллетристические очерки на темы воспитания. Один из них, "Вукол", появился в 1859 году в "Журнале для воспитания" с подзаголовком "психологический очерк". В это же время Помяловский работал над аналогичным очерком "Данилушка" (в неоконченном виде очерк был опубликован в "Женском вестнике" в 1867 году), имеющим во многом автобиографический характер.

С 1860 года он занялся преподавательской деятельностью в Шлиссельбургской воскресной школе. Здесь он разработал собственные педагогические приемы, в особенности интересуясь методикой обучения малоспособных детей.

Деятельность Помяловского обратила на себя внимание Ушинского, в то время инспектора Смольного института, который пригласил его преподавать в институте. Здесь Помяловский прочитал несколько лекций. Блестящее начало его педагогической деятельности оборвала ранняя смерть.

На всю его недолгую жизнь наложила отпечаток бурса (общежитие для бедных

учащихся духовных училищ и семинарий), в которой он провел с восьми до двадцати с лишним лет.

В знаменитых "Очерках бурсы" (1862-63) Помяловский анализирует трагическую ситуацию того земного ада, которому имя "дедовщина". Где одни дети находятся под властью других, и взрослые не желают замечать ужасов детского тиранства.

Подростки-начальники получали возможность делать что угодно, и их подлый деспотизм развился в высшей степени.

В результате из мелких "силачей" и нестерпимых взяточников, небольших ростовщиков-кровососов вырастали отпетые преступники. Из училищных воров делались всесветные мошенники.

От детей требовался громадный запас подлости, чтобы решиться на фискальство. Тайными доносчиками всегда были дети бездарные. Чтобы доказать свое усердие к начальству, наушник переносил не только то, что в самом деле было в товарищах, но и клеветал на них.

Моральное уродство подростков укореняется их тренировкой в жестокости. Они колотят слабых, участвуют в групповых избиениях непокорных, совершаемых в потемках, устрашают и подчиняют себе.

В них берет силу потребность бить, чтобы чувствовать, что в их руках трепещет что-то живое, страдает и просит пощады, и все это делается не из мести, не из вражды, а просто из любви к искусству. Это — эстетическое наслаждение разрушать и пакостить.

А забитые дети делаются до цинизма равнодушными к своей личности; они сами себя презирают.

Помяловский обобщал: "Бурса создает род людей, которые бывают существами отвратительными — они до глубины проникаются смрадною ложью, которая убивает в них всякий стыд и честь. Они громче всех вопят о нравственности и религии и обыкновенно проповедуют самую крайнюю, безумную нетерпимость. Беда, если они делаются педагогами. Если в их руки попадает власть, то они употребляют ее возмутительным образом; если они чувствуют в своих руках силу, то употребляют ее на зло".

Несовершеннолетние и сейчас иногда живут по образцу криминального мира (или подражают ему). То же "право силы". Та же низость. Воздух, пропитанный ложью. Побои, вымогательство, рабство, шантаж, вандализм ...

Эти подростки считают общество несправедливым, но в своей среде менее всего заботятся о справедливости. Их "законы" — клоака обыкновенного земного ада, только еще более откровенная и жестокая. Да иначе и не может быть по природе вещей — ведь они не только разрушители, но и порождения общественной жизни. Преступник начинается в детстве. Воспитание обязано предупреждать преступный образ мысли и не допускать практикования поступков, аналогичных уголовным деяниям.

Хорошее воспитание дает силы взрослеющим людям не впадать в отчаяние, злобу и цинизм ВОПРЕКИ насмешкам жизни и каждодневному насилию. Оно дает духовную энергию, чтобы противостоять им, побеждать и самоутверждаться в созидательном труде.

Что и как воспитывает в школьниках античная классика

Высоким вечным ценностям очень идет быть школьными ценностями, как замечал в 1982 году Сергей Аверинцев по поводу наследия Вергилия.

Стихи Вергилия не переставали быть предметом преподавания две тысячи лет, продолжал Аверинцев.

Римские мальчики с восковыми табличками в руках. Питомцы монастырских школ средневековья. Ученики гуманистов и воспитанники иезуитов. Гимназисты и

лицеисты недавних времен, вплоть до вчерашнего и отчасти сегодняшнего дня... Из поколения в поколение, из века в век, они учились читать сладкозвучные стихи о Титире, трудах земледельца, призвании Энея и страсти Дидоны.

Педагогическая роль Вергилия в истории настолько велика, что преувеличить ее едва ли возможно. Он давал при начале умственного пути некий эталон высокого вкуса. А также наглядное представление о доблести — исходную норму самодисциплины.

Как это важно для воспитания молодых душ!

Аверинцеву вторит современный ученый Владимир Мартынов. Не зная ориентиров духа, опираясь только на свой заведомо ограниченный опыт и на свои личные представления, человек способен заблудиться в жизни.

Как некогда Данте, для выхода из мрачной чащи леса современному человеку надобна встреча со своим Вергилием.

Учить надобно мудрости, а мудрость рождается из осмыслений. Из осознания значений, смыслов. В частности, из интерпретации Вергилия.

Понимание своей жизни и себя с помощью великих мыслителей появляется у учащихся не само по себе. Не механически, не автоматически — по мере запоминания. Ведь и убийца Ленского "знал, хотя не без греха, из Энеиды два стиха".

Любое учение требует рефлексии, осмысления, понимания изучаемого. Зачем мне тригонометрия, если я всю жизнь буду продавать чулки? Зачем мне страдания Энея, если они не имеют никакого отношения к моим сегодняшним проблемам? На поверхности — текст. Под ним — слои, пласты, сферы, целые миры смыслов. Множество посланий и предостережений.

Но до них еще предстоит добраться. Они в глубине. И школьника подстерегает кессонная болезнь, если ему не поможет опытный ныряльщик-учитель.

Чему же учит Вергилий?

Во-первых, юношеской жажде геройства, юности как состоянию души.

На каждом шагу в самом тоне Вергилия, в интонациях его серьезности, не отравленной даже привкусом иронии, можно различить юношеский тембр. По сравнению с ним такой дряхлой кажется всезнающая "опытность, пресное, неутоляющее питье" (Анна Ахматова)!

В "Энеиде" Вергилия звучат удивительные слова, выразившие на века вперед патетику юношеских мечтаний и замыслов: "так начинают путь к звездам" (IX, 641). Во-вторых, — всепоглощающей любви к родному дому, отцу и отечеству. Горячему вергилианцу, французскому поэту Шарлю Пеги принадлежат строки: "Блаженны те, кто принял смерть за свой очаг, и огонь очага, и за бедную честь отеческих домов".

Эней — хранитель троянских пенатов, то есть богов домашнего очага, символы которых он несет с собой из Трои в Италию, из прошедшего в будущее.

Он готов на подвиг смерти и более тяжелый подвиг жизни, на последовательное отречение от счастья только ради того, чтобы отеческую святыню передать молодой доблести своего сына и его потомков.

Верность Энея своему отцу Анхизу, тень которого он отыскал даже в царстве мертвых, — едва ли не самый выразительный образ преданности сына отцу во всей европейской литературе.

Эней навсегда врезан в сердца своих читателей с престарелым отцом на плечах и с рукой сына в своей руке.

Но не только Эней... Юноша Лавз гибнет, закрывая своим телом своего отца.

Совсем молодому Эвриалу не страшно идти на ночную вылазку, но страшно рассказать о ней старой матери: "Я не выдержу слез родительницы" (IX, 289).

В-третьих, Вергилий учит мужественно принимать горькие уроки жизненного опыта и все же сохранять надежду. Вергилий — поэт будущего, пророк и

путеводитель.

Как показал Михаил Гаспаров, "Георгики" Вергилия — поэма о неминуемости возрождения по ту сторону смерти.

Первая половина поэмы посвящена единению с природой, вторая — победе над смертью. "Смерти, стало быть, нет" (IV, 226), а есть обновление жизни.

Но стоит ли возрождение смерти? Не обманет ли будущее? Всем своим творчеством Вергилий отвечал: стоит.

Я согласен с Аверинцевым. Если во всем свете не сыщется когда-нибудь больше юного человека, чье сердце забьется от слов Вергилия, если это случится, то... страшно подумать...

=====